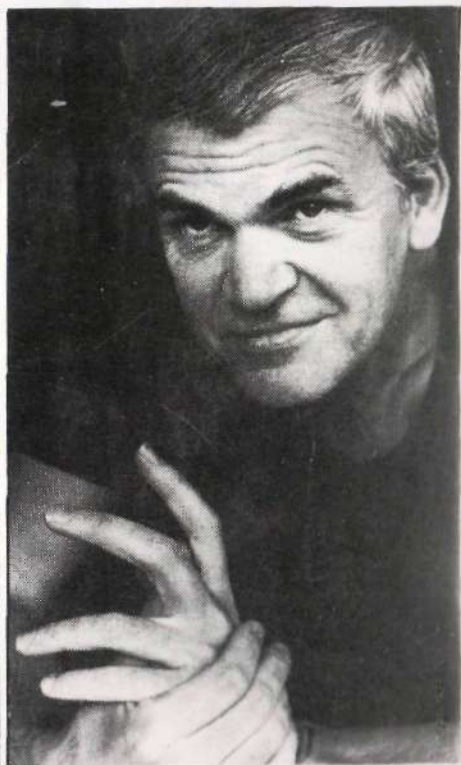

ВРЕМЯ ИДЫ 68 1982

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

- КНИГА СМЕХА И ЗАБЫТЬЯ
- ТРИ ВСТРЕЧИ С ЛЕРМОНТОВЫМ
- АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАСТИ
- ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗЛУКЕ
- СОВЕТСКИЕ ЭМИГРАНТЫ В АНФАС И В ПРОФИЛЬ
- "КОРИДОР" ФЕЛИКСА КАНДЕЛЯ
- ДЕТИ НА СЛУЖБЕ У ТЕРРОРИСТОВ
- ГИБЕЛЬ НАДЕЖДЫ АЛЛИЛУЕВОЙ

Милан Кундера
Смерть Гамины

ВРЕМЯ И МЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ
ПРОБЛЕМ

Восьмой год издания

Выходит один раз
в два месяца

68
1982

СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ

НЬЮ-ЙОРК — ИЕРУСАЛИМ — ПАРИЖ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВРЕМЯ И МЫ" — 1982

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ВИКТОР ПЕРЕЛЬМАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ИЛИА ВЛАДИМИРОВА	КАРЛ ПРОФФЕР
ИЛИА ГОЛЬДЕНФЕЛЬД	АЛЕКСАНДР ПЯТИГОРСКИЙ
МИХАИЛ КАЛИК	ИЛИА СУСЛОВ
АСЯ КУНИК	ДОРА ШТУРМАН (зам.гл.редактора)
ЛЕВ ЛАРСКИЙ	ЕФИМ ЭТКИНД
ЛЕВ НАВРОЗОВ	

Израильское отделение журнала "Время и мы"
Заведующая отделением Дора Штурман
Адрес отделения: Jerusalem, Talpiot mizrach, 422/6

Французское отделение журнала "Время и мы"
Заведующий отделением Ефим Эткинд
Адрес отделения: 31 Quartier Boieldieu, 92800 PUTEAUX
FRANCE

Представители журнала:

Англия	Александр Штротас Croft House, Top Flat 32 New Hey Road Rastrick, Brighouse W. Yorkshire HD6 3PZ ENGLAND
Канада	Юрий Лурьи 305 Robson Hall Winnipeg, Manitoba Canada R3T 2N2 тел. (204) 474-9773
Западный Берлин	Juscwa Mischijew Hussiten Str. 60, 1000 Berlin 65

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Милан КУНДЕРА
Смерть Тамины. 5
Фридрих ГОРЕНШТЕЙН
Три рассказа. 36
Илья СУСЛОВ
Потери. 65

ПОЭЗИЯ

Александр ЛАЙКО
Приглашение к разлуке. 79
Даниил НАДЕЖДИН
Начало. 86
Игорь ДОЛИНЯК
Не убедить других, не разуверить. 94

ПУБЛИЦИСТИКА. СОЦИОЛОГИЯ. КРИТИКА

Илья ЛЕВКОВ
Новые американцы в анфас и в профиль. 102
Г. НИЛОВ
Ступени иерархии. 126
Михаил ХЕЙФЕЦ
Куда поставят — там стою. 137

НАУКА XX ВЕКА

Лев РУДКЕВИЧ
Не хочу бабушку обезьяну. 148

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Виталий МИЛЬМАН
Как это было. 170

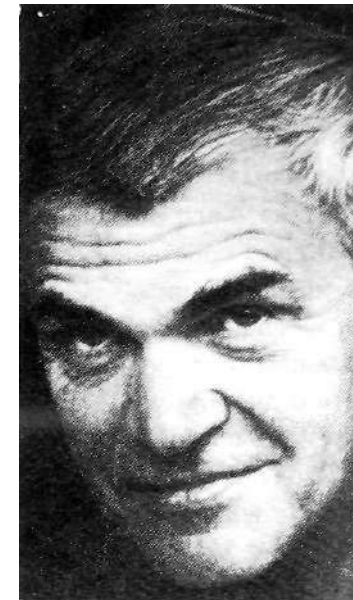
ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Александр ОРЛОВ
Тайная история сталинских преступлений. 189
ВЕРНИСАЖ "ВРЕМЯ И МЫ"
Художник и власть. 234

В 60-м номере мы уже публиковали отрывок из "Книги смеха и забвения" Милана Кундеры — одного из самых замечательных писателей и мыслителей нашего времени. В этом журнале мы предлагаем еще одну, на наш взгляд, наиболее интересную главу из той же книги.

"Книга смеха и забвения" переведена на многие языки мира, и мы надеемся, что отрывки из нее вызовут широкий интерес у наших читателей.

Милан КУНДЕРА

СМЕРТЬ ТАМИНЫ

Из "Книги смеха и забвения"

1

В феврале сорок восьмого года коммунистический вождь Клемент Готвальд поднялся на балкон Пражского дворца, построенного в стиле барокко, чтобы выступить перед сотнями тысяч граждан, которые пришли на Старогородскую площадь. Это был исторический момент в жизни Чехии. Шел снег. Было холодно. Готвальд появился на балконе Пражского дворца с непокрытой головой. Услужливый Клементис снял с себя ушанку и одел Готвальду. Ни Готвальд, ни Клементис не имели понятия о том, что по тем же ступенькам, по которым они взойшли на этот исторический балкон, в течение восьми лет изо дня в день поднимался Франц Кафка. В этом дворце во времена Австро-Венгрии размещалась немецкая гимназия, где он учился. Они не знали и того, что на первом этаже такого же дворца Герман Кафка, отец Франца, имел свою лавку с вывеской, на которой рядом с именем владельца была нарисована птица кавка.*

Мнения, выражаемые авторами, не обязательно совпадают с мнением редакции.

* "Кавка" — по-чешски "галка".

Если Готвальд, Клементис и остальные, стоявшие в этот день на балконе Пражского дворца, ничего не знали или, может быть, забыли о Кафке, то Кафка, как это ни покажется странным, знал об этом их забвенье.

Прага в его романе — это город без памяти, город, забывший даже собственное имя. И обитатели города также ничего не помнят и ни о чем не вспоминают. И Йозеф К. как будто бы ничего не знает о своей прошлой жизни. В этом потерявшем память городе не звучит ни одна песня, способная напомнить о дне или часе ее рождения и тем самым хоть как-то соединить настоящее с прошлым.

Эпоха в романе Кафки — это эпоха, потерявшая всякую преемственность с прошлым, это человечество, которое уже ничего не знает и не помнит о себе. И люди живут в городах, которые никак не называются, а улицы не имеют имени или сегодня называются иначе, чем назывались вчера. Потому что ведь и имя напоминает о прошлом, а люди, у которых нет прошлого, не могут иметь имени.

Прага, как говорил Макс Брод, — это город зла. Когда иезуиты уже после поражения чешской реформации, в 1621 году старались привить народу истинно католическую веру, они буквально утопили Прагу в роскоши барочных храмов. Тысячи каменных святых смотрят на вас со всех сторон, грозят вам, шпионят за вами, гипнотизируют вас, словно обезумевшие полчища оккупантов, которые ворвались триста пятьдесят лет назад в Чехию, чтобы вырвать из души народа его веру и его язык.

Улица, где родилась Тамина, называлась улицей Шверина. Это было во время войны, и Прага тогда была оккупирована немцами. Отец Тамины родился на улице Чернокостелецкой. Это было во времена Австро-Венгрии. Мать переехала на улицу маршала Фоха. Это было после первой мировой войны. Тамина провела годы своего детства на улице Сталина, а ее муж увел ее в новый дом с улицы Виноградской. Но, как ни странно, это была одна и та же улица, просто ей меняли имена, промывали ей мозги, чтобы она обалдела совершенно.

По улицам, которые не знают своего имени, бродят призраки свергнутых с пьедестала идолов. Их свергала чешская

реформация, австрийская антиреформация. Чехословацкая республика, коммунисты: были разрушены все до единого памятники Сталину. И сейчас вместо всех этих поверженных идолов растут по всей Чехии тысячи статуй Ленина, растут, как трава на развалинах, как меланхоличные, холодные цветы забвения.

2

Франц Кафка был пророком мира без памяти. Густав Гусак — строитель его. После Масарика, которого называли президентом-освободителем (все памятники Масарику были разрушены до основания), после Бенеша, Готвальда, Запотоцкого, Новотного и Свободы — Гусак — седьмой президент моей Родины, так называемый президент забвения. Русские привели его к власти в 1969 году.

С 1621 года история чешского народа не знала такого разгрома культуры и интеллигенции, какой был учинен во времена Гусака. Везде и все считают, что Гусак просто преследовал своих политических противников. Но борьба с оппозицией была скорее поводом, скорее случаем, который позволил русским при помощи своего ставленника получить нечто более существенное. Весьма символично, что Гусак изгнал из университетов и научных институтов сто сорок пять чешских историков. Говорят, что взамен каждого из них — поразительно, просто, как в сказке! — где-то в Чехии выросла новая статуя Ленина.

Один из этих историков мой друг Милан Гибл — в очках, с необыкновенно толстыми стеклами — сидел как-то в 1971 году в моей студии на Бартоломеевской улице. Мы смотрели из окна на башни Градчанского кремля, и нас не покидали грустные мысли. "Чтобы уничтожить народ, у него прежде всего отбирают память. Потом уничтожаются его книги, его образование, его история. Кто-то напишет иные книги, даст ему иное образование и придумает для него иную историю. И народ начнет постепенно забывать, что он собой представляет и чем он был в прошлом. Окружающий мир забудет об этом еще раньше. А язык? Кому-то понадобилось лишить нас язы-

ка. Он станет просто фольклором, который рано или поздно умрет своей естественной смертью".

Это была гипербола, рожденная безмерно грустными мыслями. А может быть, это правда, что народ не в состоянии выжить в пустыне организованного забвения? Никто не знает, чем станет для нас будущее, но одно несомненно: в минуту прозрения чешский народ сможет отчетливо увидеть картину собственной смерти. Это еще не сегодняшний день и не неизбежное будущее, но все же вполне конкретная возможность: его смерть следует за ним по пятам.

3

Полгода спустя Гибла арестовали и приговорили на долгие годы тюрьмы. В это же время умирал мой отец. На протяжении последних десяти лет он постепенно терял речь. Вначале он не мог вспомнить некоторых слов, либо вместо них употреблял иные, похожие. И сам же этому смеялся. В конце он только и был в состоянии пробормотать несколько фраз. И все его попытки высказать нечто такое, что требовало большего количества слов, оканчивались выражением, которое в конце концов оказалось последним из тех, что он был способен произнести: "Поразительно!" Он говорил это "поразительно" и в его глазах было нескончаемое удивление тому, что он все знает, но ничего не может произнести. Предметы потеряли для него свои названия и слились в единую неразличимую массу. И только я, когда говорил с ним, мог хотя бы на мгновение превратить эту безымянную бесконечность в мир определенных величин, которым можно было дать имя.

Его огромные голубые глаза на прекрасном старом лице оставались такими же голубыми, как прежде. Я часто водил его на прогулку. Обычно мы гуляли вокруг нашего дома — и это было все: на большее у отца не хватало сил. Он ходил плохо, маленькими шагами и достаточно ему было хоть немного устать, как его тело начинало клониться вперед и он терял равновесие. Мы вынуждены были часто останавливаться, чтобы он отдохнул, прислонившись лбом к стене.

Во время этих прогулок мы беседовали о музыке. Пока

отец говорил хорошо, я задавал ему мало вопросов, теперь я хотел это восполнить. Мы вели беседу о музыке, но это был странный разговор — того, кто ни о чем не имел понятия, но знал много слов, с тем, кто знал все, но не был способен произнести ни единого слова.

На протяжении всех десяти лет своей болезни папа писал длинную книгу о бетховенских сонатах. Он писал лучше, чем говорил, однако и при этом он все с большим и большим трудом находил слова. Его текст уже никто не мог понять, потому что он состоял из слов, которых не существовало вовсе.

Однажды он пригласил меня в свою комнату. На рояле стояли ноты: вариации из сонаты "опус 111". "Посмотри", — сказал он мне и показал на ноты. На рояле он уже тоже не мог играть. "Посмотри, — повторил он и, сильно напрягшись, с трудом произнес, — я уже знаю..." Он все пытался мне сообщить нечто очень важное, но вместо этого невнятно пробормотал несколько слов и, почувствовав, что я его не понимаю, удивленно взглянул на меня и сказал: "Поразительно!" Однако я знал, о чем он хотел сообщить, потому что вопрос этот он ставил перед собой уже давно.

Бетховен к концу своей жизни необычайно любил форму вариаций. Могло бы, на первый взгляд, показаться, что из всех музыкальных форм — это самая поверхностная, не более чем демонстрация музыкальной техники, работа, достойная в лучшем случае мастерицы-белошвейки, но никак не Бетховена. А он впервые в истории музыки превратил вариации в одну из серьезнейших форм, вложил в нее всю мощь своего дарования.

Все это было в общем известно. Но папа хотел знать, почему Бетховен избрал именно вариации и какой смысл за этим скрывается. Поэтому он пригласил меня в свою комнату, показал на ноты и сказал: "Я уже знаю..."

4

Молчание отца, от которого спрятались все слова, молчание ста сорока пяти историков, которым запретили вспоминать, молчание вокруг — эта охватившая страну тишина создает фон картины, на которой я рисую Тами́ну. Она по-прежнему подает кофе в ресторанчике небольшого города на западе Европы.

Но она уже не излучает того ласкового внимания, которое всегда притягивало к ней посетителей. Ей уже не хочется, как некогда, поворачивать к окружающим свое ухо.

Однажды Биби уселась за стойку бара, а дочка ее крутилась под ногами и что-то без конца кричала. Тамина думала, что мать уgomонит ее, но, не дождавшись, сказала: "Сделай что-нибудь, чтобы она так не орала". Биби оскорбилась: "Почему ты так ненавидишь детей?" Нельзя сказать, чтобы Тамина не любила детей. Но в голосе Биби проснулось неожиданное возмущение. И Тамина легко уловила его. Она и сама не могла себе объяснить, как это произошло, но они перестали быть приятельницами.

Однажды Тамина не пришла на работу — прежде такого не бывало. Хозяйка ресторана отправилась узнать, что с ней. Нажала кнопку звонка, никто не открывал. На следующий день она пошла снова. И, когда на звонок снова никто не откликнулся, она позвала полицию. Взломали дверь, но нашли только тщательно убранную квартиру, где все было на месте и ничто не вызывало подозрений.

Тамина не появилась и в следующие дни. Полиция еще раз вернулась к этому делу, но ничего не установила. И история исчезновения Тамины была препровождена в папку нераскрытых дел.

5

В тот фатальный день к стойке бара подсел молодой человек. Тамина была в ресторане одна. Парень заказал кока-колу и пил медленными глотками. Он смотрел на Тами́ну, а Тамина смотрела в пустоту. Потом он сказал: "Тамина!" Если это

было задумано, чтобы произвести впечатление, то из этого ничего не получилось. Не составляло труда узнать ее имя — в этом районе его знали все посетители ресторана. "Я знаю, что вам грустно", — продолжал он. Но и это не вызвало у нее интереса.

Она знала, что существует много разнообразных путей завоевать женщину. Один из самых надежных способов затащить ее в постель — это вызвать жалость. Тем не менее, она взглянула на него с некоторым интересом.

Потом они разговорились. Что на самом деле заинтересовало Тами́ну, — так это его вопросы, даже не содержание их, а то, что он вообще что-то спрашивал. Боже мой! Сколько времени ее никто и ни о чем не спрашивал. Казалось, что прошла целая вечность. Только муж беспрерывно расспрашивал ее, потому что любовь есть постоянное вопрошание. Да, я не знаю лучшего определения любви. Мой друг Гибл возразил бы, что в таком случае никто нас не любит больше полиции. Это правда. И подобно тому, как каждое явление имеет две стороны, так и интерес к людям может обернуться дотошностью полиции. Иногда человек может ошибиться, где какая сторона, и мне нетрудно представить, что одинокие люди порой мечтают, чтобы их вызвали на допрос в полицию.

6

Парень смотрит ей в глаза, слушает ее, а потом говорит, что то, что она называет "воспоминанием", в действительности нечто иное. Она просто отрешенно наблюдает свое "забывание". Тамина в знак согласия кивает головой. А парень продолжает: этот грустный взгляд в прошлое — проявление верности мертвому — мертвый уже вышел из поля ее зрения, и она смотрит в пустоту.

Что же делает ее взгляд таким тяжелым? — спрашивает Тамина. "Он тяжел не от воспоминаний, — объясняет парень, — а от угрызений совести". — "Что же мне делать?" — "Забуть о своем заповинании", — говорит парень. "Посоветуйте, как это делается" — улыбается грустно Тамина. "Разве у вас никогда не возникало стремления уйти?" — "Возникало, — го-

ворит Тамина, — я страшно хочу уйти, очень хочу уйти, но куда?" — "Куда-нибудь, где все легко, как ветерок, где предметы теряют вес, где нет упреков совести". — "Да, — говорит мечтательно Тамина, — уйти куда-то, где предметы не весят ничего. И все будет, как в сказке, как во сне. Тамина оставляет бар, за которым провела несколько лет жизни, и выходит с парнем на улицу. Возле ресторана стоит красный спортивный автомобиль. Парень садится за руль и предлагает Тамине сесть рядом.

7

Я понимаю, в чем Тамина упрекала себя. Когда умер папа, я тоже мучился от того же. Я не мог простить себе, что я так мало расспрашивал его и так мало о нем знаю, что я позволил себе разминуться с ним. И, упрекая себя, я вдруг понял, что он хотел мне сказать над раскрытыми нотами сонаты "opus 111". Я попробую объяснить это, сравнив форму вариации с симфонией. Симфония — это музыкальная эпопея. Мы могли бы сказать, что она напоминает путь, который ведет через внешнюю бесконечность мира, от предмета к предмету, все дальше и дальше. Вариации — это тоже путь, но этот путь ведет не через внешнюю бесконечность. Вы, наверное, знаете слова Паскаля о том, что человек живет между пропастью бесконечно великого и пропастью бесконечно малого. Путь вариации ведет к этой второй бесконечности, к бесконечности внутреннего разнообразия, которое заключено в каждом предмете. Таким образом, в вариации Бетховен обнаружил иное пространство и иное направление поисков. В этом смысле его вариации — это новое приглашение в путь. Форма вариации — это форма максимальной сосредоточенности, она дает возможность композитору говорить о сущности предмета, о ядре вещи. Тема вариации часто состоит не более чем из шестнадцати тактов. Бетховен углубляется в эти шестнадцать тактов, как будто спускается по бесконечному колодцу в самую глубь земного шара. На этом пути его подстерегают многие неожиданные, подобно тому, как они поджидают физика, который спускается в неведомую ему утробу атома.

Каждая вариация уводит Бетховена все дальше от первоначальной темы, которая так же похожа на последнюю вариацию, как тычинка цветка похожа на свое изображение под микроскопом.

Человек знает, что он не может объять вселенную с ее солнцем и звездами. Но он приговорен разминуться и с другой бесконечностью, к которой достаточно протянуть руку. Тамина разминулась с бесконечностью своей любви, я разминулсся с папой, и каждый разминулсся с делом своей жизни. Чтобы достичь совершенства, человек углубляется в суть явления и потому никогда не доходит до конца.

8

Вся эта книга — роман-вариации. Отдельные главы следуют друг за другом, как отдельные участки пути, который ведет в глубь темы, в глубь мысли, в глубь одной-единственной ситуации, осознание которой все более удаляется от меня. Это роман о Тамине, и в момент, когда Тамина покидает сцену, он становится романом для Тамины. Она — главный герой и главный слушатель, а все остальные истории — это лишь вариации ее истории, которые собираются в ее жизни, как в фокусе. Это роман о смехе и забвении. О забвении и о Праге. О Праге и об ангелах. И вовсе не случайно, что парня, который сидит за рулем, зовут Рафаэль.

Пейзаж становится все пустынее. Чем дальше, тем меньше зелени. Чем дальше, тем больше охры. Чем дальше, тем меньше травы и деревьев. Чем дальше, тем больше песка и глины.

Машина съехала с автостреды и шла по узкой дороге, которая неожиданно кончилась у крутого обрыва. Парень остановил машину. Они вышли. Встали на краю. А под ними, на глубине десяти метров, была узкая полоска глиняного берега, а за ним — сплошная вода, мутная, коричневая, которой не было видно конца и края. "Где мы?" — спросила Тамина, и ее охватило нехорошее предчувствие. Она собралась было сказать Рафаэлю, что хотела бы вернуться, но побоялась. Она испугалась, что он откажется, и знала, что его отказ усилил бы ее страх. Они стояли на краю обрыва. Перед ними была во-

да, а вокруг лишь глина, размякшая глина без травы, как будто бы здесь добывали ил.

И, действительно, вдали виднелся одинокий кран. В этот момент Тамина вспомнила, что точно таким же был пейзаж в ста километрах от Праги, там, где была последняя работа ее мужа, после того как его уволили и он поступил работать крановщиком. Он жил в маленькой кибитке, к которой был прицеплен кран и в Прагу к Тамине приезжал лишь по воскресеньям. Однажды, в один из будних дней она сама поехала к нему. Вот именно среди такого пейзажа они в тот день и прогуливались: по размокшей глине, где ни травы, ни деревьев, окруженные снизу охрой и желтизной, а сверху низкими серыми тучами. Они шли рядышком, в резиновых сапогах, которые увязали, точно в болоте, и скользили. Они были одни во всем мире и испытывали тягостное чувство, в котором словно бы все перемешалось: страх, любовь, отчаяние и чувство необыкновенной обеспокоенности друг за друга. И вот то же тягостное чувство охватывало ее теперь. И она была счастлива от того, что через это чувство к ней неожиданно и мгновенно вернулась утраченная нить прошлого. Это был совершенно забытый, утраченный эпизод, и впервые за все эти годы он проявился в ее памяти.

Ей пришла в голову мысль, что нужно было бы записать об этом в дневник, она бы даже вспомнила точную дату этого события. Ей хотелось сказать Рафаэлю, что она хочет вернуться. Нет, он был неправ, когда говорил, что ее грусть — это лишь форма без содержания. Нет, нет, муж в этой грусти живет по-прежнему, он просто исчез, и она должна идти искать его, искать по всему миру. Только сейчас она поняла это. Человек, который хочет вспоминать, не может сидеть на месте и ждать, что воспоминания вернутся к нему сами. Воспоминания разбежались по миру, и человек должен передвигаться с места на место, чтобы разыскать их. Именно это она хотела сказать парню и попросить, чтобы он отвез ее обратно. И в этот момент откуда-то снизу, с берега, донесся негромкий свист...

Рафаэль держал Тамины за руку. Это было крепкое пожатие. От него нельзя было освободиться. Вниз вела узкая, извилистая, скользкая тропинка. Он вел ее по этой тропинке к воде. На берегу, где только что не было ни души, стоял мальчик лет двенадцати и улыбался Тамине. В руке он держал канат, к которому была привязана слегка раскачивающаяся на воде лодка. Она оглянулась на парня, он тоже улыбался. Она переводила взгляд с одного на другого. Рафаэль начал громко смеяться. К нему присоединился и мальчик. Это был странный смех, потому что ничего смешного не произошло, но при этом их смех был необыкновенно заразителен и сладок. Он призывал ее забыть о страхе и обещал ей нечто неясное, — возможно, радость, возможно, мир, и Тамина, которая хотела избавиться от своих тягостных чувств, послушно засмеялась вместе с ними. "Видите, — сказал Рафаэль, — вам нечего бояться".

Тамина вошла в лодку, которая закачалась под тяжестью ее тела, и уселась на корме. Сиденье было мокрым. На Тамине была легкая летняя юбка, и она почувствовала, как вода коснулась ее тела. Это было липкое прикосновение, и к ней снова вернулся страх.

Мальчик оттолкнул лодку от берега, взял весла, а Тамина оглянулась. Рафаэль стоял на берегу, глядя ей вслед. Он улыбался, и эта улыбка показалась Тамине странной. Да, он улыбался и едва приметно при этом покачивал головой.

Почему же Тамина не спрашивает, куда везет ее лодка? Тот, кого не интересует цель, не спрашивает, куда он едет. Она смотрела на мальчика, который сидел перед ней и греб. Он показался ей слабеньким, а весла чересчур тяжелыми. "Ты не хочешь, чтобы я тебя сменила?" — спросила Тамина. Мальчик кивнул головой и встал. Они поменялись местами, и сейчас на корме лодки сидел мальчик. Он посмотрел на Тамины и достал из-под сиденья небольшой магнитофон. Послышалась поп-

музыка, гитара, пение. В такт музыке мальчик начал крутить бедрами. Тамина смотрела на него с неприязнью. Этот ребенок крутил бедрами, как взрослый мужчина. Его движения казались ей неприличными. Тамина опустила глаза, чтобы не видеть его.

Мальчик пустил музыку громче, стал подпевать в такт. Когда Тамина снова взглянула на него, он спросил: "Почему ты не поешь?" — "Я не знаю этой вещи" — "Как это ты не знаешь? Это знают все!" Он продолжал вертеться на сиденье, а Тамина почувствовала усталость. "Ты не хочешь немного погрести?" — "Нет, гребь ты", — сказал мальчик. Но Тамина действительно устала. Она положила весла в лодку, чтобы отдохнуть. "Когда мы уже приедем?" Мальчик кивнул головой вперед. Берег был совсем близко. Его пейзаж отличался от того, что остался позади. Было много зелени, свежая трава, деревья. Через несколько минут лодка коснулась дна. С десятков ребят играли на берегу в мяч и теперь с любопытством смотрели на лодку.

Мальчик привязал лодку к клинышку, вбитому в песок. За песчаным берегом тянулась длинная аллея платанов. Они пошли по аллее и вскоре приблизились к низкому белому барaku. Перед входом стояло множество необычных вырезанных из картона предметов, назначения которых она не могла понять. И тут же было натянуто несколько волейбольных сеток. В них было нечто странное, что поразило Тамины: они висели слишком низко над землей. Мальчик сунул два пальца в рот и свистнул...

Из барака вышла девочка лет девяти. Она была очень хорошенькой, кокетливо выдвигала вперед животик, как это делают Мадонны на старинных картинах. Она посмотрела на Тамины без особого интереса. В как смотрит женщина, которая знает, что она красива и хочет это подчеркнуть отсутствием всякого интереса к окружающим. Девочка открыла дверь барака. Не было ни коридоров, ни прихожей — они оказались в огромной комнате, где стояло множество кроватей.

Девочка несколько минут осматривалась как будто считала кровати. Потом кивнула на одну: "Ты будешь спать здесь?" — "Разве я буду спать в этой ночлежке?" — спросила Тамина. "Здесь не нужны отдельные комнаты". — "Но тут одни дети, а я ведь не ребенок". — "Да, здесь только дети!" — "Но здесь должны быть какие-то взрослые?" — "Нет, никаких взрослых здесь нет". — "Так что тут делать мне?" Девочка больше не обращала внимания на ее недоумение и пошла обратно к дверям. Она остановилась на пороге и сказала: "Я тебя подключила к "белкам". Тамина не поняла. "Я тебя подключила к белкам!" — повторил ребенок тоном недовольной учительницы. — Все дети распределены по отрядам, которые носят имена зверей".

Тамина не желала говорить о "белках". Она хотела обратно. Она спросила, где тот мальчик, который ее привез. Девочка сделала вид, что не слышит, и продолжала разъяснять распорядок жизни детей. "Меня это не интересует, — кричала Тамина, — я хочу обратно! Где этот мальчик?!" — "Не кричи", — ни один взрослый не мог произнести это более свысока, чем эта очаровательная девочка. — Я тебя не понимаю, — пожала она плечами, выражая удивление, — зачем ты сюда приехала, если хочешь уехать?" — "Я не хотела сюда приезжать!" — "Тамина, не лги. Никто не пускается в далекий путь, не зная, куда он едет. Отвыкни лгать". Тамина повернулась к ребенку спиной и выбежала на платановую аллею.

Вернувшись на берег, она начала искать лодку, которую лишь час назад мальчик привязал к клинышку, но лодка исчезла, и клинышка не было. В поисках лодки она побежала вдоль берега. Песчаный пляж вскоре перешел в болото, его надо было обойти стороной, так что некоторое время Тамина блуждала, прежде чем вернулась к воде. Линия берега закруглялась и, не найдя лодки, она примерно через час снова оказалась там, где платановая аллея выходила на берег. Тамина поняла, что находится на острове. Она медленно возвращалась по аллее к барaku. У входа, сгрудившись, стояли девочки и мальчики от шести до двенадцати лет. Увидев ее, они закричали: "Тамина, иди к нам!" и расступились, как бы принимая ее в свой круг. И в этот момент Тамина вспомнила Рафаэля,

как он странно улыбался и покачивал головой. Сердце ее снова замерло от ужаса. Она прошла, не замечая детей и, оказавшись в ночлежке, свернулась клубком на своей кровати.

12

Ее муж умер в больнице. Она приходила к нему всякий раз, когда у нее выдавалась свободная минута. Но умер он ночью один. Когда на другой день она пришла в больницу и увидела его постель пустой, старик, лежавший в той же палате, сказал: "Пани, вам надо было бы пожаловаться, здесь так ужасно обращаются с мертвыми". В его глазах был страх, он знал, что вскоре умрет. "Его взяли за ноги и тащили по полу. Они думали, что я сплю, но я видел, как его голова подпрыгнула на пороге".

У смерти есть два обличья. Одно означает небытие, другое — ужасное материальное бытие трупа. Когда Тамина была совсем юной, смерть представлялась ей только в первом обличье и страх перед ней лишь означал, что придет момент, и ее не будет.

Но с годами этот страх почти исчез, то есть мысль о том, что в один прекрасный день она не увидит неба или деревьев, уже перестала ее пугать. Но чем дальше, тем больше она думала о том втором, плотском обличье смерти. Она испытывала ужас от одной мысли, что ей предстоит стать трупом. Быть трупом означало для нее невероятное унижение и оскорбление. Всего лишь несколько мгновений назад человек был защищен стыдом, святостью наготы и законом о неприкосновенности личности. И вдруг он отдан в распоряжение кому угодно — его могут обнажить, его могут вскрыть, чтобы изучать его внутренности, его вонь может заставить с отвращением заткнуть нос, его могут сунуть в холодильник или бросить в огонь.

Я уже упоминал как-то о рассказе Томаса Манна: молодой человек, смертельно больной, входит в поезд и уезжает в

незнакомый город, чтобы там поселиться. В его комнате стоит шкаф. Каждую ночь из него выходит красивая обнаженная женщина и долго рассказывает ему что-то сладко-грустное. И женщина и ее рассказ — это смерть. Смерть сладко-голубая, как небытие, потому что небытие — это бесконечная пустота, а пустое пространство голубое. Нет ничего более прекрасного и успокаивающего, чем голубизна. И это не случайно, что Новалис, поэт смерти, любил синь и шел за ней. Сладость смерти окрашена в голубой цвет.

Но если небытие героя Томаса Манна прекрасно, то что же произошло с его телом? Его тащили за ноги через порог, ему вскрыли живот, его бросили в яму или в огонь? Манну тогда было двадцать шесть лет, а Новалис не дожил и до тридцати. Я старше их, и в отличие от них не могу не думать о теле. Смерть не голубая. Смерть — это каторжный труд. Мой папа умирал несколько дней. Он был в горячке — мне казалось, что он тяжело работает. Он обливался потом и, прежде чем умереть, страшно мучился, как будто бы смерть была выше его сил. Он уже не признавал, что я сижу у его постели, и был не в состоянии слушать меня. Наступающая смерть полностью его обессилила. Он напоминал всадника, который стремится домчаться до далекой цели, выбиваясь из последних сил. Да, он скакал на лошади. Куда он скакал? Куда-то далеко, — чтобы сохранить свое тело.

Нет, это не случайно, что все стихи о смерти упоминают о пути. Молодой человек Манна едет в поезде, Тамина садится в спортивный автомобиль. У человека появляется непреодолимое желание бежать, чтобы спасти свое тело. Но этот путь напрасен. Человек скачет на лошади, но в конце концов его найдут в постели, и голова его ударится о порог.

Желание, чтобы мужа кремировали, было вызвано одним: она не хотела себя мучить представлениями о надругательствах над его телом. А когда несколько месяцев спустя Тамина задумала покончить жизнь самоубийством, она решила это сделать далеко в море, чтобы об унижениях ее мертвого тела знали только рыбы, которые немы.

Почему Тамина оказалась на острове с детьми? Почему я вижу ее именно там? Не знаю. Возможно, потому что в день, когда умирал мой папа, я слышал веселые песни, которые исполняли детские голоса. Ведь повсюду на восток от Эльбы дети организованы в так называемые пионерские отряды. Они носят красные галстуки, ходят на собрания, как взрослые, и иногда поют "Интернационал". Существует добрый обычай, когда время от времени им предоставляется честь повязать пионерский галстук какому-нибудь знаменитому взрослому и присвоить ему титул почетного пионера.

Взрослые это любят. И чем они старше, тем больше радуются, когда дети одевают им красный галстук. Все его уже получили. Его получил Ленин, его получил Сталин и Шолохов, Ульбрихт и Брежнев. И Гусак в тот день получал свой галстук. Это было во время крупного торжества, которое состоялось в Пражском граде.

В тот день температура у папы понизилась. Был май. Наше выходящее в сад окно было открыто. В доме напротив смотрели телевизор. И звуки торжества долетали до нас сквозь цветущие ветви яблонь. В это время у нас находился доктор. Он склонился над папой, который уже не был в состоянии сказать ни слова. Потом обратился ко мне и произнес: "Он уже ничего не сознает, его мозг разлагается". Я видел, как большие голубые глаза папы еще больше расширились.

Когда врач ушел, я почувствовал себя ужасно неловко и хотел что-то сказать, чтобы как-то сгладить слова доктора. Я показал на окно и сказал: "Слышишь новость — Гусак сегодня стал почетным пионером!" И папа начал смеяться. Он смеялся, чтобы дать мне понять, что его мозг продолжает жить, что я все еще могу с ним говорить и шутить. Но рядом раздался голос Гусака: "Дети, вы наше будущее!" И через некоторое время: "Дети, никогда не оглядывайтесь назад". Я закрыл окно: "Чтобы его не было слышно", — объяснил я папе. А он смотрел на меня с изумительно прекрасной улыбкой и кивал в знак согласия головой.

Через несколько часов температура снова подскочила. Он сел на лошадь и в муках скакал еще несколько дней. Меня он больше не видел.

Ну что она могла сделать, уже очутившись среди детей? Перевозчик исчез вместе с лодкой, а вокруг сплошная вода. Она попыталась бороться. Ах как это грустно! Когда она жила в маленьком европейском городке, то не прилагала усилий ни к чему. А здесь среди детей, в мире предметов, не имеющих веса, она будет бороться? Как вообще она представляет эту борьбу?

Когда в день приезда она не захотела играть с детьми и забралась в свою кровать, словно это была защищенная цитадель, она почувствовала в воздухе возрастающую неприязнь. Тамина хотела воспрепятствовать ей и потому решила перетянуть детей на свою сторону, завоевать среди них популярность. Но это значило в какой-то мере отождествить себя с ними и принять их язык. Она добровольно примет участие в их играх, но она внесет в них новые идеи и поможет им своей физической силой. И тогда очень быстро дети подпадут под ее влияние. Но если она хочет отождествить себя с ними, она должна отказаться от себя. Тамина стала ходить вместе с ними в умывалку, хотя в первый день отказалась это сделать, потому что ей было неприятно мыться на их глазах.

Умывалка — большое облицованное кафелем помещение. Это центр жизни детей и их тайных мыслей. На одной стороне стоит десять унитазов, на противоположной — десять умывальников. Одни сидят на унитазах, приподняв ночные рубашки, другие стоят возле умывальников голышом. Те, кто сидят, смотрят на тех, кто возле умывальников. А те, кто возле умывальников, оглядываются на тех, что на унитазах. Комната насыщена скрытой похотью, которая воскрешает у Таминины смутные воспоминания о чем-то давно забытом. Тамина в ночной рубашке сидит на унитазе. А нагие "тигрята" возле умывальников палят на нее глаза.

Становилось мало-помалу ясно, что ее появление на острове не было результатом чьего-то злого умысла, как она думала раньше, когда впервые увидела общую спальню и свою постель. Напротив, она оказалась наконец-то там, где мечтала быть. Она как будто бы перепрыгнула в далекое прошлое, где еще не было мужа, где его не было даже в ее мечтах и где не было поэтому ни тяжести, ни угрызений совести. И теперь она — с ее столь развитым чувством стыда, а стыд был верной тенью любви — спокойно появлялась нагой перед десятками чужих глаз.

Вначале это было неприятно и неудобно, но вскоре она привыкла, потому что ее нагота не была бесстыдной — она вообще потеряла для нее смысл, стала, как ей казалось невыразительной, немой и мертвой.

Тело, каждая клеточка которого была исписана историей ее любви, утратило теперь всякое значение, и эта его незначимость приносила ей облегчение и спокойствие.

Но если исчезала в ней чувственность взрослого человека, то откуда-то из прошлого постепенно начал появляться на поверхности совершенно другой чувственный мир.

Многие из воспоминаний, которые были как бы спрятаны в подсознании, оживали снова. Например, вот это (неудивительно, что она об этом давно забыла, потому что для взрослой Тамины это воспоминание было смешным и никчемным): когда она была в первом классе, то обожала молодую, очень красивую учительницу и месяцами мечтала о том, чтобы когда-нибудь оказаться с ней вместе в туалете. Сейчас она сидела на унитазе, улыбалась и щурила глаза. Она представляла себе, что она сама и есть та учительница, а маленькая веснушчатая девочка, которая сидит на соседнем унитазе и с любопытством смотрит на нее — бывшая маленькая Тамина. Она смотрела на себя чувственным взглядом этой веснушчатой девочки. И в этом взгляде было столько страсти, что Тамина вдруг почувствовала, как в глубинах ее подсознания проснулось старое, полудремавшее волнение.

С Таминой "белки" выигрывали во всех играх. И теперь они решили, что торжественно отблагодарят ее. Все церемонии, во время которых дети выдавали друг другу награды или накладывали штрафы, происходили в умывалке. И награда Тамине состояла в том, что "белки" всем отрядом должны были самоотверженно служить ей во время ее туалета. Сама Тамина не будет иметь права даже прикоснуться к себе.

И они служили. Вначале они подтерли сидящую на унитазе Тамину. Потом подняли ее с унитаза. Слили воду. Сняли с нее ночную рубашку. Подвели к умывальнику. Каждый хотел вымыть ей грудь и живот, и все сгорали от любопытства, что у нее между ногами и каково это наощупь.

Иногда в ней просыпалось желание прогнать их. Но это было очень трудно. Она ведь не могла сердиться на детей, которые к тому же старательно соблюдали все правила игры и делали вид, что озабочены лишь одним-единственным, как в награду за все, что она для них сделала, лучше услужить ей. Наконец, они проводили ее в постель и стали укладывать и снова находили тысячу очаровательных предлогов, чтобы прижаться к ней и погладить ее тело. Их было страшно много, и она не знала, чья эта рука, а чья — та, чьи эти губы, а чьи — те. Она ощущала прикосновения по всему телу и особенно в тех местах, которые выглядели иначе, чем у детей. Тамина закрыла глаза, и ей казалось, что ее тело начинает медленно укачиваться, словно она лежит в колыбели. И она переживала спокойное и неведанное никогда ранее наслаждение.

Тамина почувствовала, что от наслаждения у нее начали подергиваться уголки рта. Она снова открыла глаза и увидела лицо ребенка, который внимательно наблюдал за ее ртом и говорил другому: "Смотри... Смотри..." Теперь над ней склонились уже два лица. Они возбужденно следили за ней, как будто бы это были разобранные ими часы или муха, у которой они только что оторвали крылья.

Но ей казалось, что она видит не то, что чувствует ее тело, и что склонившиеся над ней дети совершенно не связаны с этим тихим, сладким укачиванием, которое она ощущает.

Она снова закрыла глаза, наслаждаясь своим телом, потому что впервые в жизни само ее тело наслаждалось без участия души, которая ничего себе не представляла и ничего не вспоминала, а просто тихо покинула комнату.

17

Когда мне было пять лет, отец рассказал мне такую историю. Тональность — это небольшой королевский двор, — там правит король — первая нота. У него два помощника — пятая и четвертая ноты. У них в подчинении — четыре чиновника, каждый из которых по-своему относится и к королю и к его помощнику.

Кроме них, на дворе живут еще пять тонов, которые называются хроматическими. В других тональностях у них совершенно исключительная позиция, но в данной они просто гости, потому что каждая из двенадцати нот занимает свое особое положение. У каждой — свой титул, функция, это не просто звук в сочинении, которое мы слушаем, а определенное действие. Иногда события на королевском дворе бывают очень запутанными, как, например, у Малера, а еще в большей степени у Бартока или у Стравинского. В события эти вмешиваются принцы из самых разных королевских дворов. Так что иногда трудно разобраться, какому именно двору тот или другой тон служат. И не находится ли он на секретной службе у нескольких королей одновременно. Но и в таком случае даже самый наивный слушатель может хотя бы в общих чертах угадать, в чем тут дело, потому что и самая сложная музыка все еще остается речью. Так говорил мне отец, а все что дальше, — это уже мое.

Однажды один великий человек решил, что за тысячу лет музыкальная речь полностью исчерпала себя и что она уже не в состоянии, как прежде, воздействовать на слушателя. Имя этого человека Арнольд Шенберг. В своем революционном декрете он ликвидировал иерархию тонов и уравнивал их. Он ввел строжайшую дисциплину, чтобы ни один из них не слышался вместо другого и не мог присваивать себе свои бы-

лые феодальные привилегии. Королевские дворы были раз и навсегда уничтожены, и вместо них была создана единая империя, основанная на равенстве, имя которому додекафония.

Звук стал еще более интересным, чем прежде. Но человек, привыкший в течение десятилетий следить за интригами королевских дворов, слышал звуки, но не понимал их. Империя додекафонии вскоре исчезла.

На смену Шенбергу пришел Ворец, который уничтожил не только тональность, но и тон — тон человеческого голоса, тон музыкальных инструментов, заменив их рафинированной организацией шумов, которая приводит в восхищение, но становится началом чего-то другого, основанного на другом фундаменте и другом языке.

Когда Меланги размышлял в моей чешской квартире о возможном исчезновении чешского народа в русской империи, мы оба знали, что хотя такая опасность реально и существует, но говорим мы о чем-то, что невозможно себе представить. Человек, хотя он и смертен, не в состоянии представить себе ни конца пространства, ни конца времени, ни конца истории, ни конца народа. Он постоянно живет в мнимой бесконечности. Люди, одержимые идеей прогресса, не понимают, что любая дорога, ведущая вперед, одновременно и дорога назад и что в разных лозунгах "вперед" и "выше" слышится сладострастный голос смерти, которая нас торопит и соблазняет.

Если нынешняя одержимость словом "вперед" стала столь распространенной, то, может быть, это произошло потому, что смерть, которая обращается к нам, уже близка. Когда Арнольд Шенберг строил империю додекафонии, музыка была богаче, чем во все другие времена, и была опьянена своей свободой. Никому даже не снилось, что конец так близок: не было усталости, не ощущались сумерки. Шенберг напоминал безумного смельчака — его переполняла гордость, что единственный шаг, который поведет музыку вперед, — это шаг, избранный им. История музыки закончилась в расцвете мужества и мечтаний.

Но если правда, что окончилась история музыки, то что тогда от музыки осталось? Тишина? О, нет! Музыка чем дальше, тем больше — намного больше, чем в те прекрасные времена. Мы слышим музыку из репродукторов, из оглушающих звуковых аппаратов, установленных в квартирах и ресторанах, из маленьких транзисторных приемников, с которыми люди даже не расстаются на улицах. Шенберг умер, умер и Элингтон, но гитара остается вечной. Стереотипная гармония, штампы заезженных мелодий и ритмов запоминаются тем лучше, чем более они бедны и монотонны. Это и есть то, что осталось от музыки.

Простая комбинация нот может объединить всех. Ведь это само бытие, которое вне себя от радости кричит в каждом из нас: "Я — есмь!" Никакое согласие не может вызвать большего единомыслия и большего восторга, чем простое согласие с бытием. На этом сойдутся арабы с евреями и чехи с русскими. Ведь даже наши бранные тела движутся по земле в ритме тонов, опьяненные сознанием, что они существуют. Поэтому ни одно из гениальных творений Бетховена не вызывало такого массового восторга, какой вызывают монотонно повторяющиеся удары по струнам гитары.

Когда приблизительно за год до смерти папы, я гулял с ним вокруг нашего дома, на каждом шагу гремели песни. Чем больше грустили люди, тем сильнее орали репродукторы. Они призывали оккупированную страну забыть горечь прошлого и предаться радостям жизни. Папа остановился, посмотрел вверх, на репродуктор, откуда неслся сплошной грохот, и я почувствовал, что он хочет сказать мне нечто очень важное: он собрался с силами, чтобы выговорить это, и с большим усилием произнес: "Глупость музыки!".

Что он хотел этим сказать? Оскорбить музыку, которую так любил всю жизнь? Нет, я думаю, что он хотел только объяснить, что существует какое-то первоначальное состояние музыки, которое предшествует ее истории, состояние перед первым заданным вопросом, перед первым раздумьем, состояние перед началом игры с мотивом и темой. В этом фун-

даментальном состоянии музыки — музыки без мысли — отражается сама неразумность человеческого бытия. Над этой субстанциональной глупостью музыка поднялась только благодаря колоссальным усилиям духа и сердца, и эта была та великая радуга, которая веками горела над Европой и погасла, как гаснет в небе ослепительный фейерверк. История музыки смертна, но идиотизм гитары вечен.

Сейчас музыка вернулась к состоянию, когда был задан последний вопрос, к состоянию после последнего раздумья, к состоянию после конца истории.

Когда известный эстрадный певец Карел Гот в 1972 году бежал за границу, то Гусак пришел в ужас и написал ему во Франкфурт — это было в августе 1972 года — личное письмо. Я цитирую его дословно, ничего не выдумывая: "Дорогой Карел, мы не сердимся на вас, пожалуйста, вернитесь обратно. Мы сделаем для вас все, что вы ни пожелаете. Мы поможем вам, вы поможете нам".

Задумайтесь над этим на минуту. Гусак спокойно, не моргнув глазом, воспринял бегство врачей, ученых, астрономов, спортсменов, режиссеров, операторов, рабочих, инженеров, архитекторов, историков, журналистов, писателей, художников. Но он не мог допустить, чтобы страну покинул Карел Гот, потому что Карел Гот представлял музыку без памяти ту музыку, которая навсегда похоронила Бетховена и Элингтона, Палестрину и Шенберга. Президент забывает и идиот в музыке достойны друг друга. Один без другого не может существовать: "Вы поможете нам, мы поможем вам!"

Но в башне, где властвует мудрость музыки, человек начинает иногда тосковать по тем однообразным мелодиям без души, которые доносятся извне, из мира, где все люди братья. Оставаться только с Бетховеном опасно, как опасно любое привилегированное положение.

Тамина всегда немного стеснялась признаться даже самой себе, что она счастлива с мужем. Она боялась, что люди будут ее ненавидеть за это.

Сейчас в Тамине борются два смешанных чувства: любовь — это привилегия, а любые привилегии не заслуженны. И поэтому за них надо платить. То, что она очутилась в среде детей, — это наказание ей. Но тотчас это ощущение сменяется другим. Ведь привилегия любви была для нее не только раем, но часто становилась адом. Любовь сопровождалась постоянным напряжением, страхом и не приносила ни минуты покоя. Так что сейчас она среди детей для того, чтобы в конце концов получить вознаграждение за муки любви, получить отдых и спокойствие. Ее чувственность до сих пор была оккупирована любовью. Я говорю "оккупирована", потому что чувственность — это не любовь, это лишь территория, которую любовь себе присваивает, и потому становится чем-то драматическим, ответственным, серьезным и тщательно охраняемым. Здесь в царстве, где предметы не имеют веса, сексуальность стала тем, чем и была вначале, — игрой, приносящей плотское наслаждение. Или скажу иначе: чувственность, извращенная от дьявольского союза с любовью, стала ангельски чистой радостью.

20

Первый раз, когда дети затеяли игру с Таминой в постели, — ей это было странно и неожиданно. Но день ото дня эти любовные игры теряли новизну и казались ей все более грязными. Иногда дети ссорились: те, кто был увлечен любовными утехами, с теми, кто оставался к ним безразличен. Среди ее маленьких любовников также возникали ссоры: между теми, кто оказывался в более выгодном положении, и теми, кто считал, что их оттесняют. При этом все начали изливаться свое раздражение на Тамину и вести себя с ней все более агрессивно.

Однажды, когда возбужденные дети склонились над головой Таминой — одни стояли возле постели, другие на коленках на постели, некоторые сидели верхом на ней, кто-то пристроился на корточках у ее головы и между ее ног, — Тамина неожиданно почувствовала острую боль. Кто-то из детей больно ущипнул ее за сосок. Не в силах сдержать себя она вскрикнула и сбросила всех с постели. Она знала, что это не было

случайностью или проявлением страсти. Ребенок просто ненавидел ее и хотел сделать ей больно. С этого момента любовные свидания с детьми кончились.

И вместе с ними мир покинул царство, где все было легко, как ветерок. Как-то они играли в классы, перепрыгивая с одного поля на другое — вначале на правой ноге, потом на левой, потом двумя ногами сразу. Прыгала и Тамина. Я вижу ее высокую фигуру среди маленьких фигурок детей. Она прыгает, ее волосы развеваются на ветру, а на сердце у нее — неодолимая тяжесть. Один только миг, и "канарейки" истошно кричат, что она залезла на черту. "Белки", естественно, протестуют: ничего подобного, не наступила! Обе команды ползают по земле, пытаются разглядеть след ноги Таминины. Но следы на песке размазаны, не видно и следа от туфля Таминины. Случай — явно спорный. Дети галдят и ссорятся. Проходит уже четверть часа, а спор разгорается все сильнее. Не видя ему конца, вмешивается Тамина: "Ну, хорошо, "канарейки" правы, я наступила на черту!" — "Это неправда, — с гневом обрушиваются на Тамину "белки", — она сошла с ума, она лжет!" Но спор уже теряет смысл. Утверждения "белок", которых Тамина так вероломно предала, теперь ничего не значат. "Канарейки" издают победоносный крик. "Белки" злобно кричат Тамине, что она изменница. Кто-то из них изо всех сил толкает ее, и она едва не падает. Тамина замахивается на драчуна, но для остальных это сигнал к бою. Тамина пытается защититься: она взрослая, она сильнее их и переполнена ненавистью. О, она дубасила их теперь с такой силой, как будто избивала все то, что больше всего ненавидела в жизни. Из носов детей течет кровь. Но вот летит в нее камень, который попадает ей прямо в лоб. Она закачалась, схватилась за голову, на лице ее кровь, от неожиданности дети отступают. Наступает мгновенная тишина, и, держась за голову, Тамина медленно бредет в ночлежку. Она ложится в постель, и дает себе слово больше никогда не участвовать в играх.

Я вижу, как голая Тамина стоит посреди ночлежки, и дети со всех сторон пялят на нее глаза. Из одного угла раздается голос: "Цицки!" В миг это подхватывают остальные, и вся ночлежка скандирует: "Цицки! Цицки! Цицки!" То, что совсем недавно было ее гордостью, — нежные волоски на лобке и прекрасная сильная грудь, стало мишенью для насмешек. Ее взрослость в глазах детей выглядела явным уродством.

Грудь была так же нелепа, как опухоль. Лобок напоминал мохнатого зверька.

После того вечера они не оставляли Тамины в покое: бегали за ней по острову, бросали в нее камнями и палками. Она пыталась спрятаться, убегала и слышала со всех сторон свое новое прозвище: "Цицки! Цицки!" Нет ничего унижительнее, чем когда сильный бежит от слабого. Но их было много, а она одна на всем острове. Она бежала от них и стыдилась, что вынуждена была это делать.

Однажды она решила посчитаться с ними и, поджидая их, спряталась. Их было трое, она колошматила их до тех пор, пока один не упал, а двое других не бросились наутек. Но она бежала быстрее, и вот она уже держит их за волосы. Но что это? Именно в этот момент на нее падает сеть. И еще одна и еще. На нее падают все волейбольные сети, которые были натянуты перед входом в ночлежку, над самой землей. Да, они поджидали ее, а те трое, которых она только что дубасила, были лишь приманкой, которая должна была заманить ее в западню. Сейчас она, опутанная сетями, извивается, бьется о них, словно огромная рыба, а дети с воинственными криками тащат ее за собой.

Почему дети так жестоки? Ну, вот уж! Они вообще даже не злы. Напротив, они сердечны и доброжелательны друг к другу. Никто из них не хочет Тамины только для себя, со всех сторон слышатся их голоса: "Посмотрите! Посмотрите на нее!" Тамина опутана сетями, веревки врезаются в тело, а дети пока-

зывают друг другу на ее кровь и на ее искаженное гримасами боли лицо. Они щедро предлагают ее друг другу — она стала связующим звеном их братства. Несчастье не в том, что дети злы, а в том, что она оказалась за границей их детского мира.

Человек не возмущается, что на бойне закалывают телят. Телята находятся вне закона людей, так же вне закона детей оказалась Тамина. И если кто-то и переполнен ненавистью, то это Тамина, но не дети. Их желание причинить ей боль даже не заслуживает осуждения — ведь оно доставляет им веселье и истинную радость. Они причиняют боль тем, кто находится за границами их мира, для того, чтобы воспеть свой собственный мир и установленные ими законы.

Время берет свое. И все радости и игры, повторяясь, теряют свое очарование. Дети ведь действительно не злы. Мальчик, который мочился на нее, когда она лежала опутанная сетями, улыбнулся ей бесхитростной, чистой улыбкой.

В один прекрасный день Тамина снова начала участвовать в их играх. Она уже снова перепрыгивает из одного квадрата в другой — вначале на одной ноге, потом на другой, затем на двух сразу. Она уже никогда не вступит в их мир, но очень опасается оказаться вне его. И она все делает для того, чтобы оставаться строго на границе. Но именно это внешнее успокоение, эта нормальность, этот компромиссный модус вивенди заключали в себе ужас ее положения. Если еще некоторое время назад все эти издевательства детей помогали Тамине забыть о существовании времени, о его бесконечности, то сейчас, когда агрессивность их поведения сгладилась, пустыня времени как бы вышла из полумрака — ужасающая и подавляющая подобно смерти все вокруг.

Тамина снова и снова вдалбливает себе: она должна, должна прыгать, перепрыгивать с поля на поле — вначале на одной ноге, потом на другой, затем на обеих сразу, и нет для нее в жизни ничего важнее, чем то, как она будет прыгать, залезет на черту или нет. Она должна так прыгать день за днем и нести

на своих плечах бремя времени, как крест, который изо дня в день становится все тяжелее. Она по-прежнему оглядывается в прошлое? Она, как и раньше, думает о муже и о Праге? Нет, уже нет.

24

Вокруг блуждали призраки свергнутых идолов, а наверху, на трибуне стоял президент забытья с красным пионерским галстуком на шее. Дети радостно аплодировали, выкрикивая его имя. Прошло уже восемь лет с того момента. Но я все еще слышу его слова, которые долетели до меня сквозь цветущие ветви яблонь. "Дети — вы наше будущее!" — говорил он, и я знаю, что у этих слов был другой смысл, чем казалось на первый взгляд. Дети — будущее не потому, что они будут взрослыми, а потому, что человечество будет все больше уподобляться детям. Детство — это прообраз будущего мира.

"Дети, никогда не оборачивайтесь назад!" — восклицал президент, и это значило, что будущее не должно сгибаться под бременем памяти. Ведь дети тоже без прошлого, и в этом секрет волшебной невинности их улыбок.

История — это ряд преходящих явлений, а вечное вне истории, его нельзя разменять и у него нет потребности в памяти. Может, в этом смысле Гусак — президент вечного, а не преходящего. Он на стороне детей, а дети — это жизнь, а жить — это значит видеть, слышать, есть, пить, мочиться, испражняться, погружаться в воду, наблюдать за небом, смеяться и плакать.

Говорят, что, когда Гусак окончил свое выступление перед детьми — я уже тогда закрыл окно, а папа снова пытался взобраться на лошадь — Карел Гот вышел на сцену и начал петь. По лицу Гусака текли слезы, и солнечные улыбки, излучаемые отовсюду, слились с этими слезами. Великое чудо свершилось в этот момент в Праге — две половины горящей над Европой радуги образовали арку. Дети задрали головы, они увидели радугу, начали смеяться и хлопать. Идиот от музыки запел песню, а президент забытья радостно раскинул руки и громко воскликнул: "Дети! Жить — это счастье!"

25

На острове слышны песни и звуки гитар. Перед входом в барак на земле лежит магнитофон. Возле него стоит мальчик. Тамина узнает в нем перевозчика, который когда-то очень давно привез ее на остров. Она с трудом скрывает волнение. Если это перевозчик, то должна быть и лодка. Она уверена, что не может упустить этот случай. Ее сердце колотится — с этого мгновения она думает только о бегстве. Мальчик, уставившись на магнитофон, весело крутит бедрами. Дети сбегаются на площадку и присоединяются к нему. Они попеременно дергают то одним, то другим плечом, они взмахивают руками, вскинув вверх указательный палец, словно угрожая кому-то, и подпевают в такт музыке. Тамина спряталась за толстым стволом платана. Она не хочет, чтобы ее видели, но не может оторвать от них взгляда. Они ведут себя так же развязно, как взрослые, двигая животом вперед и назад, словно имитируют совокупление. Бесстыдство их движений снимает разницу между чистотой и испорченностью: невинность становится бессмыслицей. Тамину начинает тошнить, как будто в ее желудке образовался вакуум. Гитары продолжают тупо греметь, дети сладострастно играют животами, а ее тошнит от всех этих предметов, которые не имеют веса. Эта пустота в желудке и есть невыносимое отсутствие веса. И как каждая крайность, которая в любую минуту может превратиться в свою противоположность, так и максимальная легкость может стать страшной тяжестью. И Тамина знает, что она не может ее вынести ни секунды более. Она оборачивается и бежит. Бежит по аллее к воде. Она уже у берега, но лодки нет. Как и в тот первый день, она обходит вокруг весь остров, пытаясь отыскать ее. Но не находит ничего и снова возвращается к месту, где платановая аллея выходит к пляжу. Она видит, как бегут к ней возбужденные дети. Они заметили ее и с криком бросаются ей навстречу.

Она прыгнула в воду не потому, что боялась, она думала об этом уже давно. Ведь путь на остров был недолог. И даже, если она не видит берега, все равно человеку под силу до него добраться. Дети с криком домчались до места, где она бросилась в воду, и она услышала, как несколько камней плюхнулось возле нее. Но она плыла быстро и вскоре заплывала так далеко, что они — взмахами своих слабых рук — не могли уже ее догнать. Она плыла и впервые за долгое время испытывала прекрасное ощущение: она чувствовала свое тело, чувствовала его былую силу. Она всегда плавала великолепно, и взмахи ее собственных рук приносили ей наслаждение. Вода была холодной. Но она была рада этому: ей казалось, что с нее сходит вся грязь детских поцелуев, слюней и взглядов. Она плыла долго, и солнце постепенно погружалось в воду. Наступили сумерки, а затем и полная темнота: не было ни луны, ни звезд, и Тамина, чтобы не сбиться с пути, старалась плыть в одном направлении.

Куда она, собственно, хотела вернуться? В Прагу? Она уже ничего не знала о ней. В маленький городок в Западной Европе? Нет. Она хотела просто уйти. Это значит, что она хотела умереть? Нет, нет, не это. Наоборот, ей очень хотелось жить. Но она должна была представлять обличье мира, в котором бы ей хотелось жить. Нет, она не представляла его себе. Осталось лишь острое желание жить и ее тело. Только эти две вещи. Она хотела уйти с острова, чтобы спасти свое тело и свое желание жить.

Светало. Она напрягала зрение, стараясь увидеть берег. Но перед ее глазами не было ничего, кроме воды. Она оглянулась. Недалеко от нее, на расстоянии приблизительно ста метров, появился берег все того же зеленого острова.

Неужели она плыла всю ночь на одном месте. Ею овладело отчаяние, и она почувствовала, что ее руки и ноги в минуту, когда она потеряла надежду, обмякли и вода показалась необыкновенно холодной. Она закрыла глаза, пытаясь плыть дальше. Она уже не надеялась, что доплывет до другого берега. Она думала только о смерти и хотела умереть посреди воды, без чьего-либо прикосновения, одна, наедине с рыбами. Ее глаза закрылись, и на минуту она, наверное, забылась. Потом закашлялась — вода попала ей в легкие. И не в силах перевести дыхание, сквозь собственный кашель, вдруг услышала детские голоса. Она оглянулась. Неподалеку плыла лодка, а в ней сидели дети. Они кричали, но, почувствовав, что она увидела их, притихли. Дети плыли к ней и не спускали с нее глаз. Тамина видела, что они очень взволнованы. Она испугалась, что они попытаются ее спасти и ей придется играть с ними снова. В этот момент ее снова стошнило и ноги совсем ослабли. Лодка была рядом.

Пять возбужденных детских лиц склонились над ней. Она отчаянно крутила головой, пытаясь сказать: "Дайте мне умереть, не спасайте меня". Ее опасения были напрасны. Дети даже не шелохнулись. Никто не подал ей ни руки, ни весла. Никто и не пытался ее спасти, они просто смотрели на нее широко раскрытыми, любопытными глазами и наблюдали.

Один из них работал веслами, чтобы лодка была рядом с ней. Вода снова попала ей в легкие, она раскашлялась и, обессилившая, махала руками, чувствуя, что уже не в состоянии держаться на поверхности. Ноги становились все тяжелее и словно две гири тянули ее ко дну. Голова уходила под воду. Из последних сил она сделала еще несколько взмахов, поднялась над поверхностью воды и увидела пристально наблюдавшие за ней глаза детей. Спустя секунду она скрылась под водой.

Перевод с чешского Л. Солнцевой

Х л е с т а к о в . Лите-
раторов часто вижу. С
Пушкиным на дружеской
ноге. Бывало часто говорю
ему: "Ну что, брат Пуш-
кин?" — "Да так, брат, —
отвечает бывало, — так
как-то все...". Большой
оригинал.

Н.В.Гоголь. "Ревизор"

Фридрих ГОРЕНШТЕЙН

ТРИ ВСТРЕЧИ С ЛЕРМОНТОВЫМ

*Из воспоминаний Б-а, отставного штаб-ротмистра
лейб-гвардии кирасирского полка*

Впервые я встретил М.Ю.Лермонтова, делая соло в пятой фигуре французской кадрили в танцклассе школы гвардейских юнкеров и гвардейских подпрапорщиков.

Должен попутно заметить совершенно без предвзятой цели, что юноша я был весьма развитой во всем, кроме арифметики и вследствие своего громадного черноземного аппетита за казенные превкусные булки переписывал чрезвычайно быстро и четко юнкерам кирасирского отделения "Войнаровского" и "Думы" Рылеева, из коих некоторые запомнил наизусть. Так что первая моя встреча с М.Ю.Лермонтовым могла бы объясниться сама собой, если б не происшествие в танцклассе.

Лермонтов вместе с еще четырьмя своими товарищами по отделению легкой кавалерии составляли по вечерам так называемый ими "Нумидийский эскадрон", в котором, плотно

взявши друг друга за руки, скользили по паркету, сбивая с ног попадавших им навстречу новичков. Ничего об этом не зная, я был сбит с ног плечом Михаила Юрьевича к величайшему прискорбию танцевального нашего учителя Эбергартта, у которого я был на первом плане как ловкий танцор и прежний его ученик в Горном кадетском корпусе с 1828 по 1830 год и откуда по мнительности покойного отца был взят.

Отец мой, Василий Дмитриевич родился 24 апреля 1780 года, умер 1 июня 1832 года. Погребен в селе Павловском, Лебедянского уезда Тамбовской губернии. Там же погребена и жена его Софья Петровна, родившаяся 6 сентября 1787 года и умершая 8 марта 1827 года. У отца было пять сыновей и две дочери: Лукьян, Дмитрий, женатый на Марии Петровне Григорьевой, Павел, Василий (то есть я, автор настоящих воспоминаний), Владимир, Софья (замужем за Дробышевым) и Екатерина (замужем за Емельяновым). Отец мой умер от водяной болезни и неумелости врача, за несколько дней до смерти взял с меня честное слово посвятить себя врачебному искусству и быть другом человечества. Я с восторгом дал ему это слово и живо помню, что сцена была в биллиардной комнате, увешанной портретами героев 12-го года. Но с детства я слишком возбуждал свое воображение несовременным чтением, а с четырнадцати до шестнадцати лет постоянно поглощал современные французские романы, которые постоянно приносил по поручению старших братьев из библиотеки Готье. Они-то и вышибли из памяти данное отцу обещание, и в сентябре 1834 года я надел кирасирскую куртку...

Однако возвращусь к первой моей встрече с М.Ю.Лермонтовым. Будучи сбит М.Ю.Лермонтовым с ног и не предполагая, естественно, что впоследствии он станет гордостью России, я хотел ударить Михаила Юрьевича кулаком в спину, но "Нумидийский эскадрон" тотчас рассыпался по своим местам, и мы в две шеренги пошли ужинать. За ужином был, между прочим, вареный картофель, и, когда мы, возвращаясь в камеры, проходили неосвещенную небольшую конференц-залу, то я получил в затылок залп вареного картофеля и, не говоря ни слова, разделся и лег на свое место. Этот мой

стоицизм, пропитанный духом энциклопедистов в силу домашнего образования под руководством швейцарца-губернера, видно достиг цели, и едва я заснул, как Михаил Юрьевич, очевидно, подобным пренебрежением оскорбленный, вставил мне в нос "гусара", то есть свернутую бумажку, намоченную и усыпанную крепким нюхательным табаком, отчего нос мой пришел в страшное расстройство и чихание мое разбудило весь эскадрон...

Такова моя первая встреча с Лермонтовым. Впрочем, уроки, преподанные мне великим поэтом, не прошли даром. В течение двухлетнего пребывания в школе, я более двадцати раз сидел под арестом за разные нарушения дисциплины и разные шалости.

Первого января 1837 года я надел офицерский мундир и поступил в кирасирский, его Величества полк в Царское Село. В полку я пробыл до апреля, откуда за шалость, которая в послужном списке несправедливо названа "нетрезвым поведением и буйством на улице", итак, за шалость я был присужден к вычету трехмесячного жалования и переводу в Кавказский линейный батальон во Владикавказе.

Однажды базарный — так называется унтер-офицер, представленный к дому, взятому для офицеров и приезжих, — однажды базарный пришел мне сказать, что какой-то приезжий офицер желает меня видеть. Я пошел в заезжий дом, где застал такую картину: М.Ю.Лермонтов в военном сюртуке и какой-то статский сидели за столом и рисовали, во все горло распевая французскую песенку. Когда я вошел, они даже не посмотрели в мою сторону, не предложили мне сесть, а продолжали петь и рисовать. Это меня озадачило, но еще более озадачило, когда Лермонтов, продолжая рисовать, как бы с участием, но не без высокомерия стал расспрашивать меня, как я поживаю, хорошо ли мне. "Да вам-то что за дело, по какому праву вы говорите со мной покровительственным тоном?" — хотел я ответить оскорбленно, но, вспомнив о своем стоицизме, ответил, что живется мне недурно, и спросил, что они рисуют. "Дарьяльское ущелье, которое в сорока верстах отсюда, — сказал Лермонтов. — А это мой друг, фран-

цуз-путешественник, который на ходу вылез из перекладной телеги и делал зарисовки окрестных гор". На этом разговор наш кончился, обо мне словно бы забыли. Я постоял несколько минут и вышел в расстройстве и обиде.

В третий раз я встретился с Лермонтовым уже в Москве, в 1840 году. Выйдя в отставку и продав 315 десятин тульской земли за 35 тысяч ассигнациями, я, расплатившись с карточными и другими кавказскими долгами, проживал в Москве, почти ежедневно посещая Английский клуб, где играл в лото по 50 рублей ассигнациями ставку и почти постоянно выигрывал. Сочинял я тогда оперу. В меня словно театральная демон вселился, вся жизнь моя приносилась в жертву или ему или женщинам. Среди восторгов воспламененного воображения сочинял я оперу, которую, читая спустя несколько лет, никак не мог понять, откуда такой бред вселился в мою голову. Я был в сильном жару, когда писал ее. Впрочем, всю ту осень по Москве свирепствовала какая-то эпидемическая простуда, называемая *grippe*. Кашель слышен был на балах, на театрах, в огромных торжественных залах, в судах, полках и храмах. Всякий почти кашлял, доктора наживались, а больные выздоравливали посредством одной благодетельной натуры, которая знала лучше Гиппократов причину порчи и умела помогать ей своими средствами. В данную осень потревожила меня смерть моего дядьки Степана. Этот человек был куплен для меня еще моим покойным отцом. Многие скажут: велика беда, что дядька умер. Они у всех кончатся прежде воспитанников своих. Так, конечно, но разве это не обязывает тех, кто ими были довольны, к какой-то к ним признательности...

И в ту же больную осень я встретил М.Ю.Лермонтова в Английском клубе в компании князя А.Б., барона Д.Р. и графа М. Не помню, не то М.Ю.Лермонтов возвращался с Кавказа, то ли вновь был туда переведен. Мы друг другу не сказали ни слова, но устремленного на меня презрительного взора Михаила Юрьевича, я до сих пор не могу забыть. Презрительный взор Лермонтова, брошенный им на меня при последней нашей встрече, имел немалое влияние на мою жизнь,

жизнь эпикурейца на фоне существовавшего тогда крепостного права.

Теперь, то есть в 1885 году мне 68 лет, я живу почти в совершенном уединении в деревне Лысково Нижегородской губернии. Из двадцати четырех часов вычитаю только пять на сон, больше старикам спать не полагается, и пишу, и рву, и думаю, и снова пишу.

Недавно, а именно 25-го числа июня мне пришлось пережить весь ужас преставления света, ибо такой сильный был гром, что я на самый тонкий волосок отстоял от смерти, да и от какой же несносной. Что может быть ужасней быть убитым громом, хоть смерть всяческая неприятна, но все-таки порядочней кажется умереть лежа в постели, чем сгореть от молнии. Едва сего не случилось со мной. Из самой сильной тучи, почти горизонтально над домом висевшей, ударов побольше шести грянуло на расстоянии десяти верст около нас, загорелось от электрической силы стесненной атмосферы, и у меня остановилось дыхание в ту самую минуту, когда я подносил ко рту рюмку венгерского.

А на следующий день погода была ясная, облака тонкие и тихие в своем движении, голубизна краски свои давала эфирному своду. Я поглядел на красоту небесного эфира и подумал, что Михаил Юрьевич Лермонтов уже сорок четыре года зарыт на Пятигорском кладбище, убитый Николаем Мартыновым, нашим общим знакомым в такую же грозу, которая бушевала вчера, все поджигая и испепеляя, и душа Михаила Юрьевича не случайно ушла к небу не в тиши, а среди этого огненного возмущения природы.

Трижды я встречался с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. В первый раз он меня побил, во второй раз он надо мной посмеялся, в третий раз он на меня презрительно посмотрел. Но странно, теперь, когда я старик, эти лермонтовские затрешины, эти лермонтовские насмешки и это лермонтовское презрение кажутся мне единственно ценным, что было в моей жизни. О, как я был рассеян и неумен, как мало я заботился о своем будущем и до моей близкой уже могилы и после нее. У меня было гораздо больше поводов драться на дуэли с Лер-

монтовым за оскорбления, которые он мне нанес, чем у Мартынова. Отчего же, отчего я не воспользовался этим своим правом прежде, чем им воспользовался Мартынов. Я знаю, что никогда бы не застрелил Лермонтова, хоть стрелок неплохой и имею награды, а если б Лермонтов застрелил меня, его дуэль с Мартыновым могла бы и не состояться, даже наверняка бы не состоялась. Но имя мое навсегда бы прилегло у ног лермонтовского имени, как ласковая собака у ног доброго хозяина... Ах, как я понимаю Хлестакова в его воображаемом разговоре с Пушкиным... Как мало в этом разговоре обмана. Как много в этом разговоре лиризма и мечты...

Зачем цену утраты на земле
Мы познаем, когда уж в вечной мгле
Сокровище потонет и никак
Нельзя разгнать его покрывший мрак?

КОНТРЭВОЛЮЦИОНЕР

Научно-фантастический рассказ

Профессору позвонили из одного научного ведомства и попросили его рассмотреть проект изобретателя-любителя.

— Что-нибудь глобальное? — спросил профессор. — Вечный двигатель, осушение океанов?..

— Не совсем, — помолчав, неуверенно ответил сотрудник, — но известный оттенок глобальности, конечно, имеется... Однако, поверьте, — торопливо добавил сотрудник, — целый ряд расчетов сделан со вкусом и даже изящно...

— А как в смысле наглости? — спросил профессор.

— Отсутствует, — сказал сотрудник, но голос его звучал не совсем уверенно.

— Почему звоните именно мне? — уже раздраженно спро-

сил профессор. Ваше ведомство не по моему профилю... И к тому ж я занят...

Профессор утром съел яичницу с ветчиной, которую любил, но которую ему запрещали врачи и теперь досадовал на себя, ожидая с минуты на минуту болей в печени и чутко реагируя даже на самые незначительные отклонения в своем организме, будь то легкий зуд либо робкое покалывание.

— Этот изобретатель ходит ко мне уже полгода, — сказал сотрудник, — я уезжаю в длительную командировку, вместо меня будет другой сотрудник... Говоря откровенно, я звоню вам, уповаю главным образом на ваши чисто человеческие качества... Автору проекта надо помочь... Попытаться убедить. Он в ужасном состоянии. Он озлоблен...

— Понятно, — помолчав, сказал профессор, поддавшись на грубую и неталантливую лесть, что с ним иногда случалось, — понятно, уговорили...

— Вот и хорошо, — сразу повеселевшим, даже каким-то певучим голосом сказал сотрудник, — значит, с вашего позволения проект с сопроводительной бумагой мы пришлем сегодня во второй половине... Как только освободится курьер, мы пришлем...

— Не надо, — сказал профессор, — никаких бумаг с курьером не присылайте... Дайте просто автору мой служебный телефон... Мы с ним сами договоримся...

— Хорошо, — сказал сотрудник.

Автор проекта позвонил к концу рабочего дня, и в голосе его чувствовалось отсутствие уважения к авторитетам. Разговор был четким и предельно деловым.

— У вас есть еще один экземпляр проекта? — спросил профессор.

— Разумеется, — ответил автор.

— Возьмете с собой... Мы встретимся сегодня, на улице у технической библиотеки.

— Но мы незнакомы, — сказал автор.

— Мои портреты иногда помещают в печати, — сказал профессор, несколько уязвленный и потому временно потерявший чувство юмора.

Надо было отказаться от встречи с мелким наглецом, но профессора уже мучил полемический задор, который в его возрасте являлся недостатком.

— Хорошо, — сказал профессор, взяв себя в руки. — Я сам вас узнаю...

Он отпустил машину за несколько кварталов до технической библиотеки и далее пошел пешком.

Была поздняя весна, на бульварах властвовала сирень, профессор же часто, особенно в теплые, урожайные на сирень весны, терял способность к научному осмыслению действительности и не всегда с правильных позиций воспринимал мир. Это был его тайный порок, тайный потому, что он умел его подавлять и преодолевать, но пороком этим он очень мучился и потому старался в это время года идти в отпуск. В этот же раз отпуск его задержался из-за срочной изнурительной работы, ныне приближающейся к благополучному концу. Весной профессор всегда боялся совершить какой-либо безрассудный поступок, причем с годами страх перед этим своим несовершенным поступком еще более усиливался...

На широких лестницах технической библиотеки было довольнолюдно и лишь после тщательного осмотра профессор угадал автора проекта. Это был тщедушный молодой человек с неразвитой детской грудью, очень неряшливо одетый и бледный от недостатка жизненных соков. Наполненно и страстно жили лишь его глаза, черные горячие глаза лжепророка, которыми он и выделялся.

— Здравствуйте, — сказал профессор и взял в свою мясистую ладонь твердую ладошку автора проекта.

— С торца здания есть скверик, — деловито сказал автор, — если вас устраивает...

— Да, конечно, — сказал профессор.

Они уселись на скамейку под кустами белой сирени.

— Итак, ваша специальность? — спросил профессор.

— Биокибернетик, — ответил автор, — я учился на физмате пединститута, но не окончил, самостоятельно увлекся биокибернетикой.

— Понятно, — сказал профессор. — Теперь в двух словах суть.

— Борьба с неправильно развивающейся эволюцией человеческого подвида... Я изобрел биокибернетическую третью ногу...

Профессору стало скучно. Он ожидал большего своеобразие от этого истощенного человека, очевидно отказывающего себе во всех радостях жизни. Бог ведь как угадал автор перемену настроения собеседника, но угадал он мгновенно и вскочил, засмеявшись коротко с сарказмом, показывая на профессора пальцем. Проще всего можно было заподозрить в авторе проекта сумасшедшего, это в конце концов напрашивалось, но профессор не позволил себе сразу же стать на подобный элементарный путь. Будучи чрезмерным полемистом, профессор решил пересилить себя и главным образом слушать.

— Человечество, — говорил автор проекта, — в исторически ничтожный срок слишком резко изменило положение своего тела относительно горизонта... Прапредком человечества было сумчатое животное, опиравшееся на четыре конечности... Предком человечества была обезьяна, внутренние органы которой хоть и принимали некий меняющийся угол относительно горизонта, но во всяком случае не располагались перпендикулярно и постоянно к горизонту... Освободив передние конечности человечество завоевало планету... Но это пиррова победа... Расположив сердце, полушария головного мозга, кровеносные сосуды и т.д. вертикально, то есть перпендикулярно горизонту, человечество насильно направило свое эволюционное развитие по чуждому подлинному естеству руслу... Помимо болезней и преждевременного изнашивания органов, человечество расплавляется утратой великих ощущений природы, которые составляют главное счастье в существовании не только млекопитающих, но даже червей и улиток... Я глубоко убежден, что любовь червей, кстати, описанная Дарвином, я убежден, что любовь червей достигает такой силы, которую человек и не может себе мыслить... И все это благодаря правильному расположению внутренних органов относительно магнитного поля Земли...

— Что вы предлагаете? — почему-то с легкой хрипотцой спросил профессор.

— Нужна третья точка опоры... Я не говорю, что человек должен стать опять четырехногим, он утратил бы ряд преимуществ, завоеванных ценой тяжелых жертв... Но он должен перестать быть и двуногим... Современная биокибернетика способна уже сейчас создать третью точку опоры и рассчитать оптимально выгодный угол наклона человеческого тела к горизонту... Необходим толчок и контрэволюционный процесс пойдет сам собой, выведя человечество из многочисленных тупиков, куда оно было завлечено ложной цивилизацией. Но у всякого великого дела самым могущественным врагом являются мелкие бытовые привычки...

— То есть консервативная привязанность человека к своему современному облику? — спросил профессор.

— Да, — с искренней страстью воскликнул автор. — Наступят счастливые времена, когда двуногие существа будут считаться уродами, а поэты будут воспевать трехногих девушек... Но во имя счастья нужно справедливое насилие...

Автор проекта был предельно честен, это чувствовалось, и говорил с глубокой верой во взятую на себя бескорыстную миссию. Он абсолютно лишен был даже тени цинизма или карьеризма. И профессор понял, что перед ним злейший враг человечества.

— Да, — говорил автор проекта, — угол наклона к горизонту полностью изменит мироощущение, а следовательно, изменится и мировоззрение... Изменятся связи между людьми, изменятся их привычки...

— Иными словами, человечество в нынешнем его понимании исчезнет? — спросил профессор.

— И очень хорошо, — улыбнулся автор проекта. — Я всегда считал человечество, перпендикулярное горизонту, лишь промежуточным звеном... О, вы не знаете, что такое третья точка опоры... Язык, наука, искусство — все потеряет свою ценность. Возникнут такие связи, такие формы познания и такие способы наслаждения, о которых предположить невозможно...

— А двуногий Пушкин? — печально глядя перед собой спросил профессор.

Автор проекта захохотал.

— Пушкин явление того же порядка, что и неестественно короткая жизнь, происходящая от биологически ложного пути. Ваши идеалы надуманы — Пушкин. Наши идеалы — это сокровенная мечта каждого живого организма — тысячелетняя жизнь... В корыстных целях вы скрыли от непритязательных организмов их биологические возможности... Ваша двуногая цивилизация разбухает и совершенствуется за счет законных прав каждого непритязательного организма жить тысячу лет...

Автор проекта говорил, запрокинув голову назад и подняв глаза к небу, грудь его дышала часто, мучительно, как при родах, освобождаясь от сокровенных великих тайн внутри ее созревших и томившихся. И профессор понял, что таковы были древние бесноватые проповедники, за которыми шли толпы больных и голодных.

— Послушайте, мальчик, — сказал профессор, — с соблазнительными идеями надо обращаться осторожнее, чем с бактериями чумы. Среди нас, двуногих, расположенных перпендикулярно горизонту, много доверчивых... Мы, двуногие, много страдали и очень хотим счастья, хотим долгой жизни...

— Вот и отлично, — вскричал автор проекта, — да, я уже думал... Я перестану обивать пороги ваших нелепых учреждений. Я уеду в провинцию... Контрэволюция долгий и тяжелый путь... Я умру, но у меня будут последователи... Мы будем обращаться не к классовому сознанию, не к расовым предрассудкам, а к биологической сути... Наши сложные расчеты должны оканчиваться простым и доступным лозунгом: повернуть и расположить внутренние органы тела под таким углом к горизонту, чтобы исчезла куцая жизнь... Наш лозунг — да здравствует долгая тысячелетняя жизнь организма!

— Теперь я хотел бы посмотреть расчеты, — сухо сказал профессор, — я хотел бы их взять домой...

— Нет, — сказал автор проекта, — домой я вам не дам. Во-первых, я в вас разочаровался, а во-вторых, это последний экземпляр... Черновики мои погибли... Неважно при каких обстоятельствах... Я работал над этими расчетами семь лет...

Профессор глянул на изможденное, очевидно, от бессонницы и систематического недоедания лицо автора проекта.

— Вы плохо питаетесь, — сказал профессор.

— Это к делу не относится, — сказал автор проекта.

Профессор взял несколько пухлых тетрадей, заполненных расчетами, и свернутые в трубку листы ватмана, на которых расчеты подтверждались графическим построением. Вначале все показалось ему не очень серьезным, но постепенно он увлекся. Были, конечно, ошибочные, путанные места, но целый ряд расчетов оказался выполненным действительно интересно.

— Вы обещаете нам долгую тысячелетнюю жизнь и подтверждаете это биокибернетическими расчетами, — сказал профессор, окончив чтение. — Что ж, соблазнительно. Тысячелетняя жизнь — не тридцать сребреников. Найдется немало таких, кто откажется от своего двуногого существования... В вашем проекте опасна не его практическая сторона, которая равна нулю, а его идея... У нас, двуногих, на сей счет существует долгий трагический опыт... Особенно, если идея излагается полемически, ибо полемика — область, которая легче всего оказывает влияние на незрелые умы...

Между тем давно уже стемнело и был даже не вечер, а глубокая ночь, наступление которой собеседники не заметили. Профессор вспомнил, что несколько ранее мимо них мелькали какие-то люди, очевидно, прохожие и отдыхающие в скверике, которые поглядывали то с усмешкой, то с удивлением, ныне же все было тихо и пусто, ночь была светлая, как всегда в больших городах, к тому ж лунная, теплая и сильно, до головокружения пахло сиренью. Именно этот запах особенно взволновал профессора, обострил до предела его ощущения, и профессор понял, что проект надо немедленно уничтожить. Ни слова не говоря он встал и, прижимая к себе бумаги, но держа голову несколько отклоненной в сторону, словно неся пойманную ядовитую змею, торопливо пошел из сквера. Автор проекта, вероятно, догадался о намерении профессора, потому что он тут же кинулся вслед ему и вцепился худыми костлявыми ладошками в пиджак профессора, пытаясь защитить свое любимое дитя. Профессор был стар, но он пи-

тался доброкачественными диетическими продуктами; автор же проекта был молод, но истощен, так как много лет, ведя жизнь тунеядца, он, естественно, не получал от общества полноценных материальных благ, а перебивался случайными переводами технических статей, жиденькие суммы от которых он скупно тратил на картошку, постное масло, хлеб и изредка на сахар и чай. К тому же автор проекта был нервно истощен многолетней дневной и ночной работой.

Именно благодаря вышесказанному профессору удалось причинить автору проекта боль и швырнуть его на землю. Воспользовавшись передышкой, профессор трясущимися руками достал спичечный коробок и поджег бумаги на песчаной аллее сквера. Бумаги корчились в огне, как живые, а профессор стоял по-матросски широко расставив ноги, без шляпы в распахнутом пиджаке и всякий раз перехватывал и отбрасывал автора проекта, отчаянно рвущегося к своим казнимым умирающим трудам.

— Конец, — злорадно крикнул профессор, — и в ведомстве вы тоже не получите свой экземпляр... Его постигнет та же участь...

— Я знаю, — сразу обессилев, сказал автор сожженного проекта, глядя, как профессор перемешивает ногами пепел с песком, — сила пока на вашей стороне... Я допустил ошибку, что согласился встретиться с вами... Либеральный влиятельный невежда — вот на кого всегда опиралась смелая научная мысль... А вы, профессор, порядочная сволочь... Но не надейтесь... Я восстанавливаю все по памяти за год... В крайнем случае — за два... Если спать по четыре часа в сутки, мало двигаться, экономить энергию... Я продам кожаное отцовское пальто... Впрочем, зачем это я вам говорю... Будьте вы прокляты... Двуногая тварь... Что мог ощущать ваш Пушкин или ваш Эйнштейн, если сердца их, кровеносные сосуды и полушария мозга располагались перпендикулярно горизонту... Да одна простая тысячелетняя жизнь мудрей и глубже всех ваших гениев вместе взятых... И это ведь так легко, — сказал он с тоской, — расположить сердце, кровеносные сосуды и мозг под специально рассчитанным углом к магнитному полю Земли... Но вы сожгли мой

проект, — закончил автор тихо, и слезы заблестели у него на глазах.

— Послушайте, — помолчав сказал профессор и начал испытывать странное почесывание около сердца, которое по научной терминологии именуется пацифизм. — Послушайте... Я устрою вас на работу... Вы ведь способный человек... Вам надо хорошо питаться... Вам надо купить себе пальто, купить себе несколько модных костюмов... Вам надо полюбить девушку...

Автор молча повернулся, пошел из сквера, и по его сутулой спине чувствовалось, что он готов на любые жертвы и страдания во имя уничтожения человечества. Профессор пошел следом, пытаясь окликнуть собеседника и продолжить разговор, но он все более отставал и терял гонимого лжепророка из виду. Так прошли они площадь, пересекли переулок и вышли на ночной бульвар, где запахи сирени, настоенные на влажной земле, приобрели силу алкоголя.

Профессор шел пошатываясь, прижимая локтем печень, широко раскрыв рот и вытирая платком влажный лоб. Вдали был дощатый павильон летнего кафе, и профессор знал, что за этим павильоном есть боковой выход из сквера. Профессор ускорил шаг и, нарушая правила, пошел наперерез, через газоны, чтобы первым оказаться у выхода, но лжепророк успел быстрее обогнуть павильон с торца и, выйдя из сквера, уйти проходными дворами.

— Допустим, — крикнул тогда профессор, набрав в легкие побольше сладкого от сирени вязкого воздуха, — допустим, — крикнул он в надежде, что лжепророк еще недалеко и может его хотя бы услышать, — допустим, вы создадите вашу тысячелетнюю жизнь на трех ногах под расчетным биокибернетическим углом к горизонту... Но кому нужна она, если в ней не будет ни Пушкина, ни несовершенства, счастье же будет не преходящим, а вечным... Разве не равна она лежанию в могиле... Ваши идеи могут увлечь лишь голодных, больных и физически ущербных...

После сего профессор пошел назад по бульвару, все время радостно улыбаясь, ибо внезапно понял неценное счастье

сегодняшней жизни, понял, что родился в эру, которую когда-нибудь назовут золотой...

Домой профессор вернулся в третьем часу ночи, без шляпы, без галстука и застал родных в страшном ажиотаже и волнении...

А через три дня он уехал по путевке месткома на Южный берег Крыма в лечебно-профилактический санаторий научных работников.

1969

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАСТИ

Мини-повесть

Все началось радостью, а окончилось печалью. Вернее печаль явилась к известному археологу, директору института и профессору Олегу Олеговичу ...скому в облиии радости. Такое, к сожалению, неоднократно случается в жизни вообще и в археологии в частности. Вспомним общеизвестный случай, когда после длительных кропотливых поисков, под буквально казнящими лучами восточного солнца на берегу реки Тигр были вырыты из-под земли колосс-быки с крыльями и человеческими головами. Вспомним радость, охватившую тогда ученый мир. Все были уверены, что раскрыта наконец тайна древней столицы Ниневии. А оказалось, что всего-навсего выкопан из земли очередной дворец царя Саргона П. ...

Поэтому, когда любимый ученик Олега Олеговича Кока (младший научный сотрудник Николай Николаевич Николаев) обнаружил на конечной остановке одного из троллейбусных маршрутов обломок таблички из обожженной глины с клинописным шумерским текстом трехтысячелетней дав-

ности, он хоть и взмок от волнения, но все-таки сумел сохранить хладнокровие и осмотрительность...

Дело было к вечеру, но в летнее время и потому солнце еще не успело скрыться за горизонтом. Было светло и нежарко. Кока, совсем еще молодой ученый, выглядевший к тому же гораздо моложе своих лет, ездил на дачу повидаться с некоей Леночкой. О ней мы больше упоминать не будем, она к произошедшей истории никакого отношения не имеет...

В приподнятом состоянии, побуждающем к постоянным двигательным движениям и свойственном скорее влюбленным школьникам, чем любящим младшим научным сотрудникам, Кока доехал сперва электричкой до некоего пункта, откуда пошел пешком через поле, сплошь покрытое загородными полевыми цветами — источником дохода для цепких и умелых старушек. И, взобравшись по косогору, Кока оказался на конечной остановке городского троллейбуса. Здесь, на обочине шоссе, он и обнаружил уникальную табличку с древней клинописью...

Взмокнув от волнения, но не растерявшись, как было уже сказано, Кока осторожно поднял табличку, огляделся и тотчас же обнаружил вторую, несколько поодаль, но уже в виде обломка. Еще дальше, естественно, лежала третья, целая и невредимая...

След вел вниз по косогору, на который Кока только что взобрался. Осторожно ступая, Кока вновь спустился в долину, покрытую полевыми цветами.

Местность была овражистая с глинистыми разломами и рытвинами. И в районе одного из таких разломов Кока обнаружил целую кучу глиняных табличек, очевидно освобожденных от захоронения грунтовыми водами. Вот тогда-то он по-настоящему похолодел. То, что ценнейшее захоронение подверглось расхищению невежественными личностями, не оставляло сомнений. Доказательство тому — уникальные древние таблички, валяющиеся на обочине шоссе. К тому же неподалеку вертелся и поглядывал на Коку какой-то мальчишка, явный лоботряс, из тех, кого хочется сечь, даже в условиях отмены телесных наказаний. Возникла творческая

дилемма. С одной стороны надо было немедленно, на крыльях лететь к шефу и учителю Олегу Олеговичу, с другой же стороны, как оставить свой пост? Впрочем, решение созрело мгновенно.

— Эй, послушай, мальчик, — дипломатично сказал Кока, — ты, надеюсь, пионер?

— Я второгодник, — разочаровал лоботряс.

— А зовут тебя как? — вел свое Кока.

— Колян.

— Значит, мы с тобой тезки, — подстраиваясь под партнера голосом лучшей в свое время исполнительницы детских ролей Сперантовой произнес Кока, — вот что, Колян, возьми рубль и стой здесь, не позволяй никому трогать эти плиточки... Я скоро вернусь, и ты получишь еще рубль... Нет, два ... Или даже пять...

— Дайте сейчас два рубля...

— Вот тебе три... Но смотри мне...

— Будьте спокойны, — сказал Колян. — Покараулю...

Кока собрал трясущимися руками (здесь он несколько совладал с собой) все, какие способен был унести, таблички, увязал их в снятый с себя пиджак и на крыльях, то бишь на такси помчался к Олегу Олеговичу. Рабочий день давно кончился, но Кока не сомневался, что Олег Олегович еще в институте...

Кока проследовал мимо секретарши Гертруды Исаковны, которую за долгие годы службы по архитектурному ведомству трудно было удивить, тем не менее вызвав недоумение. Он был бледен, испачкан глиной, а на руках, подобно младенцу, бережно нес нечто, увязанное в свой грязный пиджак. Он проследовал мимо секретарши Гертруды Исаковны, которую обожал, но с которой на этот раз даже не поздоровался и в таком состоянии вошел в кабинет профессора, ибо все резервы самообладания он исчерпал в районе обнаруженного им на конечной остановке троллейбуса древнего захоронения.

Профессор Олег Олегович ...ский, сидя в удобной позе, подперев щеку ладонью и улыбаясь, был погружен в люби-

мое свое занятие — чтение санскритской грамматики давно вымершего языка Индии.

— Как вы кстати, — воскликнул профессор, увидев своего любимого ученика, — обратите внимание... Авестийский язык, который ошеломил филологов своей связью с санскритом...

В этот момент молча приблизившийся Кока бережно уложил на полированный стол профессора перепачканный глиной узел — свой мятый пиджак, в который была увязана находка. Одна из табличек с тихим звоном, какой издает обожженная глина, скользнула на стол профессора.

— Да ведь это шумерская клинопись, — высоким митинговым голосом крикнул профессор. — Три тысячи лет до нашей эры ...

Далее любимый учитель и любимый ученик некоторое время разговаривали междометиями и обломками фраз.

— Где?

— Там.

— Когда?

— Сейчас.

— Как?

— Не помню...

И так далее и тому подобное. Тем не менее Коке удалось достаточно ясно и убедительно изложить суть дела.

— Гертруда Исаковна, — произнес Олег Олегович, — Павла Васильевича.

Явился завхоз Павел Васильевич. Несмотря на то, что рабочий день давно кончился, многие технические работники, хорошо знавшие и любившие профессора, по своей воле и без всякого принуждения оставались в институте, ожидая указаний.

— Надо немедленно отправиться на конечный пункт троллейбусного маршрута №... и установить охрану возле древнего захоронения, — сказал Олег Олегович, — вызвать дежурную машину... И так далее и тому подобное.

Все закружилось, загудело, запульсировало. На следующий день любимый учитель и любимый ученик явились чуть свет, оба с красными глазами и безусловно после бессонной ночи.

— Пусть не смущает нас случайность находки, — горячо говорил профессор. — Ведь именно волей случая первые клинописные таблицы, еще в XVII веке попали в руки ученых...

Подумать только, шумерская клинопись в районе средне-русской возвышенности... Ведь это научный катаклизм...

Обратите внимание на знаки, напоминающие следы ног ворон.

В это время открылась дверь и вошел завхоз Павел Васильевич, ведя за плечо тезку Коки Коляна.

— Я извиняюсь, — сказал Павел Васильевич, — но во-первых, этот оголец требует обещанные ему пять рублей, а во-вторых, он заявляет, что умеет читать буквы на табличках.

Профессор засмеялся тем протяжным смехом, каким каждому из нас доводилось смеяться, но, конечно же, не наяву, а во сне, когда видишь нечто совсем уже юмористическое, например, подштанники, которые самостоятельно, без их владельца, прыгают с кочки на кочку по болотистой местности.

— Возьми пять рублей, мальчик, и уходи, не мешай, — сказал профессор.

— Пожалуйста, — сказал Колян, но чтоб сохранить достоинство, вынул из-за пазухи табличку и начал шевелить губами.

— Вы... Ры ... Бы ... Вр... Вра...

— Что такое? — крикнули дуэтом любимый учитель и любимый ученик, — Павел Васильевич, как это понимать... Каким образом продолжается расхищение уникальных ценностей?

— Не могу знать! — заморгал глазами добрейший Павел Васильевич. — Лично посты проверял... Семеныч дежурит, мужик исполнительный...

— Да это не оттуда, — сказал Колян. — Это я за железной дорогой нашел... Червей для рыбалки копал и нашел... Таких плиток там в земле навалом, — и он снова зашевелил губами. — Мы ... О... Лы... Мол... О ...

— Позволь, позволь, мальчик, — уже в совсем ином регистре произнес профессор. — Позволь, позволь, мальчик... Ну-ка, иди сюда... Ну-ка, дай табличку, ну-ка, произнеси...

— Мы... — начал Колян, - Фы...

— Какое же это Фы, если это О, — взвизгнул профессор.

Пелена разом спала с глаз его. Кто хоть раз в жизни был ослеплен идеей, желанной идеей — тот поверит.

— Убирайся отсюда, мальчик, не мешай, — пробовал было удержаться на краю пропасти Кока.

Да, молодость, у которой, казалось бы, все впереди, гораздо сильнее цепляется за соблазны и заблуждения. Но профессор прозрел, хоть, признаться, ослепление прошло еще не окончательно, и он способен был различать лишь отдельные элементы бывшей клинописи.

— Читай, мальчик, — сказал он уже с тихой печалью. — Читай все до конца... Получишь еще ... Получишь на мороженое

— Гы... Мы... Жы ... Эту букву не знаю ... Опять Жы... Эту букву опять не знаю...

— Гертруда Исаковна, — тихо произнес профессор, — принесите, пожалуйста, словарь.

— Шумерский или Ассиро-Вавилонский? — спросила Гертруда Исаковна.

— Нет, для начальных классов средней школы.

— То есть, — дернувшись, произнесла Гертруда Исаковна.

— Да, да ... букварь, — сказал профессор.

— Но я боюсь, что в нашей библиотеке этого материала нет, — сказала Гертруда Исаковна, с тревогой глядя на профессора и стараясь ему не перечить.

— Тогда обратитесь в библиотеку Академии наук, — тихо сказал профессор..

— Хорошо, — сказала Гертруда Исаковна. — Я постараюсь достать требуемую вами литературу у дочери моей племянницы, — и она вышла, дергая шеей, чего с ней не случилось с 1947 года, когда ей изменил муж, кстати говоря, балетмейстер, с которым она немедленно тогда же развелась.

Короче говоря, все было найдено, все было освоено, ослепление прошло окончательно не только у Олега Олеговича, но даже у пристрастного по молодости Коки и вскоре они оба, уже без помощи второгодника Коляна и без помощи бук-

варя читали тексты табличек, правда, в отрывках, ибо систематизировать прочитанное, несмотря на весь свой опыт чтения санскритских и ассиро-вавилонских текстов, обоим ученым так и не удалось. Скорее всего в этих из обожженной глины табличках речь шла о взаимоотношениях поколений, о проблеме отцов и детей. Так на табличке условно обозначенной 8а дробь 11 значилось: "Дилехтур, дай мне сказать... Люди послушайте про жизнь мою... Кто мне жизнь дал не знаю... Ни матку, ни папку не знаю ... Батрацкая жизнь чижолая... А теперича жизнь другая... Ей-ей социализма идет ..." На табличке 7с дробь 33 значилось: "Гляжу я на вас, дорогие мои, и мне чудится сказка, ставшая былью". На табличке 58к дробь 40 — "Молоко матери, воздух и солнце взрастили меня".

Соединив воедино эти, далеко отстоявшие друг от друга таблички, ученые получили картину некоего подобию митинга или собрания, на котором выступают как представители крестьянства, так и представители интеллигенции. Но с другой стороны, например, табличка 12а дробь 4 вносила уже в систему смятение, ибо в ней излагалось некое обличение, причем не в виде пафоса прямого ораторствования, а в форме повествовательной. — "Врачи рассказывали о порядках в некоторых столовых. Лучшие куски мяса, оказывается, попадают не в те желудки, в чьи предназначаются государством." Кропотливый труд ученых был внезапно прерван телефонным звонком.

— На каком основании, — с места в карьер начал некто, — вы извлекаете из земли экземпляры моей повести ... Если я не признан сегодня, то это еще не значит, что вы имеете право рвать мою археологическую связь с потомками... Фамилия моя Филаретов... Я прямо и откровенно ... Я не аноним и не псевдоним...

Все сразу стало ясно, как божий день.

— Негодяй! — закричал профессор, как мы увидим ниже, несколько опрометчиво, — какое право вы имеете засорять культурный слой нашей эпохи... Мы вас к ответственности привлечем...

— Сам хамло, — ответил Филаретов. — Вы имеете право не

признавать во мне таланта, но у вас нет права запретить мне зарывать свой талант в землю, — и он повесил трубку...

Профессора трясло минут двадцать пять. После этого он несколько успокоился и вызвал юрисконсульта.

— Данил Данилыч, — сказал он. — Мы хотим передать дело в суд на некоего негодяя, который зарывает в землю свои бездарные, свои до подлости бездарные сочинения.

— А что он их похищает? — спросил Данил Данилович.

— Какой там похищает, — разгорячился профессор. — Он их изготавливает собственноручно.

— Ну, в таком случае, — улыбнулся юрисконсульт и пожал плечами, — я не вижу состава преступления.

— Не видите состава преступления? — чуть не задохнулся профессор. — Да поймите же вы... Пройдут столетия, пройдут тысячелетия... Возможны природные катаклизмы... Все талантливое и даже гениальное ведь написано на легковоспламеняющемся и вообще легкоподдающемся механическому воздействию материале, а этот пишет на обожженных глиняных табличках, часть которых дошла к нам через четыре тысячи лет...

Юрисконсульт посидел из вежливости несколько минут молча, а потом сказал:

— Я могу идти?

— Идите! — раздраженно махнул рукой профессор.

Интуицией ученого он уже почувствовал, что дело проиграно, но еще пытался бороться. Он вызвал завхоза Павла Васильевича и велел ему под его, профессора Олега Олеговича ...ского, личную ответственность выкапывать из земли гнусные таблицы и безжалостно разбивать их на мелкие части, для чего использовать весь наличный техперсонал. В это время раздалось подряд два телефонных звонка, фактически отменивших только что отданное профессором распоряжение. Сначала знакомый уже голос Филаретова, ликующий от того, что предугадал на расстоянии ход профессора, коротко произнес:

— У меня промежду прочим свояк на кирпичном заводе работает.

— Позвольте, — торопливо крикнул профессор, — как ваша фамилия... Филаретов... Давайте поговорим, — но в трубке лишь таинственно щелкнуло. И тут же позвонил преданнейший Кока и, как бы подтверждая мысль о полном обеспечении негодяя керамическими канцтоварами, сообщил, что на сто пятидесятом километре в труднодоступных болотах обнаружено захоронение нескольких сотен керамических табличек с клинописью повести Филаретова.

— Все, — устало сказал профессор, — может быть и есть возможность ему помешать, но для этого требуются долгие юридические мытарства. Филаретов же за это время буквально наштамповывает собой культурный слой нашей эпохи, он оклеветает нас и нашу культуру перед потомками. Раз нет возможности ему помешать, тогда хоть пусть он закапывает в землю свои труды под нашим контролем. Да, да, друзья мои, как это ни печально, с Филаретовым придется вступить в деловой контакт.

Призвав к компромиссу (это, кстати, происходило уже несколько позднее и на ученом совете), профессор зашатался и тяжело опустился в кресло. Видно столь смелое аналитическое решение далось ему нелегко.

Но вступить в деловой контакт с Филаретовым оказалось не так-то просто. Он развернул против археологического института самую настоящую партизанскую войну. Сотрудники института буквально с ног сбились, ведя поиск с использованием новейших средств археологической науки. Было обнаружено несколько свежих захоронений керамической повести в районе водохранилища, у окружной автотрассы и даже в центре города, это правда случайно, благодаря бульдозерным работам под котлован многоэтажной гостиницы. Однако люди, которые трудились под руководством Олега Олеговича ...ского, были до крайности, до самозабвения увлечены археологией. И все-таки им удалось вскоре выследить и схватить Филаретова в лесистой местности, в самой, можно сказать, чаще. И наконец Кока и завхоз Павел Васильевич, оба в охотничьих сапогах и телогрейках, тяжело устало ступая, ввели в кабинет Олега Олеговича Филаретова, человека в расцве-

те лет и сил, также сообразно обстановке одетого по-походному. На этот раз Филаретов явно не успел отдать путем зарытия в землю свой талант потомкам. В левой руке он держал лопату-заступ, в правой — мешок с повестью.

— На каком основании, — сразу же строго и требовательно начал Филаретов, — меня задерживают с применением насилия... Кто вы такие... Задерживать имеет право милиция по предъявлению документа... Вы думаете, я конституции не знаю...

— Садитесь, Филаретов, — совершая над собой неимоверное усилие и стараясь быть предельно учтивым, сказал профессор, — никто вас не задерживал... Просто мы пригласили вас для беседы. У нас к вам предложение. Мы хотим включиться в вашу работу, принять в ней участие.

— Это другое дело, — сказал Филаретов. — Я сам всю жизнь стремился в коллектив, но меня не признавали всякого рода литературные волкодавы.

— Мы ознакомились с вашей повестью, Филаретов, — сказал профессор. — На наш взгляд, она нуждается в существенной литературной доработке...

— А разве я против? — широко открыто улыбнулся Филаретов (в этот момент он показал себя покладистым малым, вернее, так тогда почудилось профессору), — разве я против, — продолжал Филаретов, — доработать можно, но при том учтите важность тематики... Чем-чем, а тематикой я не собираюсь жертвовать. Вот, например, — он порылся в мешке и вытащил наугад керамическую табличку, — вот, например, размышления об идеале женщины, размышления главного героя моей повести... Мой идеал! Пусть у нее будет единственная пара чулок, но аккуратно заштопанных, чистых... Пусть она не страшится самой черной работы, честной, конечно... Я готов слиться с этой женщиной и не сочту жертвой со своей стороны, если потом она лишится рук, ног, ослепнет... Или вот, — Филаретов опять порылся в мешке. — Вот мой герой уже в совершенно иной, не личной, а общественной обстановке. Некие чиновники пытаются его перевести на другое предприятие, чтоб избавиться от его принципиальности, и

он прямо им в лицо публично заявляет: "Руководство превращается в опеку, если оно влечет за собой торможение инициативы народных глыб!" Или вот... — войдя в раж, Филаретов снова потянулся к мешку с повестью.

— Стойте, — голосом полным страдания крикнул профессор. — Подождите, Филаретов... Павел Васильевич, проводите товарища в комнату отдыха... Нам здесь надо посоветоваться.

Профессор принял валидол и вызвал главбуха.

— Нил Борисович, — осторожно массируя левую часть груди, сказал профессор, — мы имеем возможность взять литконсультанта?

— Олег Олегович, — сказал главбух, — у меня есть уже два выговора за нарушение финансовой дисциплины.

— Я дам вам письменное распоряжение, — сказал профессор. — Я беру ответственность на себя.

— Разве что по безналичному расчету, — глядя на бледное лицо профессора, сказал главбух.

— Гертруда Исаковна, — сказал профессор. — Свяжитесь, пожалуйста, с Союзом писателей.

В Союзе писателей некто сухо ответил по телефону, что для организации литкружка на предприятии необходимо подать заявление. Заявления принимаются по вторникам и четвергам. Профессор нехорошо выругался и хоть сделал это на санскрите, на исчезнувшем языке древней Индии, Гертруда Исаковна слегка порозовела от смущения. Однако делать было нечего и через полчаса Кока привез на дежурном автомобиле частного литконсультанта. Выбор оказался неудачным. Вместо того чтобы придать повести хотя бы элементарно грамотный вид в пределах букваря, литконсультант вступил с Филаретовым в бесконечные литературные препирательства. А между тем Филаретов и без того становился все более капризен и требователен, впечатление о нем как о рубахе-парне оказалось временным и обманчивым. Во-первых, он потребовал с археологического института за совместное захоронение его, Филаретова, повести в землю непомерно высокий гонорар — сорок печатных листов по триста рублей за лист. От такой суммы в рублях у профессора помутилось сознание, и

он увидел перед собой в воздухе таинственные знаки, отдаленно напоминающие рисуночную письменность хеттов... Во-вторых, Филаретову не понравилась его резиденция в комнате отдыха и его пришлось перевести в зал заседаний ученого совета, где завхоз Павел Васильевич вынужден был играть с капризным автором ради его удовольствия в "козла" на длинном полированном столе, предназначенном для научных заседаний. И в этих-то условиях частный литконсультант затеял с Филаретовым литературную полемику.

— Вот здесь у вас высечено, — кричал литконсультант, — "У входа висел аншлаг, на нем значилось: "Добро пожаловать". — Как это аншлаг может висеть? Что такое аншлаг вы знаете? Или здесь у вас высечено: "Забрезжил дождь... Забрезжить может рассвет, а дождь брызгает..." Или вот. "На подоконнике лежали головные уборы обоего пола..."

— Что такое? — в свою очередь багровел Филаретов. — Я в таких условиях отказываюсь работать... Совершенно не учитывается важность тематики...

— Подождите, Филаретов, — держась за виски и все еще видя перед собой в воздухе наскальную хеттскую письменность, говорил профессор. — Сядьте... Товарищ литконсультант, вас я прошу подождать в комнате отдыха... Павел Васильевич, проводите... Вот что, Филаретов... У нас следующее предложение... Поскольку все это укладывается в землю на столетия, а может быть, и на тысячи лет...

— Само собой, — самодовольно улыбнулся Филаретов.

— Давайте все-таки откажемся от литконсультанта, тем более подобранного неудачно...

— Крайне неудачно, — согласился Филаретов.

— И давайте всю вашу повесть просто-напросто переведем с русского языка на язык древнешумерской клинописи... Наша археологическая практика показала, что древнешумерская клинопись лучше всего сохраняется на глиняных табличках...

Ход профессора был сделан и теперь в свою очередь схватился за виски и задумался Филаретов. Он думал более получаса, но все-таки разгадал хитрость профессора.

— Нет уж, дудки, сказал Филаретов, — кто знает, какие изменения произойдут в мире за будущее тысячелетие... Может, этот шумерский язык никто и не разберет... Пусть уж лучше по-русски останется, тем более тематика повести важнейшая...

— Хорошо, — сказал профессор. — Но в таком случае, у меня дополнительное условие. В каждое захоронение должен быть положен высеченный на несгораемом материале список лиц, которые, как бы это выразиться, в общем сочиняли лучше вас... Для объективности... Список этих лиц будет согласован дополнительно.

— Ладно, кое-кого можно, — капризно и ревниво сказал Филаретов. — Только кота за хвост нечего тянуть, давай, сейчас согласуем.

Как же сейчас, — теряя хладнокровие, раздраженно сказал профессор, — ведь это, как оно для вас ни печально, — тут профессор позволил себе полакомиться сарказмом, — это очень длинный список...

— А например? — сказал Филаретов.

— Ну, Пушкин, Лермонтов, Толстой, Чехов...

— Бунин, Горький, Шолохов, — подсказал со стороны Кока.

— Жюль Верн, — неожиданно вставил завхоз Павел Васильевич, который оказывается обожал фантастику.

— Нет, хватит, — решительно сказал Филаретов, — иностранцы тут не при чем... И Толстого тоже вычеркнем.

— То есть как? — совсем уже потерял хладнокровие профессор.

— А так, — жестко ответил Филаретов, — воспевают гнилую аристократию и проповедует разврат в одноименном романе "Анна Каренина"... А у меня об идеале женщины написано с прогрессивных позиций.

Но тут уж уперся профессор. Как выяснилось, Толстой, несмотря на проповедь непротивления злу, был его любимым автором. Далее дело покатилося как по маслу и вернулось к своей первоначальной форме. Все усилия пошли прахом.

Мы вас к ответственности привлечем, — стандартно крикнул профессор, — за клевету потомкам на нашу культуру... За засорение нашего культурного слоя...

— А, выкуси, — ответил Филаретов. — Такой статьи нету... И вообще некогда мне с вами... Мне свояк новую партию канцпринадлежностей приготовил на кирпичном заводе... Пять тысяч штук... — и, отмахнувшись увесистым мешком с повестью от завхоза Павла Васильевича, Филаретов выскочил в окно.

После всего произошедшего профессор слег, у него началось головокружение, перебои сердца и уже не отдельные иероглифы, а целые фразы хеттской письменности висели перед ним в воздухе.

— Как же так, — отвечал он жене и друзьям, которые предлагали ему поесть или принять лекарство, — вот мы сейчас с вами едим, лечимся, беседуем, а он где-нибудь себя в землю закапывает... А известно ли вам, друзья мои, что великий культурный центр древности Хаттусас в XIII веке до нашей эры был полностью уничтожен пожаром... Погибли величайшие культурные ценности, потому что хетты в основном легкомысленно писали на деревянных табличках, но зато сохранились следы часто второстепенных и культурно отсталых племен, которые писали на огнестойких, глиняных табличках...

И временами профессор даже порывался сочинять докладную в вышестоящие инстанции, где требовал проведения каких-то реформ письменных принадлежностей и перенесения на таблички из огнеупорной глины произведений прошлого и настоящего, которые того достойны. Несколько раз жена заставляла профессора за подобным занятием, отнимала у него перо, бумагу, а ему давала успокоительное. Профессор слабел и терял в весе, но однажды — такое случается только в библейских мифах — он был разом исцелен и приступил к исполнению своих служебных обязанностей. Вдруг, сочным августовским днем, ему позвонил по телефону сам Филаретов и сообщил, что рукопись повести включена в план Энского издательства... Он, Филаретов, ее с огнеупорных табличек перенес на бумагу в трех экземплярах, а захоронение в землю полностью прекратил, то же, что захоронил — извлек.

— Кто его знает, что оно через тысячу лет будет... Для меня

все-таки главное современность... И тематика подходящая... Так что включен в план...

Профессор смеялся десять минут... Кстати, несколько ранее приводился случай, когда профессора, так же после телефонного звонка, трясло двадцать пять минут. Это, конечно, неприятно и все-таки прямой угрозы жизни здесь нет. В то же время, как ни странно, смех человек может выдержать подряд одиннадцать-двенадцать минут, не более. Потом возникает угроза для жизни. Так что профессор уже был на пределе.

— Но, позвольте, профессор, — сказал присутствующий при этом младший научный сотрудник Николай Николаевич Николаев (Кока), который хоть и обожал учителя, но более все-таки истину, — чему же вы радуетесь, профессор... Вы, который пытался спасти от духовной отравы наших далеких потомков, радуетесь, что это тухлое варево окажется на столе современников.

— А за это, Кока, любимая наша археология уже ответственности не несет, — проявляя местничество, ответил профессор, — пусть теперь повернутся литераторы-то... Мы за потомков несем ответственность, а современники пусть с них спрашивают...

И профессор опять захохотал и смеялся еще десять минут, то есть в целом он провел в данном состоянии двадцать минут... Хоть это и не рекомендуется, с перерывом подобное все-таки допустимо... Но даже когда профессор перестал смеяться, на лице его еще долго сохранялась коварная улыбка отмщения, которая, предполагают, воцарилась на лице могучего древнеегипетского бога Сета после того, как он разорвал на части и бросил в реку Нил своего злейшего врага, повелителя мертвых, вечности и преисподни бога Усира...

Илья СУСЛОВ

ПОТЕРИ

Когда мы говорим о потерях, сразу всплывают такие горькие вещи, как потеря близких, потеря свободы, потеря родины. Мы как-то не привыкли вспоминать о тех мелких потерях, которые потом вырастают в более крупные, а иногда меняют нашу судьбу, ломают нашу жизнь.

Сейчас я сижу за машинкой, и на листе бумаги вдруг вырисовываются мои маленькие потери. Одни из них отделены от сегодняшнего дня сорока годами, другие случились недавно. Сыграли ли они роль в моей жизни? Что сломали они во мне, что изменили? Не знаю. Просто вспомнилось...

1942 год. Идет война. Мы с мамой едем на картошку. Семьям военнотружущих разрешили посадить картошку на маленьком огорожке под Москвой. И теперь мы его убираем. Мне девять лет, а брату три. Мы идем со станции мимо огромного поля, окруженного колючей проволокой. У ворот стоит часовая с винтовкой. Тропинка к нашему огорожку идет мимо этого поля. В поле работают женщины. И мы с братом видим, как из-под зеленых листочков они достают

красную, как кровь, клубнику и осторожно кладут ее в большие эмалированные тазы. Клубника такая сочная, такая крупная — с маленькое яблоко размером, — что мы оста-навливаемся и смотрим. Мама нас подгоняет: надо успеть собрать два мешка картошки. Солдат с винтовкой видит наши лица.

— Настя, — кричит он, — дай пацанам по яголке!

И мы впиваемся жадными зубами в пахнущую счастьем ягоду. Баба с жалостью смотрит на нас и говорит:

— А больше не положено. Не про вашу честь.

Но нам и так хорошо. И клубничный вкус и запах остаются в душе навсегда. Запах детства.

Только чье же это было поле, окруженное колючей проволокой? Для кого растили бабы клубнику в самые страшные дни войны?

А мы пошли к своему огороду. И пока мы с мамой пропа-львали грядки и очищали от земли мелкую, как фасоль, картошку, брат мой сидел у опушки леса, окружавшего нас, и глазел на синее небо и зеленую траву. И мы не спускали с него глаз, потому что он был маленький и, по странности, не умел говорить. Я начал болтать чуть ли не сразу после появ-ления на свет, а он как-то задержался и до трех лет молчал. Мы думали, что он так и останется немым.

И тут из леса вылез танк. И второй. И третий. И останови-лись у опушки. Я посмотрел на то место, где сидел мой ма-ленький брат, а его там не было! И я испугался. Господи, как я испугался! Я подумал, что Мишу раздавило танком. Нет, это были не немецкие танки, это были наши, потому что на башнях были нарисованы красные звезды. Но как танкисты могут заметить малышку под деревом? Они раздавили Ми-шеньку! Бедного, немного, маленького!

И я помчался к лесу, крича: "Миша! Миша!" И мама моя, совершенно обезумев, тоже кричала и бегала по лесу. И тан-кисты, вылезшие из танков (это у них были учения), тоже искали моего братика, потому что под танками его не было. И когда, окончательно сорвав голос, плачущий и опустошен-ный, я бросился на землю, то под кустом увидел брата, кото-

рый, улыбаясь, протягивал мне гриб (мухомор, конечно!). И я прижал его к себе и прошептал: "Мама, он жив, он жив!"

И три недели я не мог разговаривать. Я сорвал голос. И в доме у нас было два немых ребенка, что было, наверное, совсем неплохо для мамы, потому что я всегда трещал за дво-их. Но ощущение потери сделало меня намного трусливее, и до сих пор у меня судорожно сжимается сердце в предчувст-вии потерь. И подсознание мое всегда отталкивает разговоры о болезнях, войне, автоавариях и авиакатастрофах. Оно боит-ся того ужаса, который может охватить меня при мысли о по-тере близкого человека. Что это, черствость?

Я в девятом классе. Мне шестнадцать. Я люблю литерату-ру и с упоением читаю наизусть Симонова. Повторяя его гнев-ные интонации, я с ненавистью обращаюсь к противникам Советского Союза в капиталистическом мире:

**Мой друг Самед Вургун, Баку покинув, прибыл в Лондон.
Бывает так: большевику вдруг надо съездить к лордам,
Увидев двухпалатную британскую систему
И выслушав бесплатно там сто пять речей на тему
О том, как в тысяча, дай память бог, каком
Там голову у короля срубили,
Как много сотен лет потом все о свободе сочиняли билли
И стали до того свободными,
Какими видим их сегодня мы:
Свободными до умиления и их самих и население...**

Я произносил эти лицемерные строки с таким презрением к английским лордам и их гнусным проискам по отношению к кристально честным сталинистам Симонову и Вургуну, что учителя мои и товарищи не могли удержаться от аплодисмен-тов. Очень лихо я читал советские стихи! Я тогда не понимал их пошлости и низости. И с этим эстрадным номером меня послали в Ленинград на Всесоюзный конкурс художествен-ной самодеятельности.

Представьте себе радость человека, который впервые один, без мамы, едет — и куда! — в Ленинград в составе москов-ской делегации на смотр самодеятельности!

Это был поезд "Стрела", это был вагон для таких, как я, та-

лантов, отобранных на районных, городских и областных смотрах, и каждый из нас вез то "Песню о Сталине", то "Стихи о советском паспорте", то заработанные в поездках в капстраны "гражданственные" стихи К.Симонова.

Поезд шел ночью. Мы купили на вокзале три бутылки водки, заперлись в купе с чудными девочками (квартет из Фрязино, поющий под популярных тогда сестер Федоровых) и всю ночь проорали под гитару (солист из Гнесинского института: в программе попури на тему русских песен) модные тогда шлягеры".

**На Бродвее чудном чистил негр ботинки,
И блещут у негра лишь белки у глаз.
Он влюблен был в ножки маленькой блондинки
Машинистки Польди фирмы "Джемс Дуглас"...**

И что-то еще, что я забыл, потому что прошло каких-нибудь тридцать лет.

Но самое отвратительное (ах, как бы меня отлупила мама, если бы про это все знала): я потерял свой звонкий, чистый голос, призывающий к борьбе с поджигателями войны! Как же я буду выступать? И девчонки из квартета тоже потеряли и могли петь только, как военный ансамбль Александрова, но ведь их не за это послали! И у гитариста что-то сломалось в его гитаре, так что попури не вытанцовывалось. И от трех бутылок ничего не осталось, потому что для нас, дикарей, свобода заключалась в том, чтобы без взрослых набуянить и напиться. А другой свободы мы не понимали. Некоторые и сейчас так ее понимают.

А участвовать в конкурсе надо было тем же вечером! Меня отпаивали горячим молоком, которое я ненавидел, заставляли пить сырые яйца, делали мне гоголь-моголь, который и сейчас вызывает во мне гримасу отвращения — ничего не помогало! Так я и вышел на сцену перед изумленным жюри, которое возглавлял знаменитый артист Николай Черкасов.

И когда я хрипел в микрофон строчки о том, как

**первых три ряда молчат, молчат, чтоб не было беды,
молчат, набравши в рот воды, молчат четвертый час подряд!**

то это не было об империалистических акулах, испугавшихся длинных и наверняка жалких речей Самеда Вургуня и Констан-

тина Симонова, а о бедном Николае Черкасове и о несчастных слушателях, заполнивших зал театра, где состоялся этот злополучный конкурс самодеятельности. Я помню лишь брезгливое и жалостное выражение на лице знаменитого актера, который во время моего чтения все переглядывался с членами жюри, и его пальцы, барабанившие по ручке кресла.

Но, видно, неподдельная страсть и решительные жесты, которыми я сопровождал свою декламацию, произвели на них какое-то впечатление, и они выдали мне диплом какой-то степени. За наглость, как я сейчас понимаю.

А голос свой с той ночи я потерял навсегда. Иногда он ко мне возвращается, и некоторые женщины считают его "секси". Но перед ответственными выступлениями он пропадает, и я долго извиняюсь перед присутствующими за это свойство моих погибших голосовых связок.

Но, впрочем, это все к лучшему. А то, не дай бог, я стал бы актером или профессиональным чтецом-декламатором и до сих пор ранил бы чувства интеллигентной публики страстным чтением жалких агиток Симонова, Маяковского или кого-нибудь похлеще.

Так что это еще небольшая потеря.

— Давай я провожу тебя домой, — сказала она. — Ты ведь где-то здесь недалеко живешь.

— Я не могу тебя пригласить, — смущаясь, сказал я. — У нас одна комната, все дома, да и соседи...

— Ты не бойся, — сказала она. — Ты мне давно понравился.

Она мне тоже нравилась. Я только что поступил в институт. Вокруг меня был восхитительный, поразительный, возбуждающий, непривычный мир девчонок, которых от нас отлучили в школе. Это вы, счастливицы и негодники, учились в смешанных школах, а наша юность прошла отдельно: школы были мужские и женские, так что то, что вы прошли, для нас было недостижимой мечтой. Ах как нам хотелось этого! И как невозможно было это тогда! Мы влюблялись в девочек из нашего дома, из соседних домов, в девочек, проходивших по Первой Мещанской улице. Мы мечтали о них, мы мыслен-

но спали с ними, но это были лишь мечты. Я ненавижу Россию за то, что она сделала с нами, подростками. Мы жили в двух изолированных мирах: они и мы. Но мы же были живые! Природу можно переделать на манер Мичурина и Лысенко, но ее нельзя изменить. Потому что живое тянется к живому. Мальчики тянутся к девочкам, и ничем это не выравнить. Да и надо ли?

А тут была живая девочка, правда, взрослая, со второго курса, и я, на институтском вечере сразу заметивший ее, такую маленькую, жалкую, в тысячу раз выстиранном платице, с дерзкими глазками, сразу выделившими меня из толпы более опытных сверстников, хоть и притворялся я мужчиной, небрежно озирающим зал, где шли танцы под наш институтский оркестр, шалющим, интригующим, с папиросой "Беломор-канал" в углу рта, с приятелями, смеющимися над каждой моей шуткой. А в душе скребло: ну где же, где, где та, которая...

Мне было семнадцать, и я был девственником. Так уж мне не повезло. С каким жадным вниманием слушал я рассказы своих товарищей о любовных победах! С каким презрением рассказывали они о девочках, которых удостоили своим вниманием! С какой завистью я слушал их враки! И вдруг та, маленькая, в стираном платице хочет меня проводить. Куда? Куда я с ней пойду? И что я буду делать? Домой нельзя. И в подъезд нельзя. Вы видели наши подъезды в бараках, построенных еще при Петре, переделанных тысячу раз под коммунальные квартиры, где жильцы входят и выходят каждую минуту? Вы видели эту грязь, вы нюхали этот запах кошек и мочи, эту убогость, эту нищету? А я хотел стать мужчиной! Я хотел обладать женщиной! И это была первая женщина, в чьих глазах я прочитал: "не бойся!"

У меня до этого был случай, когда я мог это сделать. Это было в магазине на углу Колхозной площади и Первой Мещанской улицы, куда я пришел купить сыр и пельмени для мамы. Ко мне подошло существо в синем прорезиненном плаще до пят, в бигуди, прикрытыми пестреньким платочком, с синими кругами под глазами, с красным, испачкан-

ным помадой ртом и сказало: "Есть что выпить?" И оно разжало грязную ладошку, где лежало несколько карамелек. "Закусочка-то есть", — сказала она. И ей-богу, я бы пошел с ней, потому что она была женщина, а я хотел женщину. Но что-то удержало меня. Жалкие словечки: "Потом, в следующий раз" — сорвались с моих пересохших губ. И, черт меня возьми, как я жалел потом, что не пошел с ней! Я бы мог стать мужчиной!

А тут девчонка, студентка, маленькая, добрая, ушла со мной с того институтского вечера, потому что я подошел к ней, взял ее за руку, как настоящий мужчина, и сказал: "Ты пойдешь со мной!" И "Беломор" дымился в углу моего рта, и глаза мои были холодные и властные, как у Джемса Кегни в фильме "Судьба солдата в Америке", и галстук мой был яркий, и на нем была нарисована обезьяна, взбирающаяся на пальму, и волосы у меня были мягкие и волнистые, и весь я был московская штучка, а она, вероятно, приехала из Вологды. Но только она уже была женщина, а я был шпрота-переросток и желал ее всеми фибрами моей истосковавшейся души. Семнадцать мне было, семнадцать...

Я вижу сейчас брови родителей, читающих эти неприличные строки. Я вижу, как они, брови, поднимаются все выше и выше, и папа говорит маме, вытирающей посуду на кухне:

— Ну знаешь, не ожидал! Что это с ним такое? Как мальчик, право. Спрячь это от ребенка. Рано ей это читать. Огорчил меня Суслов на этот раз. Все прямо как с цепи сорвались: секс да секс!

Это не секс, друзья. Это жизнь. Это память вернула меня туда, в детство, а о чем же мы мечтаем в детстве, в наши пятнадцать, семнадцать? О хороших отметках, конечно. О том, чтобы не огорчать маму и папу. О выборе профессии. Об общественной работе. И о том, как стать мужчиной. Или женщиной. Так уж мы устроены. Даже при социализме. Только социализм часто делает нас уродливыми мужчинами и уродливыми женщинами. Он не приспособлен для счастья.

Вот я и шел с моей девочкой по моему переулку и думал, куда мне с ней пойти.

Я жил напротив церкви. Это была действующая церковь. Она была чистая и покрашенная. Днем в ней толпились прихожане. А вечером там, на церковном дворе, было пусто. И я привел эту девочку на церковный двор.

Эй, скажет читатель, ты же говорил про потери, про что-то, что мы теряем, а потом находим. Куда же ты пошел? Не изменил ли ты теме? Нет, друзья, не изменил. Это я про потерю. Про то, как я потерял мою невинность. Про то, что мы все хотим потерять как можно раньше, да нельзя. Про то, что я помню, как я ее потерял. А вы помните? А ведь это было счастье. И несчастье в то же самое время, потому что советская власть так устроена, что самые счастливые моменты в нашей жизни обращаются в несчастье. Так уж она устроена, эта власть. Потому что нам с той девочкой некуда было больше пойти. Вот мы и пришли на церковный двор.

Я обнял ее и нежно поцеловал. А она прижалась ко мне и почувствовала, что я дрожу. И она сказала мне: "Не бойся, ты мне нравишься". И руки мои жадные стали шарить по ней, такой маленькой, цыпленочку такому. И она сняла штанишки, фиолетовые такие штанишки, выпускаемые тогда великой промышленностью Советского Союза, и стыдливо спрятала их в сумочку...

И вот тут я в тупике. И я тогда был в тупике, потому что мы стояли, прислонившись к церковной стене. Но в русском языке есть свойство останавливаться, когда речь идет о сексе. Нет таких приличных русских слов, которыми можно было бы красиво описать то, что составляет жизнь мужчин и женщин. Я все думал, что это идет от цензуры. И понял, что не только. Это авторы стыдливо смолкают, потому что в языке нет приличествующих слов. И наоборот, есть всякая мерзость в нашем языке, которой и обозначаются все эти действия и явления. Вот почему все дружно набросились на литератора Лимонова, который не постеснялся облечь все любовные понятия и формы в матерные категории русского языка. Все кричат: ах, как он посмел, порнография, матерщина, гнусности! А это не он. Будь у нас в языке более приличные выражения для этого, он бы ими воспользовался, уверяю

вас. Не верите? Попробуйте сами. Сядьте, друзья, и опишите ваши переживания, действия и чувства, когда вы остались наедине с любящей вас женщиной, которую вы хотите. Сели? Ну, начинайте...

Теперь вы наконец-то поняли и меня, и любого другого писателя, который хочет вам рассказать о самом удивительном в жизни — о любви. Я не знаю, как это сделать. Но поверьте, все это было так, как вы себе представляете. Увидьте меня, жалкого, дрожащего, ничего не успевшего, ничего не понявшего, готового провалиться сквозь землю. И представьте себе ту девочку, глядящую меня по голове, с глазами, полными слез, приговаривающую: "Ну что ты, что ты так разволновался? В следующий раз будет хорошо. Не плачь, милый".

Что же я потерял тогда? Девственность? Веру? Уверенность в себе?

Нет.

Я потерял чувство, что власть, при которой я живу, справедлива.. Потому что несправедливо, что людям там некуда пойти, когда они любят. И потому что влюбленные там бездомны и несчастны.

Вот что я потерял.

Таможенник лениво рассматривал содержание шкатулки с бижутерией, где жена держала свои колечки, бусы, серьги, всякую женскую всячину. Завтра мы должны были вылететь в Вену. Наша жизнь в России подходила к концу. Перед тем как пойти к этому таможеннику, я спросил жену, не положила ли она туда что-нибудь неположенное. Нет, сказала она, там всякое барахло. Вот мы и сидели с таможенником в отдельной комнате в аэропорту Шереметьево и болтали.

— Куда вы все побежали? — добродушно спрашивал он, перебирая колечки и цепочки. — Что вам тут не сидится? Думаете там лучше будет?

— Так ведь родственники! — отвечал я. —Тетя замучила. Приезжай да приезжай в Израиль этот! А с тетей, сами знаете, спорить нельзя. Как тетя сказала...

— Да будет тебе! — сказал он. — Какая к черту тетя! Навы-

думывали себе всяких тетя. И нам теперь из-за вас работы не-впроворот. Сижу вот с твоим хламом вместо того, чтобы делом заниматься, контрабандистов ловить.

— А вот и ловите, — сказал я. — А то копаетесь во всяком дерьме, а у нас и так нервы на исходе. Вы же видите, что все эти вещи старые, никчемные.

А он все перебирал серьги и колечки и раскладывал их на две кучки.

— Это что, серебро? — иногда спрашивал он.

— Понятия не имею! — отвечал я. — Если серебро, там ведь должна быть проба.

— Правильно, — соглашался он, — а тут пробы нет. Стерли что ли?

— Может, и стерли, — говорил я. — Не нравится — отложите. Мы теще отдадим. Теща за дверью страдает.

— Ну вот, — говорил он. — Сами уезжаете, а тещу оставляете. Не по-людски это. Теща теперь убиваться будет.

— А мы ее потом выпишем, — сказал я. — Вот устроимся и выпишем.

— А ты декларацию подписал? — вдруг спросил он.

— Какую декларацию? — испугался я.

— Что не провозишь с собой нелегально золото, серебро, драгоценные камни?

— Вы же видите, что не провожу.

— Подпиши вот здесь. И жену кликни, пусть тоже подпишет.

Я позвал из коридора жену. Она подписала.

— Ну так вот, — сказал он, взяв подписанную нами бумажку и положив ее в стол. — Хороший наш с тобой разговор закончился. Вот эти изделия, — он показал на грудку жениных колечек и сережек, — сделаны из серебра и полудрагоценных камней. Таким образом, вы хотели нелегально перевезти изделия из драгоценных металлов за границу нашей страны. И теперь придется отвечать по всей строгости закона. Ясно, гражданин?

Я похолодел.

Я сразу понял, что завтра мне отсюда не улететь. Потом я

представил себе суд, на котором меня пригвоздят к позорному столбу и упекут в лагерь. И вся жизнь моя в этот момент рухнула.

— Что ж ты делаешь? — сказал я. — Ты же видел, что я тебе принес эту паршивую шкатулку, как она у нас дома стояла. Если там есть серебряные колечки, то не чужие же, не ворованные, а своим трудом заработанные. За них ведь мы деньги платили в магазине. В советском магазине. И, стало быть, они нам принадлежат. Подарки тут всякие, от друзей, от бабушки.

— Так вы же декларацию подписали, гражданин Суслов, — улыбаясь, сказал он. — Вот тут черным по белому написано, что никаких драгоценных металлов и камней с собой в государство Израиль не везете. Верно? Я же вас не заставлял это подписывать. Что ж вы теперь возмущаетесь? Закон есть закон.

— Ну так заберите их себе, раз у вас такие законы, — злобно сказал я. — Подавитесь этими камешками и колечками. Другие наживем. Тетя поможет.

— А вот это уже нельзя! — сказал он сурово. — Это вы как бы оскорбляете меня при исполнении служебных обязанностей. Это мы сейчас специально оговорим. Выйдите в коридор, я вас вызову.

В коридоре стояла взволнованная жена. Я знал, что волноваться ей нельзя, через месяц роды. Я погладил ее по вздувшемуся животу и прошептал то, что мне хотелось бы проорать:

-- Ты зачем положила туда эти серебряные колечки? Ты убить нас хочешь, дорогая? Кажется, наше путешествие отменяется. Ты с кем шутики шутишь? С этой властью поганой? Ты что, не понимаешь, что мы у них в руках?

— Какие колечки? — жена была вне себя. — Грошковые колечки, кому они нужны.

— Молись, — сказал я, — молись.

— Зайдите, Суслов, — позвал меня таможенник. — Мы решили конфисковать у вас изделия из драгоценных и полудрагоценных металлов в пользу советского государства. А вы уж напишите нам объяснительную записку, как вы дошли

до жизни такой. Все норовите урвать у советского народа побольше... И скажите спасибо, что жена у вас беременная, а то бы я вам никогда не простил это ваше "подавитесь". Распустили языки, понимаешь... Не подавится наше государство, не беспокойтесь. Вы у нас раньше подавитесь. Смелые больно стали.

От его добродушия не осталось ни следа. Он сидел за своим столом и подбрасывал рукой цепочки и колечки.

И я написал объяснительную записку. Я униженно объяснял, что только недоразумением и моим полным непониманием можно объяснить, что в шкатулку жены попало несколько колец и цепочек, впоследствии оказавшихся серебряными. И что брошка, подаренная бабушкой моей жене в 1950 году, содержала в себе, как оказалось, камень аметист, который мне лично казался просто камнем. Но памятуя, что по древним поверьям аметист служит талисманом, удерживающим от пьянства, будет более гуманно со стороны таможенных властей оставить эту бабушкину брошку моей жене, чтобы она могла активно бороться с пьянством, в которое может впасть ее муж вдали от родины. Но если закон протестует против вывоза бабушкиной брошки с аметистом, то пусть уж таможенники оставят ее себе, потому что пьянство как социальное явление еще не искоренено и по эту сторону границы. В связи с чем прошу меня простить и не препятствовать моему завтрашнему отлету за пределы родной страны, поскольку мы с женой беременные и отказ может плохо отразиться на состоянии плода, что приведет к родам прямо на взлетной площадке Шереметьевского аэропорта.

Я уже не помню, что писал в той объяснительной записке. Поверьте, что она не была такой уж веселой и милой. В каждой ее строчке сквозил ужас, что нас не выпустят. Мне было так страшно, как никогда. У меня было чувство человека, которого приговорили к смерти.

Таможенник прочел мое объяснение, улыбнулся и вышел. Через два часа он вернулся и сказал, что власти конфисковали указанные изделия и разрешили мне вылет.

— А теперь можете пожелать, чтобы мы подавились! — добродушно сказал он.

— Чтоб вы подавились! — сказал я.

— Счастливого пути! — сердечно сказал он.

P.S. Когда уезжал мой друг доктор, он вывозил с собой два чемодана книг и череп, который всегда стоял на его рабочем столе. Это был старый череп, служивший студентам наглядным пособием. Он переходил из поколения в поколение в этой семье докторов. Мой друг не помнит себя без этого черепа. Таможенник пропустил книги, а череп задержал.

— Ну зачем вам этот череп? — спросил доктор. — Это же не мозги, а череп, он же за вас даже думать не сможет.

— Тогда он пойдет как запрещенные к вывозу костяные изделия, — находчиво сказал таможенник. — Ишь до чего додумались; черепа наши вывозить!

И еще — я потерял друга. Уже здесь в Америке. Я его знал всю мою жизнь. И он был последним, кто махнул мне рукой у трапа, когда я уезжал. Я никогда не уговаривал его уехать со мной, потому что это глубоко личное решение. Я не видел его семь лет. А потом он решился и приехал. И я был счастлив, потому что думал, что он приехал для того, чтобы мы спасали друг друга от одиночества. Потому что он был моим зеркальным отражением. Там, в России. Зеркальным в том смысле, что он все делал гораздо лучше меня, и если я ошибался, то он все исправлял. Это было волшебное зеркало. И мне с ним было легко. И мы прожили жизнь рядом. А потом я уехал. Он за это время женился, обзавелся ребенком, и через семь лет я его встретил здесь, на аэродроме. И не было конца моему счастью. А потом вдруг выяснилось, что я его раздражаю. А потом я не полюбил его жену. А она меня. А потом нам не о чем стало говорить. То есть все, как раньше, да не то. А потом он перестал звонить. И я перестал. И оказалось, что его как бы и нет. Так я его и потерял. Я все думал: почему? А потому, что прошло семь лет. И я, быть может, стал другим. Хотя мне кажется, что я не изменился. Даже не постарел, если внимательно по утрам смотреть на себя в зеркало. А морщинки эти и мешочки под глазами — это от улыбок. Это следы былых улыбок, как учат нас мудрые французские пословицы. А так — все по-прежнему. А может,

изменился? А может, я другой? Или он стал другим? Семь лет... А может, он не понимает, как и чем мы тут жили эти годы и хочет сам их пройти? Без меня? Без моих советов? А ведь я просто тороплюсь, чтобы он избежал моих ошибок. Вот и лезу со своими советами. А может быть, просто отпустить его на пару лет, пусть придет готовым? Но мне-то он не нужен готовый, мы же ждем наших друзей, чтобы помочь им. У нас ведь опыт. Наверное, им наплевать на наш опыт, они хотят сами все пройти, со своими ошибками, со своими трагедиями, со своими разочарованиями. Тогда зачем ему я? И зачем мне он? Когда он ко мне приходил, то непременно заставлял меня в одном и том же кресле перед телевизором, в одной и той же позе: с рюмкой коньяка в руке. И его, наверное, тошнило от этого. А меня нет, так уж я хочу. Я это заслужил: мое кресло и мою рюмку. И еще беседу с ним. Где я поделился бы с ним, почему я сижу в этом кресле и с этой рюмкой. Но видно, не судьба.

Я рассказал вам сумбурно об этой моей потере, потому что, как оказалось, я не один такой, потерявший друга. Все чаще давние эмигранты рассказывают мне о встречах со старыми друзьями, с которыми у них не нашлось общего языка. Тем приятнее мне встречать старых друзей, друживших еще в России, которые сумели сохранить это чувство и здесь, в эмиграции. Я видел таких людей и в Чикаго, и в Кливленде, и в Лос-Анджелесе. И я счастлив за них, потому что их больше ничто не связывает с тем местом, откуда они уехали. Они забрали оттуда все, что смогли. Детей. Родителей. Друзей. А что еще надо человеку?

Прощай дружок!

Потери, потери... Кто теряет, кто находит? Вот уж не думайте, что я кончу эти мемуарные воспоминания на такой горькой ноте. Не на того напали! Давайте лучше вспомним смешную песенку, которую перевел с финского — кто бы вы думали? — Владимир Войнович. Там были, между прочим, такие слова:

**В жизни всему уделяется место. Рядом с добром уживается зло,
Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло...**

Александр ЛАЙКО

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗЛУКЕ

* * *

Мне этот мир преподает урок
в той части, называемой Россией,
где бред истории особенно мне дорог —
Иван был Грозным. Темным был Василий.

Латается, слагается закон —
как только сложат, им же и приложат —
и плащ куда как тонок — ненадежный кокон,
и страх шуршит, и леденеет кожа.

Недаром Рим, как центр всея земли,
прозрел клиент спецпсихбольниц Чадаев —
то ль подлечить его втихую не сумели,
то ль просто было меньше негодьяев.

А третий Рим утратил свой приход
задолго до того, как храмы поскосили...
Менялся на мундире цвет лампас и ворот,
Иван был грозным, темным был Василий.

Плащек сквозит. Охранных грамот нет.
И запросто любого здесь похерить.
Здесь воздух одичал, окрест горелым тянет,
и впрямь — в Россию можно только верить.

Одна лафа — строиться за пивной.
С Василием нас двое. Третий — Ваня.
И водки долбанет душа в столице душей
и повторит, коль дозы не достанет.

Как в лицах современников темно!
Шу-шу. И ни гу-гу. Кого пришили?
Кого? Зачем? Когда? Давно или недавно?
Василия Иван? Ивана ли Василий?

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗЛУКЕ

Когда душа со мной прощалась,
Беззвучно плакала она.
Мне принесли друзья вина,
Когда душа со мной прощалась.
А я смотрел в проем окна,
И в нем столица помещалась.
Когда душа со мной прощалась,
Беззвучно плакала она.

Ах, женский плач! Невыносимо.
Я по натуре мягкосерд.
По телу полон, мастью сед.
А вот мой друг похож на мима.
Но строг, в очках, велеречив:
— Пойми, необходим разрыв, —
Он говорил, — все объяснимо:

Есть быт — критичности порог.
С душой своей ты не критичен.
Ты нашим веком ограничен,
С душой в нем душно, видит Бог.
А, впрочем, можешь с ней остаться,
Коль трудно с ней тебе расстаться.
Я говорил вам — друг мой строг.

Мой строгий друг открыл вино.
Второй смотрел на свет стаканы,
Насвистывая непрестанно.
Мой строгий друг открыл вино.
Он так серьезен, что смешно,
Но я вышучивать не стану.
Мой строгий друг открыл вино,
Второй смотрел на свет стаканы.

ВОСПОМИНАНИЯ В ТЕПЛОМ СТАНЕ

Скажи, кто в Теплом стане княжит?
Кто держит постоянный двор?
Пуржит, знобит, многоэтажит,
По жизнь идет-гудет побор.
С утра прошелестят газеты,
И снега с ветром разговор;
С утра дурак бежит раздетый
Трусцой, а то во весь опор.

Сквозь рощу "Узкое" просветит,
Блеснет, подъявши купола,
И Трубецкой в герои метит,
И санаторные дела.
Ой, ты скажи, скажи, Цекубу,
За жисть оборвыша-щегла,
Как харчевала и цикуту
В букетик смертный собрала.

О чем грустит у въезда арка,
 Восшелканная соловьем?
 Он здесь бродил аллеей парка
 И пел его и водоем.
 Здесь в проруби черкилит влага —
 Достанет на научный том,
 О том, как в перьях, в пух, ж и в а г о,
 Его загнали в гроб гуртом.

ТРИ СОНЕТА

1. ТЕЛОГРЕЙКА

Вот телогрейка. - What... is it? BUSHLAT.
 Матерчатый. Еще не деревянный.
 Озноб. Душа отбита. Да и зад
 едва прикрыт, а холод — окаянный.

Примерьте. И завьюжит, и у врат —
 с ключами Петр... Иваныч тихо пьяный,
 но жутче лейтенант — загонит в ад —
 голубоглазый, молодой и рьяный.

Что вы сказали? В Лувр? Как экспонат?
 Не кажется ли эта мысль вам странной?
 Треченто. Кватроченто. Ряд наяд.
 Пикассо и... BUSHLAT, софитом осиянный?

И что любителям и знатокам картин
 глухим несчастьем стеганный ватин.

2. ОТКРЫТКА

Раб государственный — рабу своей судьбы —
 зашел на Кировской тебе черкнуть открытку...
 что-как... и что-зачем... вот если бы кабы...
 я расстояние переносу, как пытку.

С тех пор, как отчинили нам калитку,
 и с Южинского вдаль направил ты стопы,
 на станции Дзержинского сменили плитку,
 а на Колхозной перекрасили столбы.

Столица хорошеет, но пустеет. Слова
 бывает некому сказать. Неужто снова,
 и, значит, никогда, по Чистым покружив,

спустившись к Трубной, у ларька пивного
 не встречу я тебя? Ну как там Vita nova?
 Здесь все по-старому, и я как будто жив.

3. КАРТИНЫ

В облупленном багете золотом
 как бы во сне — и сами в спячке —
 возникнут старые рыбачки,
 цветочницы и море за мостом,

баркасы, и на берегу крутом
 в чепцах чухонки, сгорбленные прачки,
 белье везут на деревянной тачке,
 и, как сосна, белеет в соснах дом.

И чувствую — лишь за угол сверну —
что жизнь мою в безжизненном пространстве
окликнет всплеск рисованной волны,

и я очнусь, знакомому кивну,
увидю город в праздничном убранстве,
и вновь подумаю: реальней сны.

МОСТ

Случилось что-то за окном:
стояла ель, а стала сном.
Значенье сна я понял вдруг...
Туман, сгустившийся вокруг,
размыл поселок, перелесок;
луч фонаря наискосок
прошел мир влажный и белесый
и в смутных листьях изнемог...
Я понял: сон сей неспроста,
он должен был ко мне явиться —
здесь не способности провидца,
а жажда связи и моста.

И предо мною он восстал.
Его железная верста
в ушедшем времени плыла
и временем самым была;
моста в росе дымились фермы,
как уходящие холмы,
и робко шаг я сделал первый
к ступеням, выплывшим из тьмы.
Увиделась вернее мне
постыдность стылого сиротства,
когда, как эхо первородства,
мост раскатился в тишине.

И город впереди синел.
В нем кто-то так по-русски пел,
что я прикинул перевод:
язык все тот же, да не тот.
В нем убегающая тайна,
в нем интонация вольна,
строка легка, как бы случайна,
а потому, как жизнь, верна;
и ворожба забытых слов,
романс цыганский и герани.
И ночь бела. Пустынно. Рано.
И вот я у Пяти углов.

Здесь до Коломенской — рукой...
Но не нарушу я покой
уснувшей за полночь родни.
Какие сны глядят они?
А скоро грянут перемены.
И потому заменены
мне от рожденья эти стены
московским бытом и иным.
Но их присутствие всегда
мне ведомо, и часто слышу
как облака волной колышет
и дышит нельская вода.

Недаром мост привел сюда.
Есть во вселенной города,
где голоса пыльцу хранит
гранит и просто общий вид.
И песня, лишь коснулся камня,
по улицам ведет меня
и будущим летит недавним
в рассвете канувшего дня.
В чем колдовство ее? Слова?
Черед открытых ветру гласных,
в стихе с согласными согласных?
Неужто в сотах мастерства?

Даниил НАДЕЖДИН

НАЧАЛО

И таким я был скверным поэтом,
Что не смел идти до конца.

Блэз Сандрар *

Ах, мальчики,
уроки ваши
пошли на пользу:
понять — зачем я —
вот что важно.
Неужто поздно?

Ревут ракеты.
В Подмосковье
стоят березы.
Уносит реки под мостами...
Неужто поздно?..

* Блэз Сандрар "Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне французской". Перевод М.Кудинова.

В твоих глазах ночные звезды.
А может, слезы.
А может, поздно, поздно, поздно —
А если поздно?..

А если — нет!
Уроки ваши
пошли на пользу:
я продираюсь к вам сквозь марши,
сквозь кино-позы.

Чтобы по жизни не сановно
пройти парадом, —
остаться в памяти сыновней
таким как надо.

* * *

Когда выходят на орбиты?
Мне было только десять лет.
Я горько плакал от обиды.
Заклеивая Реввоенсовет.*

О маршалы обманутого детства,
любимые мои — мои враги!
Перемешались гений и злодейство —
на светлых реках — черные круги.

* В известные годы советских школьников заставляли клеить в книги фотографии "врагов народа". У меня дома висел плакат с портретами членов Реввоенсовета, и я постепенно клеил их одного за другим. Однажды дедушка принес мне большой лист чистой бумаги и сказал: "Заклеивай сразу всех. И я, помню, плакал то ли от обиды на моих героев, обманувших мою веру, то ли от чего-то другого, неосознанного."

И вот я еду по России.
И сквозь леса, как сквозь ресницы,
Россия смотрит на меня,
виня во всем и не виня.

В меня — "полпреда Коммунизма",
строителя иной судьбы,
глядят бревенчатые избы,
морщина рубленые лбы.

* * *

О Электра!
Глаза твои —
омуты скорби —
тянут в себя,
как провалы лестничных клеток,
как дверные проемы в поезде скором,
о Электра!

Разговоры о мщенье —
тщетны.
Каждый только сам виноват:
он убит при попытке к бегству.
Кто стрелял?
Автомат
непрерывного действия.

Но — возмездие! — сохранись!
Будь над миром,
как джин из колбы.
Неужели омуты скорби
Лишь античный анахронизм?

* * *

Как все это не просто.
Но сбежать
от проклятых вопросов,
как собачку нажать.

Начинаются уговоры:
Что ты мечешься угорело?
Жил бы тихо и смирно.

В сердце с миной?..

* * *

В мире,
чающем серой
из трещин,
в море,
где банкой консервной
валяется "Трешер",
днем и ночью
ищу незыблемой почвы.

Танцуют версальцы
вальсы.
Их пальцы
отмыты от крови
и в перстнях.
Багровый
Париж за окном,
как Красная Пресня.
В костре,
в пожарах,
в обвалах боев баррикадных —
последние сполохи.
Идут на расстрел
коммунары

с руками,
 пропахшими порохом.
 А все-таки вертится!
 Нате!
 Сквозь муки,
 сквозь хаос —
 к заветной Апассионате!
 Сквозь стронций.
 Сквозь церкви и цепи.
 Да здоровствует солнце высокое Цели!
 Но снова —
 сомнению подвергни!
 И снова.
 Под ветром,
 под плетью,
 под петлей,
 под словом,
 на самом пороге —
 под дверью —
 подвергни!

* * *

Ночь приходит бесшумно,
 как пастор
 в черной сутане.
 Высоковольтные мачты,
 словно идола Острова Пасхи
 на дорогах скитаний.

Может статься,
 что все это небо,
 и планеты,
 и звезды —

только оттиск
 зародившихся где-то в глубинах гигантского мозга
 гениальных гипотез.

Доктор Менгеле
 песенку насвистывает.
 Пепел медленно
 кружит над Освенцимом.

Диспуты исчерпаны:
 веселей лузги
 в печах горят ущербные
 еврейские мозги.

Словно из вальса
 в бездну
 с разбега
 валяются,
 валяются,
 валяются
 улицы Кенигсберга.

Это! —
 тебе сулил он,
 твой бесноватый немец?
 "Wir kapitulieren
 Wir kapitulieren
 Niemals!
 Niemals!
 Niemals!".*

Как безотрадные ночные совы,
 как одиноки
 в черных провалах старых часовен
 с дырами окон.

* "Мы никогда не капитулируем!" — надпись на развалинах здания биржи в Калининграде, которую еще можно было видеть в начале 60-х годов.

О, разложите, совы-гадалки,
умные карты!
Город плывет в ночи катафалком
с урной Канта.

Траурной лентой среди развалин
Прегель под луною.
Город развален — город изваян
войною.

Твое имя, мама,
на крыльях у меня.
Полетим мы, мама,
в светлые края.

Молись, молись,
Энола Гей, за сына:
твой бэби, твой малыш
летит на Хиросиму!

* * *

Твоя голова лежит на моей руке
И дыхание легкое-легкое.
Мы с тобою плывем по огромной ночной реке
Невесомыми лодками.

Закрываю глаза —
И без них обойтись могу:
И незрячий
Я тебя ощущаю
Каждой клеткою кожи,
Осторожными створками губ
И ноздрями.

Моя кровь в тебе,
Твоя кровь во мне,
Словно кровь ствола в черенке —
Мы привиты друг другу.
Сколько лет,
Сколько долгих веков
Ты лежишь на моей руке.
Ты выросла в мою руку.

Как реальна вселенная!
В вышине
Звезды огнями селекторов
Прислушиваются ко мне...

60-е годы

Игорь ДОЛИНЯК

НЕ УБЕДИТЬ ДРУГИХ, НЕ РАЗУВЕРИТЬ...

* * *

Морозное солнце
летело над Бейлем,
ложилась Россия
скатертью белой.
Он ехал.
Мелькали шинели,
 шинели —
брели из России такие же бейли.
И только потомки потом отгадали:
из снежной страны уезжал он Стендалем.
Метели снижались
белыми птицами,
а чудилось,
будто листают страницы.
И черные толпы в гуденье буранов
дымились, как строчки далеких романов.

Он ехал Стендалем,
а бейли забыты.
Вернулись они?
Или были убиты?
Так люди идут
под жарой или холодом,
так люди в нелепые
ходят походы.
И все переносят:
удача, беда ли.
Да вот возвращаются
только Стендали.

ГМШИНУ

Вплотную к стеклам подступает город,
мне пишется тогда легко и скоро.
Внизу асфальт и Кировский проспект,
свистят моторы,
разговоров отголоски.
Не по заслугам Кировский, ведь след
под ним оставил Каменноостровский.
Он на окраине — одною из дорог,
он был свидетелем губительного часа:
я часто вижу маленький возок,
фуражку неудачника Данзаса.
Я вижу это только из окна,
такое сроду не заметить снизу.
Летит возок,
и снег по сторонам,
летит возок
автобусы пронизывая.

С Данзасом рядом есть еще седок,
 знакомый мне,
 моим порывам близкий
 и говорун,
 и все-таки пророк.
 Он — в Новую Деревню
 к обелиску.
 Пророк...
 Да не всякие глаза,
 не всем ушам
 и не для всяких окон...
 На родине пророком быть нельзя?
 Как сладко быть
 на родине пророком!

* * *

Я знаю угрозы на древних камнях:
 "Вперед — ты загубишь себя и коня".

И слева есть камень — торчит из травы:
 "Налево — тебе не носить головы".

И камень направо — лобастей, чем бык:
 "Поедешь — и конь под тобою убит".

О витязь! Везде угрожающий тон...
 Куда ты поехал, не скажет никто.

Но если ты был настоящим бойцом,
 ты долго не думал над страшным концом.

Ты шлема коснулся, коня торопя,
 направо налево, петляла тропа.

И снова назад уходила изгибом,
 глядели из зыби глазастые рыбы.

И вслед оживали трухлявые пни,
 сменялись дубравы наклоном равнин.

И шли облака многослойным наплывом,
 и было и страшно тебе, и счастливо.

Какие удачи, какие мытарства
 тебя стерегли в заколдованном царстве?

А если и смерть, то на зависть бойцам
 такая, которую выбрал ты сам.

* * *

Безоглядно я верую
 в непогоду такую —
 ветер, мокрое дерево,
 словно

танцует,
 руки плавные скрещивая,
 то плечом поводя,
 а под деревом женщина
 сбереглась от дождя.

Ветер,
 дерево,
 женщина
 у меня под окном.
 Дождь в колени ей хлещет
 родниковым вином,
 говорливые лужи

пробивает насквозь
и над листьями кружит
миллионом стрекоз.

Я снежинок снижение,
в первом снеге следы —
все отдам за движенье
беспокойной воды,
там, где женщина в струнку
привстает на носках,
благодатные струи
вытирая с виска.

* * *

Мы, помнишь,
по восточному базару
шли сквозь густые волны пересудов.
Тогда толкали и хватали за руки
нас толстяки,
похожие на Будду.
Кричали цену,
поднимали пальцы,
ковры качались сказочно ярко.
Смешались в сумасшедшую сумятицу
всего востока, может, языки.
Не убедить других,
не разуверить,
а площадь от ковров была красна,
и для ковров
была единой мерой,
была единой правдою
цена.
Напрасно завывали зазывалы.
Был не базар,

а был ковров парад.
Мы молча шли
и сразу узнавали,
когда узоры ткали
мастера.
Вокруг корыстно спорили до буйства,
а мы сквозь толпы двигались вперед,
на площадь,
в разноцветное искусство,
похожее на солнечный восход.

* * *

Вот старый снимок. Это было
давно: у ветхого причала
по склону, по речному илу,
шалея, мальчики помчались.

И навсегда застыли брызги,
открылись радостные рты.
Я вспоминаю хохот близкий
и плеск, и бег через кусты.

Вы, бескорыстные, бегущие
вприпрыжку к водяному раю,
хотите, сверстники, из будущего
я вашу жизнь предугадаю.

Скажу:

— Ты будешь человеком,
а ты двурушникам ровня! —
Но вы оглушены разбегом,
и вы не слышите меня.

...А берега жадны до крика,
по теплой мы бежим земле.
Еще не скоро наши лики
друзья разложат на столе,

и от ликующего лета
переберут вперед года,
поговорят,
и будет это
началом страшного суда.

ЗЕРКАЛА ВО ДВОРЦЕ

Здесь зеркала
в гирляндах украшений,
на рамах —
позолота и резьба.
Я устаю от сотен отражений,
от повторений самого себя.

Я между двух зеркал
и словно падаю
сам на себя в необозримый ряд.
В пустую бесконечность анфилады
вошла колонна собственного "я".

И медленно уходит безразличие,
меня гипнотизирует число.
Как просто осознать свое величие —
застыть и постоять перед стеклом.

И двойники покорно и подвластно
движение любое повторяют,
и оправдают всякое пристрастие,
и злодеянье всякое простят.

Я убегаю, отраженья бросив,
и повторяю, шаг свой торопя:
— Друзей не бойся,
и врагов не бойся,
и равнодушных,
а страшись
себя!

К СВЕДЕНИЮ УНИВЕРСИТЕТОВ, БИБЛИОТЕК И БИБЛИОФИЛОВ

В распоряжении редакции имеется несколько уникальных комплектов журнала "Время и мы" с 1-го по 67-й номер (1975-1982). Многие из ранних выпусков журнала отсутствуют в библиотеках и магазинах и, по оценкам специалистов, стали библиографической редкостью. В этот полный комплект входят лучшие произведения русской зарубежной литературы и самиздата, а также произведения выдающихся западных и израильских писателей.

В 67-и номерах журнала наиболее полно по сравнению с другими изданиями представлена эмигрантская и русская неподцензурная публицистика.

Цена комплекта 415 долларов, включая пересылку.

Заказы и чеки присылать по адресу редакции журнала "Время и мы".

ПУБЛИЦИСТИКА.
СОЦИОЛОГИЯ. КРИТИКА

Илья ЛЕВКОВ

НОВЫЕ АМЕРИКАНЦЫ В АНФАС И В ПРОФИЛЬ

По материалам социологического исследования

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ. К НОВОМУ БЕРЕГУ — КТО И ПОЧЕМУ?

Иссак Бабель как-то сказал: "Еврей, который сел на коня, перестал быть евреем". Ну а что же произошло с его потомком, который сел в самолет, летящий в Нью-Йорк?

Об эмиграции советских евреев написано так много, что, кажется, сама тема уже навязла в зубах и вроде бы к сказанному нечего добавить. Все известно: кто уезжает, почему уезжает, как и кто устраивается, как живут, что обретают и что теряют на Западе.

В эмиграции социологом себя полагает каждый. У каждого готовый ответ на любой из поставленных вопросов. Но стоит сравнить ответы хотя бы на самый простой вопрос, чтобы понять, с каким сложным и противоречивым явлением мы имеем дело. И как мало знаем о новой эмиграции. И еще меньше о самих эмигрантах — о их жизни, взглядах, характе-

рах, амбициях, системе ценностей — словом, о том, каков анфас и профиль приехавшего в Америку советского неофита.

Среди эмигрантов у меня много друзей и знакомых. Парадокс, однако, в том, что чем больше я с ними беседовал, чем больше размышлял о их жизни, тем сложнее становилось для меня их понять. Нет, не как людей с определенными характерами, достоинствами и недостатками, а как социальный феномен, рожденный в специфических условиях коммунистического режима и перенесенный в свободный мир.

Мои многочисленные беседы и встречи в конце концов выявляли только частности, каждая из которых была по-своему интересна, но не проливала или почти не проливала света на сущность явлений. И по-прежнему даже на самые простые вопросы, например, каков социально-психологический облик эмигрантов или что их побуждает уезжать из Советского Союза, или какой в их глазах предстает Америка, — у меня не было достаточно достоверного ответа.

Все это и побудило меня, политолога и социолога по профессии, провести широкий опрос эмигрантов. Их ответы, которые были затем переведены компьютером на язык процентов и цифр, естественно дали картину сложную и мозаичную. В этой мозаике оказалось много неожиданного. Впрочем, не будем спешить и рассмотрим все по-порядку.

Итак, из 5.000 первоначально отобранных семей новых иммигрантов были выбраны 500. Им и была разослана анкета. Ответили 132 семьи из 52-х городов, расположенных в 33-х штатах Америки. Эта группа оказалась достаточно репрезентативной. Она соответствует статистике ХИАСа.

Разумеется, в моих очерках будет много цифр. Какие-то из них я буду комментировать, какие-то оставляю как материал для размышления читателям.

Один из критиков моей работы, желая, по-видимому, похвалить ее, заметил, что она читается, как детектив Агаты Кристи. Я не писатель и менее всего намеревался создать нечто увлекательное. Повторяю, в этих очерках будут предлагаться прежде всего цифры: ответы опрошенных на вопросы социолога. К этим цифрам я и хотел бы теперь перейти.

Люди, которые были опрошены, приехали главным обра-

зом из РСФСР, Украины и Белоруссии. В Америке они прожили от двух до четырех лет. Что представляли собой эти люди, каково их образование, каким было их положение в Советском Союзе? Эти вопросы интересны хотя бы уже потому, что на этот счет существуют и по сей день самые разноречивые мнения. Я сам слышал, что третья эмиграция — это эмиграция интеллектуалов, и в то же время — что это эмиграция лавочников. О чем же говорят цифры?

Высшее образование у 71% опрошенных; незаконченное высшее имеет 3,7; среднее — 2,8; ремесленные и профессионально-технические училища окончили 12,8; начальное образование имеет 2,8%.*

А теперь профессиональный состав: 51,5% — люди с техническим образованием (34,6 — инженеры, 6,2 — техники, 10,7 — рабочие, окончившие профтехучилища). Остальные 48,5% — служащие: 5,4 — экономисты, 4,6 — бухгалтеры, 3,8 — врачи, 2,3 — учителя русского языка, 1,5 — адвокаты. Кроме того, в числе опрошенных, составляющих сравнительно маленький процент, оказались научные работники, художники-дизайнеры, медсестры, фотографы и представители ряда других профессий. Если мы к этому списку добавим музыкантов и журналистов, то получим относительно точный слепок образовательного уровня и профессионального состава советских евреев. Причем эта выборка полнее отражает их облик, чем тот миллион с лишним эмигрантов, которые приехали в Америку из дореволюционной России, ибо они представляли собой только низший класс русского еврейства, или, как говорили в те времена, "еврейского местечка".

Теперь — о способностях, деловых качествах, целеустремленности тех, среди кого был проведен опрос. Чтобы выяснить это, интересно было представить их заработок и количество подчиненных. Из приведенных ниже данных видно, что это люди, способные ставить перед собой серьезные престижные цели и успешно достигать их.

* Пусть читателя не смущает, что в целом эти ответы не составляют 100%. Это происходит в тех случаях, когда не все опрошенные ответили на тот или иной вопрос. Если же общая сумма превышает 100%, то это значит, что опрашиваемые выбрали из предложенных в анкете ответов больше одного. Точные цифры ответов, которые я привожу, позволяют лучше выявить статистику явления.

99 рублей — ежемесячный заработок 8,3% опрошенных
 100-150 рублей - 30,2
 151-200 рублей - 23,9
 201-250 рублей - 25,6
 251-350 рублей - 8,3
 350 и более - 3,7%.

Из этих людей в подчинении имели:

те, кто получал от 100 до 150 рублей — по 6 человек
 от 151 до 200 рублей - 12
 от 201 до 250 рублей - 25
 от 251 до 350 рублей — 180 человек.

Таким образом, 61,5% имели заработок выше среднего в Советском Союзе, т.е. более 150 рублей.

СТАТУС ЭМИГРАНТА

Многие эмигранты любят рассказывать о своем прошлом: этот — занимал такой-то пост, тот был тем-то и имел бог весть какую зарплату и какую квартиру. Что ж, и в третьей эмиграции есть свои Хлестаковы, которые способны разве только запутать социолога. Между тем вопрос о прошлом эмигранта и, в частности о его социально-экономическом статусе, представляет большой интерес. Выяснив этот статус, мы сможем лучше понять те надежды, которые связывали с эмиграцией уезжающие из СССР. Мы также сможем лучше понять и их способность адаптироваться к новой жизни в Америке.

Так вот, для того чтобы выяснить, какое место в Советском Союзе занимали эмигранты по своему материальному положению, были заданы три следующих вопроса: где они жили — в центре города или на окраине, каков был размер их квартир; имели ли они собственную машину.

Сорок две семьи занимали площадь менее 30 метров, пятьдесят — от 30 до 50 и двенадцать — от 50 до 62. Большинство семей (100) жили в центре города и только тридцать — в новых районах. Причем последние не отличаются от тех, кто жил в центре, ни своими профессиями, ни заработком, средняя цифра которого составляет 170 рублей.

22,8% — обладатели собственных машин. Для рядовых граждан Советского Союза это очень высокая цифра. Известно, что в СССР собственная машина достижима далеко не для каждого. Такой высокий процент владельцев машин можно было бы ожидать в другой социальной группе — партийных и военных работников.

Больше всего владельцев машин оказалось в Одессе и Киеве — 22,2%; в Ленинграде — 14,8; в Москве, Ташкенте и Минске — по 7,4%.

Эти цифры свидетельствуют о том, что советские евреи, по крайней мере те из них, кто эмигрировал, принадлежали к верхушке среднего класса. (Есть, однако, фактор, который сдерживал их продвижение вверх — это беспартийность большинства из них.) Поэтому вряд ли можно сказать, что для этих людей, составляющих верхушку среднего класса, материальная сторона дела была главным мотивом их эмиграции. Но если это не так, то, что же прежде всего побудило эту группу уехать из СССР? И какие обстоятельства сопутствовали их отъезду?

АТМОСФЕРА ОТЪЕЗДА

Чтобы лучше понять эти обстоятельства, были заданы следующие вопросы.

1. Кто в семье был инициатором выезда?
2. Сколько времени пришлось ждать ответа из ОВИРа?
3. Каков был риск увольнения с работы?
4. Насколько окружение поддреживало решение о выезде?
5. Были ли родственники за границей и в какой степени они повлияли на решение о выезде?

24% опрошенных сообщили, что в их семьях инициатором отъезда был муж; 16,3% — жена; 11,6 — муж и жена вместе; 22,4% — дети; 10,8% сообщили, что в их случае инициатором отъезда была вся семья. Если мы сопоставим эти цифры, то получится, что число семей, где инициатива отъезда исходила от мужа и жены, вдвое превышает количество семей, где инициаторами эмиграции были дети. В первую группу входит

51,9%, во вторую 22,4%. Эти итоги говорят о том, что среднее поколение, родившееся в Советском Союзе, которому предстояло нести на себе бремя переселения, прежде всего и решило взять на себя ответственность за эмиграцию.

А что представляли собой те мужья, которые были инициаторами отъезда? Их средний возраст 45 лет. Зарплата — 326 рублей в месяц. Если мы сопоставим эту цифру со средней зарплатой, которую получали мужчины по данным нашего опроса (170 рублей), то напрашивается вывод, что инициаторами отъезда были люди, достигшие в Советском Союзе достаточно высокого положения, экономического благополучия, но, по-видимому, они рассчитывали добиться такого же, если не более высокого, уровня и в Соединенных Штатах. Поэтому они готовы были взять на себя риск, связанный с отъездом.

В западных газетах нам часто приходилось читать, что эмиграция всегда сопряжена с тяжелым риском, что отъезжающие очень часто оказывались перед альтернативой: или получить разрешение, или подвергнуться репрессиям. Я уже не говорю о том, как много было сказано и написано об опасности оказаться в положении отказника и таким образом стать изгоем в советском обществе.

Каков же на самом деле был политический уровень риска? 87% получили разрешение сразу же после первой подачи документов. И только 13% было отказано, и они обращались в ОВИР вторично.

А сколько времени подававшим приходилось ждать? В течение месяца получили ответ 3,9%; 16,5 — через два; 22,8 — через три; 15,7 — через четыре; 11 — через пять; 10,2 — через шесть; 5,5 — через семь; 4,7% — через восемь месяцев. Таким образом, 60% подавших документы получили ответ в течение четырех месяцев, 80 — в течение шести и 90% — в течение восьми месяцев. Эти сроки ожидания значительно короче тех, которые были несколькими годами раньше. Так или иначе, риск, который принимала на себя эта группа, был заранее известен и не слишком велик.

Примерно ту же картину мы видим, когда анализируем риск, связанный с увольнением с работы. В первые годы

эмиграции обращение в ОВИР, если и не означало потерю работы, то все-таки опасность такая существовала. Что же показал опрос? В связи с отъездом уволено было 24,8%; ушли по собственному желанию — 13,1; были понижены в должности или отправлены на пенсию — 2,8; продолжали работать — 35,9%. Оставшийся процент падает на пенсионеров.

Но может быть, высоким был социальный риск? Риск оказаться отщепенцем в обществе? Более 63% обратившихся в ОВИР нашли прямую поддержку у друзей, и только 1,5% друзья не поддерживали. У 33% подавших заявление друзья занимали нейтральную позицию, и только 0,8% вообще боялись сообщить кому-либо о своем намерении уехать.

Эти цифры весьма красноречивы. Они недвусмысленно опровергают утверждения советской печати о том, что идею отъезда поддерживает только группа сионистских отщепенцев. На самом деле стремление порвать с режимом, хотя и сохраняемое чаще всего в тайне, характерно, по-видимому, для широких еврейских кругов. Другое дело, что многим мешает это сделать ряд субъективных и объективных причин. Но это только одна сторона дела. Другая же состоит в том, что уезжающие всегда находили единомышленников, процент которых был достаточно высок. И это, разумеется, облегчало атмосферу отъезда.

Несколько слов о влиянии родственников. В советских анкетах, которые заполнял каждый поступающий на работу, неизменно значился вопрос: "Есть ли родственники за границей?" Ответить на этот вопрос положительно было далеко не безопасно для заполняющего анкету, так что все отвечали: "нет, не имею". При опросе выяснилось, что у половины эмигрировавших на Западе есть родственники, но только для 0,8% это обстоятельство послужило мотивом для выезда.

МОТИВЫ ОТЪЕЗДА

Естественно, что вопрос о мотивах отъезда — один из главных. Израильский психиатр Михаил Троппер установил даже прямую причинную связь между мотивами отъезда и психическим состоянием эмигранта. Чем мотивированнее

был отъезд, тем легче эмигрант преодолевает стрессы, подстерегающие его на Западе. Троппер считает, что эмиграция для некоторых явилась своего рода эпидемией — они уезжали потому, что уезжали другие. Так вот, каковы же основные мотивы отъезда?

На этот вопрос было предложено 8 ответов, из которых предлагалось выбрать 3.

Жить в свободной стране — 88,5%

Антисемитизм — 86,9

Улучшить уровень жизни — 43,8

Свободно выезжать за границу — 36,9

Воссоединиться с родными — 23,1

Дать детям еврейское воспитание — 23,8

Гарантировать детям высшее образование — 20,8

Повысить свой профессиональный уровень — 5,4.

В этих цифрах прежде всего удивляет малое количество людей, которые одним из мотивов своего отъезда называют стремление дать детям высшее образование. Ведь прием в высшие учебные заведения ограничен и могло создаться впечатление, что процент желающих гарантировать своим детям высшее образование, будет особенно высок. Но нет, этих людей даже меньше, чем тех, которые заботились о еврейском воспитании своих детей.

Как мы видим из приведенных цифр, очень мало таких, кто уезжал на Запад, чтобы повысить свой профессиональный уровень, — 5,4%. А кто эти люди по профессии? Среди них мы не находим ученых, гуманитариев да и вообще целого ряда специалистов. Судя по ответам, повысить свой профессиональный уровень (и ради этого уехали на Запад) стремились продавец, фотограф, электромонтер, врач, скрипач и бухгалтер.

Как распределялись ответы по городам? Надо заметить, что картина тут не всегда объяснимая. Например, желание гарантировать детям высшее образование меньше всего высказано жителями Москвы — всего 8,3%. Зато в ответах ленинградцев это желание достигает пика — 40%.

Повысить свой профессиональный уровень прежде всего стремятся киевляне — 9,4%, наиболее равнодушны к этому одесситы — 3,3%.

ПРИЧИНЫ ВЫЕЗДА ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Из восьми названных причин было предложено указать три

	Гарантиро- вать выс- шее обра- зование <i>детям</i>	Повысить професси- ональный статус	Жить в свобод- ной стране	Воссоеди- ниться с родными	Улучшить уровень жизни	Свободно путешест- вовать	Избавить- ся от анти- семитизма	Дать детям еврейское образова- ние
	20,8	5,4	88,5	23,1	43,8	36,9	86,9	23,8
Общее количество от всех опрошенных (в %)								
По городам								
Москва	8,3	8,3	83,3	8,3	25,0	33,3	100,0	8,3
Ленинград	40,0	6,7	86,7	40,0	26,7	6,7	80,0	46,7
Минск	25,0	—	100,0	—	25,0	50,0	100,0	25,0
Киев	28,1	9,4	87,5	25,5	34,4	28,1	96,9	28,1
Львов	20,0	—	80,0	20,0	80,0	40,0	100,0	20,0
Одесса	20,0	3,3	90,0	23,3	30,0	33,3	83,3	26,7
Харьков	16,7	—	100,0	—	50,0	33,3	83,3	16,7
Рига	—	—	100,0	20,0	60,0	60,0	60,0	—
Ташкент	—	—	80,0	50,0	75,0	—	100,0	25,0

ИЛЬЯ ЛЕВКОВ

ПРИЧИНЫ ВЪЕЗДА В СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Из десяти названных причин было предложено указать три

	Улуч- шить уровень жизни	Повы- сить про- фесси- ональ- ный статус	Иметь свой бизнес	Жить в свобод- ной стране	Ощущат себя ча- стью за- падн цивили- зации	Читат ь без цен- зуры	Жить по- амери- канск-и (амери- канский стиль жизни)	Дать де- тям вы- сшее образо- вание	Чувст- вовать себя свобод но ев- реем	Воссоеди- ниться с родными
	37,7	9,2	5,4	82,3	17,7	22,2	3,1	19,2	79,2	25,4
Общее количество от всех опрошенных (в %)										
По городам										
Москва	33,3	16,7	16,7	75,0	33,3	16,7	—	8,3	66,7	16,7
Ленинград	30,0	26,7	—	53,3	13,3	30,0	6,7	26,7	66,7	53,3
Минск	75,0	—	—	75,0	50,0	25,0	—	—	100,0	—
Киев	31,2	3,1	9,4	93,8	18,8	28,1	9,4	31,2	81,2	21,9
Львов	60,0	—	—	100,0	20,0	20,0	20,0	20,0	80,0	20,0
Одесса	40,0	13,3	3,3	86,7	6,7	43,3	—	20,0	83,3	26,7
Рига	50,0	—	—	100,0	—	25,0	—	—	100,0	50,0
Ташкент	75,0	—	—	100,0	25,0	25,0	—	—	100,0	25,0

НОВЫЕ АМЕРИКАНЦЫ В АНФАС И В ПРОФИЛЬ

По данным опроса получается, что жители Львова куда больше, чем люди, населяющие другие города, стремятся поднять свой уровень жизни (80%), ну а скажем, по соседству, в Одессе — этот мотив назвало 30%.

Свободно выезжать за границу больше всего хотели жители Риги — 60%, а у ленинградцев этот процент составил 26,7. Зато те же ленинградцы более других стремились дать детям еврейское образование (46,7%), а на одном из последних мест стоят москвичи — 8,3%. Казалось бы, предприимчивые жители Одессы должны были бы высказать желание иметь свой собственный бизнес. Но, по данным опроса, они стремятся к этому куда менее других, например москвичей, среди которых число людей, желающих открыть такой бизнес составляет 16,7%. Повторяю, мы сталкиваемся с целым рядом необъяснимых ответов. Но что поражает более всего, — это то, что люди, выбравшие Америку как будущую страну своего проживания, меньше всего мотивировали это желанием усвоить и сделать своим американский образ жизни. Число таких людей составляет 3,1%.

Возможно, здесь мы сталкиваемся с психологической раздвоенностью нынешней эмиграции. С одной стороны, новые иммигранты дают очень высокую оценку Америке, многие из них отзываются о ней с восторгом, но в своей повседневной жизни они проявляют мало желания стать действительно американцами. Об этой раздвоенности мы еще будем говорить ниже, а пока что отметим, что согласно опросу выявилось два доминирующих мотива для въезда в Америку. Во-первых, это жить в свободной стране — 82,3% и, во-вторых, свободно чувствовать себя евреем — 79,2%. Оба эти мотива достаточно расплывчаты и не могут, в частности, объяснить, почему выбор эмигрантов пал на Соединенные Штаты. Ведь реализовать эти мотивы практически можно в любой стране Западного мира. Причем если для отъезжающих так важно было чувствовать себя евреями, то отчего же они выбирают Соединенные Штаты, а не Израиль?

Дальнейшие ответы на анкету нам покажут, что связь этих людей с общественными и религиозными еврейскими организациями весьма относительна. О резонах этих расплывчатых ответов мы еще поговорим ниже. А пока...

ТРУДОУСТРОЙСТВО И АДАПТАЦИЯ

Группа опрошенных семей была разделена на следующие категории: работающие — 58,3%; пенсионеры — 27,5; безработные — 5,8; учащиеся (изучающие язык или новую профессию) — 6,7; получающие велфер — 1,7%.

От того, насколько человек способен самостоятельно найти работу и освоить ее, во многом зависит его способность к адаптации в целом. Это своего рода талант — приспособиться к новой среде,

В этом смысле мы, наверное, вправе сказать, что новоприбывшие в США сумели довольно быстро и энергично адаптироваться к новой жизни, проявить настойчивость и энергию. Это прежде всего относится к тем, кто нашел работу сам. Разделим их на четыре категории. Начнем с тех, кто нашел работу, просто придя в учреждение и предложив свои услуги, — таких 44,3%. Нашли работу по объявлению в газете 12,9%; с помощью друзей — 11,4; при посредничестве агентов бюро труда — 2,9%.

Другую группу составляют люди, которым нашли работу: община — 21,4%; школы бизнеса — 5,7; профсоюзы — 1,4%.

Таким образом, абсолютное большинство эмигрантов (71,5) нашли работу сами, без всякой помощи со стороны, иначе говоря, проявили высокую жизненную активность и способность к адаптации в новой стране.

Процент людей, получивших помощь со стороны общественных организаций, выглядит неожиданно низким. Но, может быть, качество этой помощи было иным? Может быть, те, кому помогли устроиться, получали более высокую зарплату? Отнюдь нет. Они зарабатывают в среднем 11.119 долларов в год, тогда как устроившиеся сами — 16.931. Итак, доход тех, кто проявил большую активность при поиске работы на 52,2% выше.

Не секрет, что приезд в Америку требует от многих советских эмигрантов изменить профессию. Разумеется, любая переквалификация не есть путь вверх. Из числа опрошенных изменили профессию 25,7%, а средний годовой заработок этой группы 9.750 долларов.

Посмотрим теперь, кто эти люди, которым пришлось изменить профессию? Прежде всего, это люди гуманитарных профессий: преподаватели русского языка и литературы, писатели, журналисты, актеры, музыканты, историки и др. Далее, это те врачи и юристы, для которых оказалось невозможным сдать профессиональные экзамены. И, наконец, приезд в Соединенные Штаты для многих оказался связан с понижением профессионального статуса (многие инженеры стали техниками или чертежниками, научные работники — лаборантами, бухгалтеры — кассирами и т.д.).

Переквалификация, связанная с отказом человека от своей профессии, всегда процесс болезненный. Это тем более характерно для выходцев из СССР, для которых всегда был важен их профессиональный статус. Многие из них кончали вузы, работали по той или иной специальности десятки лет. Их профессия приносила им уважение в обществе. Естественно, что при опросе большинство (67%) заявили, что они не удовлетворены своей новой специальностью и хотели бы ее изменить. Но далее интересно вот что: только 8,5% изъявили желание открыть свой собственный бизнес. Эта малая цифра говорит о некоем самоограничении инициативы, если хотите, осторожности — люди предпочитают довольствоваться гарантированной зарплатой, нежели открывать собственное дело.

В целом же оценка опрошенными своего профессионального статуса выглядит так: 45,7% довольны работой; 54,3 недовольны. Был в анкете вопрос и относительно настроения опрошенных в зависимости от их профессионального статуса и выполняемой работы. Ответить было предложено по пятибалльной системе. Наиболее высокий балл оказался у тех, кто хотел изменить нынешнюю работу и стать владельцем своего дела.

В западной социологии есть такое понятие "найти свое место на рынке труда". Судя по полученным ответам, иммигранты в большинстве нашли свое место на американском рынке труда. Их средний заработок превышает средний национальный, но по сравнению со своими коллегами американцами они по своим доходам занимают более низкую сту-

пень. Словом, сравнивая их нынешний социально-экономический статус с прежним, можно сделать однозначный вывод. Они перестали быть верхушкой среднего класса и попали в верхушку низшего класса.

АБСОРБЦИЯ

Опрошенным было предложено ответить на целый ряд вопросов, связанных со сложным процессом абсорбции. Эти вопросы можно сгруппировать следующим образом.

1. Изучение английского языка.
2. Организованная помощь иммигрантам.
3. Первые покупки.
4. Осознание самими иммигрантами изменений в их жизни (культура, профессия, финансы).

Я бы не хотел специально останавливаться на значении английского языка в жизни людей, переселившихся в Америку. Это более чем самоочевидно. Человек, знающий язык, быстрее входит в новую жизнь, получает лучшую работу, занимает более высокое положение в социальной иерархии. Но как было выяснить знание языка? Задать прямой вопрос, знаете ли вы английский? В этом случае было бы трудно избежать неточных и непроверяемых ответов. Поэтому был задан другой вопрос: "Изучали ли вы английский в средней школе, в вузе или на специальных курсах?" Выяснилось, что большинство (64,7%) не изучало языка вовсе. 10% — только в средней школе; 14,6 — в средней школе и в вузе; 3,8 — в вузе; 3,1% — на курсах английского языка. Уровень преподавания иностранных языков в советских учебных заведениях хорошо известен. Как правило, он не дает возможности людям, закончившим вуз, свободно войти в американскую жизнь.

Интересно, однако, сколько времени иммигранты изучали английский язык по приезде в Штаты? 34,8% — до трех месяцев. Эта группа вместе с теми, кто изучал язык самостоятельно, дома, и с теми, кто вообще не изучал английский язык в Штатах составляет 66,9%. Это значит, что большинство имеет лишь самые элементарные знания языка, которых

даже недостаточно для чтения периодической печати. А это в свою очередь тормозит понимание новоприбывшими культуры Америки, их участие в ее общественной жизни.

Но наиболее эффективно выяснить знание языка можно было определив круг чтения. Из всей группы опрошенных 63,1% совершенно не читает газет на английском языке. Остальные 36,9% — читают только местные газеты.

Посмотрим теперь, как обстоят дела с журналами. Самая большая группа читает журналы лишь на русском языке (39,7%). 32,8% — вообще не читают журналов; 17,2 — читают только на английском языке; 10,3% читают и американские и русские журналы. Таким образом, лишь 27,5% читают журналы на английском языке.

Необходимо заметить, что узкий круг читателей англоязычных газет и журналов свидетельствует о том, что образовался разрыв между прежним культурным опытом эмигрантов и нынешним. Эти "ножницы", вероятно, дают себя знать в повседневных самоощущениях новоприбывших, в дискомфорте и невозможности для них установить контакты с американским обществом.

Большинство уезжающих из Советского Союза представляло себе, что еврейские общины активно помогают новым иммигрантам входить в жизнь американского общества. Проблема эта достаточно широка и заслуживает специального рассмотрения. Посмотрим, однако, как отвечают опрошенные на вопрос относительно помощи еврейских организаций. 89% сообщили, что их услуги и помощь должны быть улучшены. Наибольшая неудовлетворенность была высказана в связи с профессиональным статусом. Причем логично было ожидать, что больше всего претензий последует от журналистов, юристов, писателей, учителей, то есть от людей, чья профессия мешает им свободно войти в жизнь американского общества. Но как выяснилось, большинство недовольных оказалось среди инженеров и техников, многие из которых полагают, что их профессиональное достоинство было унижено.

Возможно, это было связано с тем, что многие из тех, кто назвал себя инженерами, на самом деле были администратора-

ми или занимались всякого рода около инженерной деятельностью, например, инженеры по охране труда и технике безопасности, инженеры по вопросам рационализации и изобретательства, инженеры по социалистическому соревнованию и т.д. Не исключено, что эти люди в своем стремлении сохранить в американской фирме свой статус, рассчитывали на помощь еврейских организаций, но, услышав из их уст отказ, были уязвлены этим. Им было трудно объяснить, что в свободном мире еврейские организации мало что могут сделать для их трудоустройства. Так или иначе все это было, по-видимому, источником недовольства деятельностью этих организаций.

Следующие вопросы анкеты касались первых покупок. Почему именно это интересно? Да потому что первые покупки могут многое сказать о направленности интересов новоприбывших, о системе их ценностей.

Как я уже говорил выше, среди опрошенных был очень высокий процент людей, имевших собственную машину в СССР. Можно было ожидать, что машина и станет одной из первых покупок. Действительно, абсолютное большинство (58,5%) сообщило, что они имеют по крайней мере одну машину. Это невероятно высокий процент для любой группы в Америке и особенно для тех, кто живет в крупных городах, где развита система городского транспорта. Может быть, это можно объяснить тем, что в глазах эмигрантов собственная машина — это неперенный показатель их благополучия и определенных достижений. Показатель как в глазах их эмигрантского окружения, так и для родных и знакомых в СССР.

Известно, что новые иммигранты часто посылают в Советский Союз письма, вкладывая в них фотографии, на которых они изображены рядом с огромной американской машиной — "кадиллак", "олдсмобиль" или "бьюик". Кстати, марка купленной машины тоже оказалась немаловажной для понимания психологии опрошенных. Был задан простой вопрос: "Ваша машина — американская, европейская или японская?" Я пытался таким образом выяснить, чем руководствовался человек, покупая ту или иную марку. Например, если он покупал японскую машину, то, значит, предпочитал наибо-

лее экономичную модель, если европейскую, — то, значит останавливался на знакомых уже ему марках, таких, например, как "фиат", "фольксваген", а также проявлял явное тяготение к европейской технической культуре. Выбирая американскую машину, он как бы проявлял веру в высокий уровень американской продукции. Абсолютное большинство (88,9%) имеют американские машины, главным образом "олдсмобиль", "шевроле" и "форд". Только 6,9% опрошенных купили японские машины. И никто из опрошенных не имеет европейских. Итак, судя по ответам, советские эмигранты верят в американскую промышленность даже больше, чем сами американцы.

Чтобы точнее установить круг потребностей и интересов новых иммигрантов, им было предложено указать, что именно они купили из списка перечисленных вещей. Цветной телевизор приобрели 69,2%; стереоустановку — 32,3; стиральную машину — 13,1; посудомойку — 7,7; мебель — 43,1%. Ничего не купили 13,1%. Их годовой заработок составлял 9700 долларов, а средний срок пребывания в стране полтора года.

Важно было определить, насколько успешно прошла абсорбция новых иммигрантов в различных областях жизни. В связи с этим им было предложено сравнить их нынешний профессиональный статус, уровень культурной жизни и финансовое положение с тем, что было в СССР. При этом было три варианта ответов.

Профессиональный			Культурный			Финансовый		
Выше	Равен	Ниже	Выше	Равен	Ниже	Выше	Равен	Ниже
2,4	17,8	58,8	19,3	25,2	55,5	70,2	17,7	12,1

Из этой таблицы становится очевидным, что, по мнению самих эмигрантов, они потеряли в своем профессиональном статусе, ниже стал и уровень их культурной жизни, но зато финансовое положение резко улучшилось. По-видимому, здесь мы имеем весьма важные отправные точки для оценки иммигрантами их нового образа жизни. Разобраться в этих оценках позволили следующие вопросы анкеты. "Довольны

ли вы вашим решением эмигрировать в США?" Были получены такие ответы: 88,9% опрошенных ответили: "Да, довольны" или "Очень довольны"; 4,8 — недовольны; 6,3% — ответили, что не уверены. В чем же источник этого невероятно высокого удовлетворения американской жизнью? Если мы вновь обратим внимание на вышеприведенную таблицу, то получим недвусмысленный ответ: это объясняется резким улучшением материального положения, достигнутым в США.

Для уточнения картины был задан вопрос: "Как вы себя чувствуете в Соединенных Штатах?" Ответы давались по пятибалльной системе. 37% оценили свое самочувствие пятеркой; 31,9 — четверкой; 30,3 — тройкой и лишь 0,8% — единицей.

Итак, абсолютное большинство — 68,9% чувствуют себя в Америке отлично и хорошо. И, по-видимому, в их глазах падение профессионального статуса и снижение уровня культурной жизни имеют второстепенное значение. Доминирующим остается фактор материальный.

Вопрос о самочувствии новых иммигрантов в Америке, естественно, один из наиболее сложных. В печати на этот счет высказываются самые разнообразные мнения. Так вот, для того чтобы быть уверенным, что новые иммигранты действительно хорошо себя чувствуют в Америке, я задал два вопроса. Один из них должен был косвенно подтвердить их положительное отношение к собственной эмиграции. Другой — более прямой — и в нем делался акцент на решении эмигрировать именно в США.

Итак, вопрос первый: "Хотели ли бы вы, чтобы ваши родственники, оставшиеся в СССР, эмигрировали?"

"Да" ответили 86,1%,

"Нет" — 3,5.

"Это им решать" — 4,3.

"Не знаю" — 3,5.

"Это невозможно" — 2,6%.

Получается, что только 3,5% настолько были недовольны своей жизнью в Америке, что отказались советовать эмигрировать своим родным вообще.

Следующий вопрос: "Хотели ли бы вы, чтобы ваши родные эмигрировали в США?"

"Да" — ответили 89,5%.

"Нет" — 2,9.

"Не уверен" — 4,8.

"Это их дело" — 1,9.

"В Израиль" — 0,9%.

И снова абсолютное большинство подтверждает правильность своего решения об эмиграции в США, несмотря на падение профессионального статуса и неудовлетворенность культурной жизнью.

ЭМИГРАЦИЯ И СЕМЬЯ

Снова пойдет речь о чрезвычайно важной стороне нашего опроса: как влияет эмиграция на отношения в семье. Англичане говорят: мой дом — моя крепость. Перефразируя это выражение, могли ли эмигранты сказать: моя семья — это моя крепость? И если это так, то осталась ли она крепостью в Америке? Как мы понимаем, вопрос это непростой и во многом интимный. Тем не менее, не ответив на него, мы не можем достаточно полно представить картину жизни новых американцев. А для того чтобы правильно на него ответить, посмотрим, как создавалась эта семья и какие в ней были отношения перед выездом.

Опрос показал, что только 1,8% супругов познакомились друг с другом через родственников, 30,9 — через друзей, но абсолютное большинство — 67,3% нашли друг друга без всякого посредничества. При этом никакой корреляции между возрастом супругов и местом их жительства не наблюдалось. Из общего числа опрошенных 31,9% поженились в том городе, где они получили высшее образование. Но так как с высшим образованием в опрошенной группе было 48,5% семей, то указанная выше цифра 31,9 возрастает до 44,4%.

Рассмотрим теперь, как именно создавалась эта семья и как складывались отношения этой семьи с родителями одного из супругов (в том случае, когда жили все вместе).

Две цифры: 56% семей после женитьбы оставались жить с родителями одного из супругов (который был жителем го-

рода, где они учились). 44% — начали свою жизнь отдельно от родителей. Но обе группы и после женитьбы продолжали тесное общение с родителями. Так, например, супруги проводили время вместе с родителями: от 5 до 20 часов в неделю 37,3%; 30 часов в неделю — 5,1%; 40 часов — 6,8; 50 часов — 18,6; от 60 до 100 часов — 18,6 и только 13,6% виделись с родителями один раз в год. И даже те, кто женился или вышел замуж не в своем родном городе, довольно много времени проводили с родителями. 35,7% от общего числа — 5-20 часов в неделю. Зато если в первом случае раз в год с родителями встречалось только 13,6% опрошенных, то когда родители и дети жили в разных городах, число таких редких встреч поднялось до 42,9%. Эти цифры говорят о том, что те семьи, которые оставались жить в том же городе, где они учились и где жили их родители, поддерживали с ними постоянный и тесный контакт. Эта ситуация типична для Советского Союза: дети и после брака не теряют своей связи с родителями. Я это подчеркиваю потому, что совершенно иная картина среди американцев.

Проверим теперь, сохраняются ли прежние отношения в семье в условиях иммиграции. Разумеется, можно предположить, что авторитет главы семьи в первое время после приезда падал: ни его новая должность, ни его зарплата, ни его знание новых условий жизни не соответствовали тому, что было в СССР.

Новая обстановка как бы уравнивает всех членов семьи и выдвигает на первое место того, кто оказался более способным к адаптации. Эта ситуация часто меняет роль мужа и жены. На какое-то время наступает своеобразный матриархат, ибо, как показывают исследования, жены быстрее изучают английский, они проявляют большую гибкость при смене профессий. Однако наш вопрос сводится к другому: изменились ли взаимоотношения супругов в новых условиях. Вопрос этот формулировался так: "Чувствуете ли вы себя ближе друг к другу?"

60,4% ответили: "без изменений"

19,8% — что чувствуют себя ближе друг другу

19,8% — что отдалились друг от друга.

Затем оценка была сделана по пятибалльной системе. 3,1% тех, кто оценивал свои отношения в СССР на тройку, так и остались троичниками; у четверочников — без изменения остались отношения в 17,4% случаев; у тех, кто оценивал свои отношения пятеркой, в своем большинстве они остались без изменений (62,2%).

Отношения между супругами изменились в лучшую сторону: с четверки на пятерку — у 5,1%; с тройки на пятерку — у 2; с двойки на четверку — у 1%.

Отношения ухудшились: с четверки на двойку — у 3,1%; с четверки на тройку — у 2; с пятерки на тройку — у 1; с пятерки на четверку — у 3,1%.

А каковы вообще отношения в семьях новых американцев? Почти две трети (62,5%) живут не более чем в пятнадцати минутах ходьбы друг от друга. Ежедневно бывают в гостях друг у друга 26%. Половина встречается хотя бы раз в неделю; 19,5% — не менее чем раз в месяц и только 3,9 — реже чем раз в месяц. Таким образом, абсолютное большинство видятся как минимум раз в неделю.

Разводы были крайне редки — единственный случай в нашей группе — это развод молодой пары (супругам было по 26 лет) из Москвы.

Я чувствую, что несколько утомил читателя этими цифрами. Однако они совершенно необходимы для того, чтобы сделать следующий общий вывод. Стрессоустойчивая группа из всех опрошенных составляет 82,7%. А вместе с группой, которая улучшила свои взаимоотношения в семье, эта цифра равна 93,9%.

На взгляд западного человека, эта ситуация семейной идиллии представляется такой же фантастической, как результаты выборов в Верховный Совет. Возможно, что последняя цифра не совсем точно отражает реальные отношения в семье, и тем не менее, если мы рассмотрим все предыдущие, то и они говорят о том же. Семья для советских евреев — одна из основополагающих ценностей. И в этом смысле, подобно англичанам, утверждающим: мой дом — моя крепость, они могли бы сказать: моя семья — это моя крепость. Крепость, которая помогла им адаптироваться в Америке.

А каковы отношения родителей и детей в эмиграции?

Проблема отцов и детей существует в каждой стране. Новое поколение, как правило, не желает жить так, как жили отцы и руководствоваться их представлениями и идеалами. Естественно было ожидать, что в эмиграции эта проблема приобретет особую остроту. Однако опрос не подтвердил этого. Я предложил в анкете оценить отношения с детьми в СССР и в США по пятибалльной системе. Вот какие были получены ответы.

3% составили те, кто оценил свои отношения тройкой
13,8 — четверкой
54,3% — пятеркой.

Эта, так сказать, картина в ее статике. Теперь рассмотрим ее динамику.

Отношения с детьми улучшились:

с двойки на тройку у 1,1%
с четверки на пятерку — у 5,3
с тройки на пятерку — у 2,1%.

Отношения с детьми ухудшились:

резко, с пятерки на единицу у 1,1%
с четверки на двойку — у 1,1
с пятерки на двойку — у 1,1
с четверки на тройку — у 5,3
с пятерки на тройку или четверку — у 4,3%.

Общая картина выглядит так: отношения с детьми остались без изменений у 73,4%. Улучшили свои отношения 8,5. Ухудшились отношения — у 17,2%.

Теперь, если мы возьмем две группы — ту, где отношения не изменились, и ту, где они изменились к лучшему, то общая цифра составит абсолютное большинство, и она, по-видимому, явится важным показателем стрессоустойчивости большинства эмигрантских семей.

А что произошло в тех семьях, где отношения ухудшились? При анализе ответов эти семьи были разделены на две группы. Первая — это наиболее бедные — семьи безработных или получающих велфейер. Вторая — и это покажется несколько удивительным — включает в себя наиболее устроенных, где у членов семьи годовой доход в среднем составляет 15.692

долларов. Таким образом, взаимоотношения родителей и детей ухудшились в двух группах, полярных по своему доходу. Нетрудно себе представить, почему ухудшились эти отношения в первой группе. Причина, по-видимому, прежде всего в падении авторитета главы семьи. Но почему ухудшились эти взаимоотношения во второй группе? Ответить на этот вопрос, исходя из данных анкеты, мне не удалось. Но мне представляется, что причина в следующем: для того чтобы достичь относительно высокого дохода, и мужу и жене приходится много работать. У них попросту не остается времени, для того чтобы уделить внимание своим детям.

В заключение оценим эту группу в целом,

Средний человек этой группы — это человек с высшим образованием, мобильной профессией, высоким окладом в Союзе, живший в центре города в хорошей квартире и имевший машину.

Его ответ на вопрос о причине выезда в Соединенные Штаты, сформулированный как желание жить в свободной стране и свободно чувствовать себя евреем, не подтверждается при анализе ответов о быте, стремлениях и интересах в условиях иммиграции. Но это был социо-экономический профиль исследования. Может быть, мотивы выезда обозначатся конкретнее при анализе культурной жизни и самооценки эмигрантов.

Продолжение в следующем номере.

ВЛАДИМИРУ ВОЙНОВИЧУ - 50 ЛЕТ

Наша редакция поздравляет с пятидесятилетием выдающегося русского писателя Владимира Войновича. Нет необходимости перечислять написанное Войновичем — его вещи широко известны в России и за рубежом. Но если бы он написал только свою сатирическую эпопею о русском солдате Иване Чонкине, то и тогда бы его имя навсегда сохранилось в истории русской литературы.

Можно без преувеличения сказать, что подобно Василию Теркину Твардовского, создавшего целую эпоху в годы войны, без Чонкина Войновича мы не можем представить современной России.

При всей условности этого сравнения для нашей редакции оно исполнено глубокого смысла и еще по одной весьма важной причине. Выйдя из "Нового мира", — нет, не сегодняшнего, а того, который редактировал Александр Трифонович Твардовский, — Войнович предстает в наших глазах продолжателем его самых лучших демократических традиций. Со своей стороны, и мы не скрываем, что нет у нашего журнала более высокой цели, чем следовать традициям "Нового мира" Александра Твардовского, которым столько было сделано для утверждения свободной демократической мысли.

Из лексикона современной русской литературы ныне исчезло само понятие "писатель-новомирец", хотя им и по сей день гордятся лучшие литераторы России. Мы думаем, что им гордится и Владимир Войнович. Но он не просто гордится им — своими талантливыми книгами он продолжает на ниве русской словесности ту многотрудную работу, вне которой никогда не мыслил своей жизни каждый честный русский писатель.

Г. НИЛОВ

СТУПЕНИ ИЕРАРХИИ

На уроке истории ученикам средней школы поселка Лабытнанги однажды был задан контрольный вопрос: "Какие вы знаете классы нашего общества?" Мальчик, родившийся на севере и, видимо, никогда оттуда не выезжавший, ответил: "Общество состоит из зэка, вохра и геологов".

Следуя логике этого северного вундеркинда, можно утверждать, что в период сталинской тирании советское общество состояло из зэков, армии, крестьянства и вольнонаемных.

Следует подчеркнуть, что все названные классы, а попросту все трудящиеся страны находились в одинаковом положении по отношению к орудиям и средствам производства, все они были наемными работниками государства или, пользуясь марксистской терминологией, пролетариями. Несмотря на это, разделение общества на классы продолжало существовать.

Какими бы одинаково наемными работниками государства ни были литейщик металлургического комбината, виолончелист симфонического оркестра и совхозный пастух, их труд и

жизненные условия настолько неодинаковы, что это различие позволяет считать их представителями разных общественных классов. В связи с этим современное советское общество можно разбить на пять классов: промышленные рабочие, сельскохозяйственные рабочие, армия, интеллигенция и работники партийно-правительственного аппарата.

Основываясь исключительно на собственных наблюдениях за состоянием современного советского общества, утверждаю, что границ между только что названными классами практически не существует.

Городские жизненные условия имеют несомненные преимущества перед сельскими. Учитывая при этом, что одной из самых характерных черт советской экономики является хроническая нехватка рабочей силы, можно утверждать, что между двумя самыми широкими классами населения страны нет ни административных, ни экономических барьеров.

Значительно интереснее рассмотреть стирание границ между рабоче-крестьянской массой и интеллигенцией, поскольку последнюю в силу условий ее труда, престижности профессий и перспектив карьеры привычно считать классом привилегированным. Кроме того, границы этого класса охраняются извечными естественными препятствиями: образованием, традиционными связями, в том числе с административной верхушкой, элитарной солидарностью и т.д.

Раньше всего согласимся с тем, что наиболее рафинированный и привилегированный слой интеллигенции — академики, члены творческих союзов, "ответственные" чиновники и т.п. составляют ничтожную часть той обширной категории населения, которая занята различного рода бумажной работой, называемой умственной чаще всего только потому, что физической ее никак не назовешь. Основную же массу этой части населения представляют во второй половине 20-го века инженерно-технические работники разных уровней и чиновники всех мастей. Теперь вспомним содержание бесчисленных объявлений о найме рабочей силы. Водителю автобуса, сварщику, токарю и т.п. эти объявления никогда не обещают заработка менее 200 рублей в месяц, т.е. зарплату, которую получают далеко не все инженеры, пятнадцать лет назад

окончившие институт. А рядовые врачи и педагоги до недавнего времени о таком заработке и не мечтали, теперь же могут достичь его только сверхурочной работой. Большинство мелких чиновников (служащие) и сейчас еще зарабатывают много меньше. Таким образом, прямых экономических выгод работникам умственного труда интеллигентные профессии не сулят. Но не хлебом единым держатся интеллигентные профессии.

Образование всегда было главным признаком интеллигенции и ее главным заградительным рвом. Однако в последнее время оно стало настолько общедоступным, что уже не может быть препятствием для молодых людей, желающих заниматься умственным трудом. В начале 50-х годов советское правительство постановило, что среднее образование должно в течение двадцати лет стать всеобщим и обязательным на всей территории СССР. И в отличие от множества других важнейших решений правительства, это постановление было выполнено до конца. Теперь среднее образование обязательно получает каждый не дефективный ребенок, независимо от своего социального происхождения и, к сожалению, практически независимо от способностей. Правда, уровень этого образования позволил одному московскому журналисту довольно метко и справедливо назвать Советский Союз "страной всеобщей полуграмотности". Но с тем большим основанием такое образование может быть названо общедоступным.

Юношам и девушкам, сошедшим с конвейера среднего образования и пренебрегшим экономической невыгодностью интеллигентных занятий ради остальных их прелестей, предстоит конкурсная борьба в дверях высшего специального образования, ибо оно-то у нас пока не всеобщее и далеко не обязательное. При всем еще экстенсивном развитии советской экономики нехватка рабочих рук ощущается значительно острее, чем "белых воротничков". В этой борьбе на стороне детей из интеллигентных семей несколько более высокий культурный уровень, чем у детей из рабоче-крестьянской среды. Зато на стороне последних — государство пролетарской диктатуры, решившее подтвердить справед-

ливость своего названия путем подгонки практики под теорию.

Дело в том, что, по Марксу, пролетариями в чистом виде могут считаться только промышленные рабочие. Их же относительная численность среди остального населения вопреки теории не растет с ростом промышленного производства, а, как показала практика всех промышленно развитых стран, в том числе советской, падает. Мы, конечно, должны извинить Марксу этот просчет, поскольку он не мог предвидеть, что таково будет влияние научно-технических революций, направивших промышленность по пути интенсивного, а не экстенсивного развития. Но советские руководители, чьи предшественники столько раз за шестьдесят лет жертвовали чистотой теории ради совершенства практики, вдруг заупрямились — практика должна соответствовать теории, а пролетариат расти и занимать в стране победившего социализма командные посты.

Понятно, что проталкивание рабочих в институты не может повысить веса пролетариата в общей массе трудящихся, но оно благоприятно с официальной точки зрения, как свидетельство превалирующей роли пролетариата. Кроме того, подталкивая рабочих и крестьян (как бы их не называли) к высшему образованию, советское руководство инстинктивно, а может быть, и осознанно рассчитывает на будущее действие механизма "благодарности", о котором писал Н.Валентинов — "благодарности к тому, кто вытащил из низов наверх тысячи самых маленьких людей..." И, наконец, веским аргументом в пользу искусственного насыщения институтов высшего образования рабочими и их детьми может служить давно проверенное наблюдение, по которому второе поколение интеллигентов склонно заражаться идеями социальных преобразований, а первое — сосредоточено в основном на собственной карьере.

Но вернемся к нашим баранам, вернее, ягнятам, застрявшим на пороге высшего образования. Здесь вступают в силу широко распространенные у нас неписанные и негласные инструкции. Я не могу сослаться на какие-либо параграфы положения о приеме в вузы, регламентирующие преимущества

при поступлении в институт рабочих и их детей. Не могу сослаться потому, что такие правила даже не изложены на бумаге в виде пожеланий, они сверху сообщены райкомам партии, оттуда — парткомам институтов, оттуда — приемным комиссиям, где послушно выполняются. Не могу также сказать, на каком уровне этой устной эстафеты определяются конкретные для каждого вуза цифры. Один из инструментов осуществления этих инструкций — действующие при многих институтах подготовительные курсы, куда принимаются абитуриенты по путевкам предприятий и общественных организаций. Пройдя без отрыва от производства подготовку по основным предметам средней школы, слушатели курсов сдают здесь же экзамены и вне конкурса зачисляются в институт. Не сдать эти экзамены можно только при очень сильном желании отвертеться от уготованной судьбы интеллигента.

Говорю так потому, что у парткомов заводов тоже есть негласная инструкция направлять в институты наиболее передовых и потомственных пролетариев, а не самых способных и желающих учиться.

В тех институтах, где нет подготовительных курсов, приемная комиссия, беспрекословно подчиняясь указаниям сверху, регулирует социальный состав будущих студентов с помощью экзаменационных оценок. Так или иначе, но естественные преимущества интеллигенции перед выходцами из рабочей-крестьянской среды компенсируются пролетарской заданностью советского партийного руководства.

Конечно, дети интеллигентов уже научились обходить эти рогатки на своем пути к высшему образованию — чаще всего временным поступлением на завод. Но эти маленькие хитрости не меняют содержания вывода, который может быть сделан из всего сказанного: будто дверь к интеллигентным профессиям в одинаковой мере открыта для всех сословий. Исключение составляет Московский институт международных отношений, прочно зарезервированный партийно-правительственной верхушкой для своих детей. Надо полагать, что в творческих институтах — театральных, художественных, музыкальных и т.п. пролетарское происхождение не такое неоспоримое преимущество абитуриента, как в остальных

вузах, но эти исключения опять-таки не могут изменить правила.

Дальнейшее движение по ступенькам карьеры для молодого человека, получившего высшее образование, естественно зависит от его индивидуальных способностей, вернее, от того, насколько они соответствуют внешним условиям. А внешние условия карьеры в Советском Союзе весьма специфичны.

К условиям успешной карьеры в Союзе мы вернемся через несколько строк, пока же отметим, что пролетарское происхождение, а еще лучше — собственная принадлежность к рабочему классу — очень важна в марафоне служебного продвижения. Самая блестящая в этом смысле анкета — у рабочих, без отрыва от производства заочно окончивших вуз. Достаточно хороша — у рабочих, окончивших вуз после долгой работы на производстве. Совсем не примечательна — у окончивших вуз после школьной скамьи. К вершинам административной лестницы могут пробиться только обладатели самой блестящей анкеты. Просмотрев биографии министров и высших партийных деятелей (хотя бы по газетным некрологам), можно убедиться, что все они — бывшие рабочие.

Научная карьера, правда, удастся и обладателям средних анкет, но выдающихся способностей.

Рассмотрение классового состояния современного советского общества может быть завершено теперь следующим выводом: сегодня охраняемость границ между основными классами в СССР практически не существует.

Этот вывод целиком относится и к возможности проникновения всех правоверных советских граждан в последний из перечисленных классов — в партийно-правительственный аппарат. Здесь у интеллигентов те же преимущества перед рабочими и крестьянами, что и при получении высшего образования, а на стороне последних — та же заданность пролетарской диктатуры, только осуществляемая значительно строже и шире. Рискуя быть назойливым, должен повторить только что сказанное: возможность проникновения в партийно-правительственный класс определяется только индивидуальными "способностями" каждого, кто к этому стремится.

Таланты, необходимые для карьеры высшего чиновника, уже неоднократно описаны во многих работах самиздата и тамиздата. Лучшей из всех встреченных мною на эту тему работ является статья Л.Колаковского "Тезисы о надежде и безнадежности". Особенно удался Колаковскому раздел "безнадежности", поэтому хочу процитировать один отрывок из этой работы.

"...положительными качествами (т.е. чертами, облегчающими восхождение по ступеням иерархической лестницы) становятся угодничество, трусость, отсутствие инициативы, послушание перед начальством, готовность к доночеству, равнодушие к общественному мнению и к общественным интересам. Отрицательные же черты — это, наоборот, способность к инициативе, забота об общих интересах, приверженность к критериям правды, эффективности и общественной пользы, не взирая на интересы аппарата. Тем самым механизм власти приводит к естественному негативному отбору руководящих кадров во всех сферах правящего аппарата, а в особенности в аппарате партийном... Как всегда, и здесь можно привести исключения, но они весьма немногочисленны".

Полагаю, что лаконичное высказывание Колаковского нуждается в некоторых уточнениях. Дело в том, что система отбора "руководящих кадров" не формализована, а интуитивна, поэтому действие ее не так примитивно, как может показаться со слов Колаковского. Прежде всего, перечисленные выше "положительные" душевные качества карьериста должны быть умеренными. Выдающийся подхалим отбраковывается системой так же, как выдающийся трус и доносчик. Затем эти качества должны быть истинными, а не наигранными — притворство в этой области неизбежно разоблачается, вернее, сознательные притворщики просто не выдерживают нагрузки, навязанной их психике. И, наконец, последнее требование системы отбора — это сочетание в определенной пропорции "положительных" и "отрицательных" душевных качеств руководящих работников, ибо конкурентная борьба подхалимов и доносителей требует соответствующей инициативы и сообразительности.

Разумеется, эти нюансы не меняют смысла высказывания Колаковского и не противоречат дважды прозвучавшему здесь выводу: партийная карьера в одинаковой степени открыта представителям всех социальных слоев населения.

Таким образом, волей или неволей, но одно из своих теоретических намерений большевики теперь действительно воплощают в жизнь — они создают классовое общество.

Ситуация любой страны определяется взаимодействием материального положения народа с его духом..

Начиная разговор о духе советского народа, хочу предупредить, что не собираюсь принимать во внимание тонкие особенности легендарной загадочности русской души. Это намерение могу аргументировать следующими соображениями.

Во-первых, обсуждать что-либо загадочное — только время тратить попусту.

Во-вторых, душа любого человека — француза, немца, эфиопа и т.д. настолько загадочна, что разглядывание ее национальных особенностей сравнимо с бесполезным поиском иголки в стоге сена.

В-третьих, чаще всего о загадочности своей души говорят и пишут сами русские, а нескромное мнение человека о себе самом или группы людей о своем сообществе всегда вызывает справедливое недоверие. Ведь нельзя же полагать, что именно лучшие сыновья выкалывают на своей груди несмыслаемую клятву: "Не забуду мать родную!". И трудно поверить, что именно те свойства, которые провозглашены лозунгом: "Да здравствует КПСС — ум, честь и совесть нашей эпохи!" — позволяют встречать его на многих перекрестках всех наших городов.

И, наконец, в-четвертых, некоторые стороны упомянутой загадочности имеют сугубо утилитарное решение. Так, например, сравнительно широкое за последние двадцать лет участие советских инженеров и техников в контрактных работах за границей может экспериментально объяснить противоречия между относительной скудостью материальной обеспеченности среднего советского человека и его безразличием к стяжательству. Как оказалось, большинство щедрых у себя на родине бессребреников через два-три месяца заграничной служ-

бы превращаются в таких скопидомов, по сравнению с которыми пресловуто бережливые немцы — отчаянные моты. Объясняется это тем, что любая экономия дома позволяет нашему среднему гражданину собрать средства в лучшем случае, на покупку нового костюма взамен износившегося и на шумный "обмыв" покупки. И средний советский работник просто поневоле становится бессребреником. А за границей он быстро вычисляет, что большая в 4-5 раз зарплата при строгой экономии позволит ему за два контрактных года собрать средства на покупку машины, квартиры и запастись на несколько лет вперед "сертификатами", избавляющими от унижительной погони за дефицитом. В результате таких подсчетов загадочная щедрость бесследно исчезает. Исключения, конечно, бывают. Если же я ошибаюсь, и загадочность как специфическая черта русского характера все-таки существует, то это явление скорее негативное, чем позитивное, как бы ни восхищались его оригинальностью сторонники этой красивой идеи. Негативное, ибо навязывает общественную пассивность. Действительно, зачем напрягаться по суммированию своих духовных сил для общих свершений, если наши силы — загадка для нас же самих? Загадка, которая может любое свершение превратить в его противоположность! Негативное еще и потому, что позволяет случайностью объяснить великие свершения духа русского народа — такие, например, как победа в последней войне.

Вот как выглядела по мемуарам генерала Зигфрида Вестфаля ситуация страны в конце лета 1942 г.

"На оккупированной нами территории проживало около 50 миллионов русских, находилось более половины залежей угля, марганца и железной руды и 40% железных дорог России".

А через год Россия производила танков, самолетов, орудий больше, чем Германия. Никакое самое жестокое принуждение сверху не могло заставить народ так трудиться. А можно ли объяснить столь могучее единение духовных сил народа загадочностью русской души? Можно, конечно. Загадочностью все можно объяснить. Но в данном случае лучше сказать, что в экстремальных условиях русские люди

способны успешно суммировать лучшие черты своего национального характера.

Для того чтобы вернуться к сегодняшним проблемам, хочу поставить риторический вопрос: как мы в столичном метро узнаем иностранца?

Предположим, что иностранец ни с кем не заговаривает, следовательно, узнать его по акценту невозможно. По одежде? Вряд ли. Наши охваченные сертификатной лихорадкой столичные жители часто одеты куда "иностраннее" иностранцев. По любопытству во взгляде наблюдателя чужой жизни? Отчасти так. Но в основном по силе личных свойств, выраженных в чертах лица, в манере одеваться, в походке, в напряженности или расслабленности тела... словом, в том, что можно назвать индивидуальностью.

Значит ли это, что, по-моему мнению, индивидуальность советских людей стерта, ослаблена? К сожалению, значит.

Но сам этот вопрос — вторичен. Он возник в результате просмотра советских газет сорокалетней давности. Мой приятель, техник-смотритель одной ленинградской жилищной конторы три года назад нашел в старом доме, предназначенном на снос, подшивку "Правды" за 1939 г., и мы с увлечением стали ее просматривать, находя в старых газетах много сейчас "забавного" — например, описание жестокости, с которой англичане ведут войну против Германии. Но постепенно мое внимание все больше стали привлекать к себе фотографии, принцип подбора которых за сорок лет абсолютно не изменился — передовики производства, знатные доярки, ставшие народными депутатами, герои-летчики, поэты... Смутное подозрение стало настойчиво стучаться в мое сознание. Оно долго мучило меня своей неопределенностью. И, как всегда, помог случай — приятель принес свежие газеты. В них тоже были помещены фотографии передовиков производства, выдвинутых кандидатами в депутаты, уже не помню каких Советов. Подписи под портретами схожи как две капли воды с теми, что были сорок лет назад. Но индивидуальность лиц стала теперь на порядок ниже.

Мы увлеклись проверкой этой мысли. Нашли подшивку "Правды" за прошлый год, отыскиали в обеих подшивках

фотографии с одинаковыми подписями и на длинной стене в коридоре старой петербургской квартиры развесили портреты за оба года. Так и есть! В те кошмарные годы, когда, по свидетельству газеты, суд приговорил пекарей-бракоделов к восьми годам исправительно-трудовых лагерей, т.е. в переводе на человеческий язык, к каторге, их коллеги имели тогда свое собственное, одному этому человеку данное выражение лица — индивидуальность. Увы! Их дети одели маски безличия! Лица еще можно различить по чисто внешним признакам — длине носа, полноте губ, форме ушей, но не по свету души, предназначенному являться другим людям через наше лицо. На всех портретах одно и то же выражение тупого воодушевления, столь знакомого нам по лицам коллег во время коллективного слушания официальных докладов, когда возникает ораторская пауза, безошибочно воспринимаемая всеми как команда к аплодисментам. Видно, не прошли даром сорок лет "аплодисментов, переходящих в овацию"!

В метро же нет необходимости воодушевляться, и на всех лицах одно и то же выражение усталого равнодушия.

Весной 1979 г. на наших кино- и телеэкранах была показана двадцатисерийная киноэпопея "Великая Отечественная", подтвердившая правильность моих наблюдений по сравнительному портрету. Почти все кадры, где крупным планом видны лица советских участников войны, запечатлели их индивидуальность. Поразительно, что людская индивидуальность документальных кадров военных лет много ярче той, которую можно разглядеть в образах сегодняшних игровых фильмов о войне. А документальные кадры тех лет и сравнивать в этом смысле не стоит с хорошо отрепетированными современными "кинодокументами".

Стирание личностных особенностей индивидуумов, образующих народ, и исчезновение границ между социальными классами — два взаимообусловленных процесса, характеризующих сегодняшнее советское общество, официально именуемое обществом нового высшего типа.

Михаил ХЕЙФЕЦ

КУДА ПОСТАВЯТ — ТАМ СТОЮ

О книге Феликса Канделя "Коридор"

Советская Россия — загадка для остального мира.

Все в ней нелогично. Большевики разорили страну и подорвали ее хозяйство гражданской войной, и нормальные люди, включая гениального фантаста Герберта Уэлса, знали, что отныне "Россия во мгле", она — дыра на карте мировой цивилизации. Через десять лет Россия восстановила свое хозяйство и... снова разрушила его коллективизацией. Миллионы крестьян высланы, миллионы погибли от голода, тысячи специалистов репрессированы, все мыслимые свободы для человека подавлены, — а Россия превращается в ведущую промышленную державу мира. Она побеждает лучшую армию планеты, немецкую, побеждает ценой двадцати с лишним миллионов жизней и потери большей части своего национального богатства, все эксперты предсказывают длительный период выздоровления страны с помощью внешней помощи, а она развязывает "холодную войну", стоит против всего мира и... раздвигает границы империи до Кантона на юге и Берлина на западе. Надвигается новый кризис, миллионами тонн закупа-

ются зерно и мясо, многие эмигранты и кремленологи предсказывают "последний и решительный час империи", а к ее ногам падают Эфиопия, Ангола, Южный Йемен, заискивающе смотрит в глаза Никарагуа, а где-то на очереди возникает Сальвадор...

Все — вопреки логике, вопреки экспертам, вопреки науке, вопреки предсказаниям "знатоков" и "очевидцев". Повторяю — загадка.

Если бы я был испанским королем... Виноват, это из Гоголя. Если бы я мог рекомендовать советологам, как начинать подготовку к избранной специальности, я бы советовал им читать роман Ф.Канделя "Коридор":* после чтения многие загадки Советской России выглядели бы изящно решенными задачами.

"Существуют самые глубокие процессы, — писал Владимир Марамзин, — на них влияет, их и отражает проза, — а стихи и подавно, публицистика и критика все это популяризируют". Загадки советской России на самом деле просты, но они затрагивают глубокие пласты советской жизни, и путь к их пониманию лежит, пожалуй, на нынешнем этапе только через прозу. Или через стихи.

Литература в России всегда служила памятью поколений и их свидетельским показанием на суде истории. Недаром стала крылатой цитатой реплика пушкинского Отрепьева про "донос ужасный" летописца, после которого не уйти от суда людского, как от Божьего...

Советская власть знала: тот, кто владеет памятью, владеет и будущим. Поэтому истребляла конкурентных носителей памяти. Горели рукописи, исчезали с лица России их создатели и хранители. Оказалось, всех уничтожить невозможно даже товарищам Сталину и Берия. Вдова Мандельштама донесла до нас его стихи, сохранили по строчкам поэзию Ахматовой ее друзья, спасла рукописи мужа вдова М.Булгакова; вынырнули из подполья романы В.Гроссмана и "Черная книга"; достала из тайников повести Лидия Чу-

* Ф.Кандель. Коридор. Иерусалим, 1981.

ковская... Том за томом переснимал на пленку и скрывал от преступных глаз автор "Архипелага ГУЛАГа". Вдруг выплыли на свет Божий "Зияющие высоты". А параллельно со всеми, как оказалось, писал и писал в "стол" популярнейший в Союзе сценарист-сатирик (один из авторов "Ну, погоди!") Феликс Кандель.

За потаенные сочинения гонораров ему не обещали (не платят и теперь) — гонораром мог стать только срок! Прибыв несколько лет назад в Израиль, Кандель приступил к выпуску всего, написанного в Москве: "Врата исхода", "Зона отдыха", и наконец появился первый его роман, созданный в 1967-69 гг. "Коридор". (А газеты сообщают о выходе четвертого московского романа — "Первый этаж". Да конец ли это потаенного отделения одного из московских писательских столов?!)

Подводя итог роману, Кандель сам признается, что его пером водил долг перед памятью поколения.

"Она чужая для меня теперь, эта книга, да и я, наверно, для нее чужой.

Но ведь жили же на самом деле эти люди, которых я знал, и совершали поступки, которые я видел, и думали думы, о которых я догадывался, но вот они уже ушли из жизни, а я еще тут. Им жить во мне, со мной. Без меня их не будет. А с книгой они останутся.

Памяти 9-й квартиры, памяти ее жильцов, памяти родителей, памяти самого себя, тогдашнего
эта книга".

Писание в "стол" породило... не знаю, как выразиться... Наверно, новый жанр.

Внешне он чем-то сходен с романом-эпопеей XIX века. Функцию главного героя исполняет некий наблюдатель-"размышлятель", конечно, важное действующее лицо, но одновременно и главнее всего — прибор для авторского "видения мира". А рядом с ним на страницах бесчисленное множество равнозначных ему персонажей, и каждый из них важен так, как важна партия голоса не в опере, а в хоре, каждый равен каждому, но отличен от него. Отличие от традици-

онного романа-эпопеи, пожалуй, в том, что в "потанном жанре" невиданная, невероятная плотность, насыщенность характеров и поступков на каждую строку текста: "Война и мир" в этом (и только в этом) отношении начала казаться почти традиционной, почти тургеневской прозой. Нынешних пяти страниц хватило бы старым прозаикам на длинный сюжет, на расписанные "психологические" диалоги, для расписанных пейзажей и интерьеров... Но писателям, которые "хранили память" хотелось в исписанные страницы втиснуть как можно больше информации, хотелось рассказывать, не экономя материал для будущего: Бог знает, будет ли оно у писателя, будущее, дотянет ли он до следующей книги. Успеть бы сейчас сказать все, что нужно.

Сначала обилие персонажей, конфликтов, характеров нас поражало. Потом показалось, что такова индивидуальная манера Солженицына. Потом... потом появились новые потанные книги, и выяснилось, что условия литературного подполья создали новые формы новой прозы.

В романе Феликса Канделя "Коридор" 252 страницы и... двести персонажей. У каждого своя судьба, подробно прослеженная в романе, свой характер, своя манера говорить. В это трудно поверить, пока не прочитаешь, но это — так.

Часть первая. Коммунальная квартира довоенных годов, та самая, девятая. На восемь комнат — семь семейств, шестнадцать взрослых, пять детей. Плюс няня одного из героев, плюс гости. А в конце книги, спустя 30 лет, упоминается: "В квартире тихо, народу осталось мало... восемь человек... все пожилые, все с хворобами". Восемь человек на восемь комнат, вроде бы стало нормально.

Это значило, что две трети жильцов должны были выехать, чтобы в коммуналке смогли начать жизнь по нормальным коммунальным нормам.

Казалось бы, в таком муравейнике должны — по логике — вырастать несчастные, ущемленные своей бедностью люди. Ведь муж с женой не могли в молодые годы лечь в постель без гостей в комнате, без детей или родителей, спящих тут же, у противоположной стенки...

Это по логике. Но Кандель изображает коллектив прила-

дившихся друг к другу личностей. Они научились довольствоваться малым, жертвовать своими удобствами, своим счастьем для окружающих, для близких. Конечно, этот микроскоп состоял из разных людей — как из разных людей составлялась тогда Россия. Жил в ней свой доносчик, подписывавшийся "Рядовой труженик", был свой "партократ", служивший в наркомате внешней торговли, своя верующая (бывшая монашка) и рабочий, и служащий в банке, и бывшая дворянка, записывавшая на ломкий листочек стихи, и крестьянка, бросившая на родине детей и бежавшая от голода в город... Были склоки, и ссоры, и помощь, и сочувствие — возник особый теплый мир, микрообщина. Легко думать издали, что так жить нельзя, а прочитаешь роман и начинаешь чувствовать, что имелись в этом коммунальном мире специфические достоинства: соседского ребенка всегда работяги подкормят деревенской тюрей — "мурцовкой", и сказку кто-то расскажет и кто-то кого-то до полочки деньгами выручит... Росли там ребята упрямые, крепкие, привыкшие считаться с окружающими и уважать соседа по нутру его — не по деньгам или положению. Когда пришли забирать в 37-м... кого? конечно же, "начальников" из Внешторга, Кукиных, то хоть не любили их в квартире, а вышли почти что все проститься: "Кивнул Кукин головой, жена кивнула — все в ответ закивали. А кошка Машка уж на что не любила Кукину — та ей никогда обглоданной косточки не бросит, — а тут подняла хвост вверх, независимо прошла мимо штатского, об ногу Кукиной потерлась". Вот так люди жили...

Потом — школа. Полный класс описан. От первой до последней парты. Хулиганы из послевоенной шпаны, отличники-"гогочки", чудачки и "активисты", но самое главное — коллектив, то групповое бытие, которое каждый, переживший его, хорошо помнит. Это групповое существование давало особый смысл личности, сумевшей в него вписаться, и опять-таки формировало отнюдь не моральных уроков и умственно отсталых придурков, неких "гомо советикус", а парней выносливых, работящих и чаще всего честных и мужественных. Кандель помнит все: дворовый футбол, где "три корнера-пенальти", и па-де-катр взамен запрещенного танго,

и викторины ("У какого русского классика три произведения начинаются с буквы "О"), и очереди к празднику за мукой... Ничего он не идеализирует, помнит, как классная руководительница обманула класс (...«если бы она преподавала геометрию, ее аксиомам с того дня не поверил бы ни один человек, и неизвестно, как бы они доказывали теоремы»), не забыл пионервожатую, которая "тимуровцев" — малолетних опекунов солдатских семейств — использовала для себя, посылая их поколоть дрова и помочь... своей матери. Но, напоминает он, — главное: знали московские ребята — нельзя выдавать товарища начальству, а если кто поступил совсем против совести, без учителей обходились — заведут на площадку позади школы и сами надают подлещу по морде! Знали — нельзя уступать шпане, хулиганью, надо уметь себя защищать против силы — даже превосходящей. Знали, что самое интересное на свете — возиться со схемами: "Надвигается век электроники". Было в этом мире голодно, картошки, и той не хватало, но не возникало в нем отчужденности, одиночества и отъединенности от общества. По своему был этот вполне советский мир теплым, нравственным и работающим. Отсюда и шла сила тогдашней России.

А потом вчерашних школьников вытолкнули в работу, "в люди". И столкнулись они с той социальной действительностью, которая как раз тогда сформировалась, созрела, избавившись начисто от "родимых пятен прошлого", включая унаследованный от прошлого и не враз растраченный энтузиазм и идеализм. Не ГУЛАГом только была страшна эта система — в конце концов ГУЛАГ справедливо сравнивали с раковой опухолью на теле общества, то есть все-таки с болезнью его, а общество, в которое попали вчерашние мальчики, болело не только в местах канцерных скоплений. Несколько персонажей попали, например, в систему НИИ, которую безыскусно, но поэтому-то так выразительно описал в документальной повести "Западня" один из ее китов — А.Федосеев. Ф.Кандель живописует ее же с другой точки, чем экс-главный конструктор Федосеев, живописует в проекции от стола рядового инженера: "Когда-то была маленькая группа, теперь солидный отдел. Сегодня создайте на пустом месте

организацию — завтра она уже не будет справляться с работой и оттого неумолимо начнет расширяться"... Вот шеф молодых инженеров: "Никогда никому не обещаю. Обещал — не выписывай. Выписал — не подписывай. Подписал — откажись". Только так. При каждом аврале бежит начальник к директору, кричит, что не справляется, что работы невпроворот, просит добавить инженеров. Вот и сидят у него инженеры плотными рядами — плечо к плечу — вносят в чертежи незначительные изменения, скоблят кальку бритвочками, заливают потертое место эмалитом, чтоб не расплылась тушь... Прихожу на работу, а она горит! Мечта!"

Появляются новые персонажи из этого странного мира призрачных ценностей. Вот некто Стяпан Стяпанович, бывавший повсюду, от ДОСАРМа до спортклуба, потом пошел на "курсы усовершенствования, чего — неважно, главное, на курсы, а после курсов он уже усовершенствованный и два стола ему мало. Дали ему пять столов... Дождался и разнарядки в академию. Хорошего работника жалко от дела отрывать, а его — пожалуйста". Стал замзавом! Но не только бюрократические паразиты обволакивают мир, где работают персонажи "Коридора". Вот вам вполне симпатичная Манюня, славная девушка из вечно голодной, вечно пьющей, вечно нищей семьи: "широкая натура, не умеет отказывать. Только угости, только подари, а нет ничего — приласкай... На заочное много поступило, так она у тех списывает, на троечку сдает. Когда с первого захода, когда с третьего. Знаний не было, нет и никогда не будет, но инженером станет, если, конечно, институт не бросит. Она не бросит. Она не дура".

Так вот и сидят: талантливый парень, с детства мудривший над схемами, чувствующий каждую линию на любом чертеже, мечтающий, чтобы: "прихожу на работу, а она горит" — и рядом Стяпан Стяпанович с милой Манюней — на равных.

...Все-таки я завидую прозаикам — прежде всего их возможностям в невероятно концентрированном виде отражать главное в жизни. Ведь им ничего не надо доказывать, обосновывать системой доказательств: видят и пишут, что знают, а там уж дело таланта, дело Божье, — поверят или нет. Как, например, доказывать не то что людям Запада, а нашим зем-

лякам, сидевшим в зонах, что почти никто не интересовался (и, увы, не интересуется), ГУЛАГом? Это не укладывается в обычном человеческом мозгу, ведь сидели десятки миллионов, — как мог этот грандиозный мир не переворачивать всех тех, кто остался на так называемой воле? Кандель рассказал, как это могло быть... Живут в его квартире хорошие, работающие люди, заботятся о своих семьях, о детях, о соседских детях тоже, но нет у них, не оставила жизнь никаких сил, а главное — возможностей хоть что-то сделать в жизни, помимо вот этого самого важного дела — сохранения семьи. И они не думают ни о посаженных соседях Кукиных, ни о голодающих в деревне родственниках няньки Хоботковых — дай Бог, своих детей вырастить, людьми сделать. Так они устроены, жители "коридора", что — хорошие в большинстве своем люди — не желают знать того, в чем не могут участвовать активно, — общественной жизни, борьбы, мировых дел.

Почему в начале статьи я говорил о советологах?

Часто даже знающие, умные, информированные среди них теряют в своих расчетах тот жизненный коэффициент, на который следует умножать информацию, прежде чем получать результаты. Вернее, не теряют, а подставляют вместо него западный коэффициент — оттого и выводы выглядят неверными. Это касается не только западных исследователей, но и наших земляков, подвизающихся в советологии. Один из них, умный, способный литератор, вдруг недавно заявил (в израильской, правда, печати), что советской провинции грозит голод, да он уже и начался! — и как следствие скоро в Союзе будут... еврейские погромы. Пусть он перечитает "Коридор" (или многое другое, хоть городскую прозу покойного Семина, например) и поймет: то, что кажется ему (и современным информаторам) голодом, было естественным состоянием большинства русского, более того, даже московского населения на протяжении десятков лет.

Другой советолог, экономист, замечает, что советскому хозяйству грозит кризис из-за того, что в 80-е годы мало народу придет в народное хозяйство ("эхо войны") и вроде бы толково рассуждает, да вот почитаешь "Коридор" и задумаешься: ведь если верить Канделю, этот "приход" людей в на-

родное хозяйство, говоря по-народному, "фуфло" — ведь это должности напридумывали начальники, чтоб запихнуть подчиненных на рабочие места, а не придет никто — так и без новых людей более чем достаточно народишку на местах планы туфтовые выполнять.

Третий, тоже экономист и умница, предсказывает нам крушение советской экономики из-за перепроизводства денег и необходимости для начальства изъять эти деньги из народных карманов. Ох, думает читатель Канделя, да ведь деньги не поровну в народных карманах распределяются, ведь они पहले всего в карманах начальства и его услуги лежат, и тот, кто попытается это сделать, тот восстановит против себя всех обладателей денег — "аппарат" и его придатки. И прикиды-ваешь по персонажам из прозы, — кто бы такое геройство мог сотворить? И не находишь. Разве что вдруг вынырнет любитель хрущевских экспериментов конца 1964 года...

Но книги, наподобие "Коридора", дают миру самый важный ответ: почему советская система обречена, даже если не отберут деньги у населения, если не упадет производство в 80-е годы, если не будет ни голода, ни погромов, ни всех тех ужасов, которые уверенно предсказывают специалисты, но которых не чувствуют художники, пишущие "в стол", для потомков, для России.

В "Коридоре" советолог найдет, например, ответ, почему из СССР уходят, убегают, вырываются самые "благополучные люди", которым вроде бы "все дали" и которые любят Россию, как любили ее Ростропович, Федосеев, как любит ее тот же Кандель... Этого не докажешь логически, это не вычислишь по данным ЦСУ, это чувствуется художниками слова и кисти, музыки и резца: в стране пахло умиранием. И живое, повинувшись инстинкту жизни, покидает Родину — как звери оставляют свои норы накануне землетрясения.

Эта страна умела губить лучших своих сыновей — и выращивать вместо них новых и новых, может быть, еще более талантливых, и губить этих тоже, и растить новых. Она умела разрушать и строить, воевать и вести политику... Но людям, которых она вырастила, выпестовала над могилами их предшественников, она не смогла ничего предложить, кроме медленной смерти.

Вот финал "сквозного героя" романа "Коридор" Кости Хоботкова:

"Жизнь у меня неплохая. Неплохая у меня жизнь. Не так хорошо, как бы хотелось, и не так плохо, как кажется.

Куда поставят — там стою.

Куда пошлют — туда иду.

Куда не надо — туда не лезу.

Куда надо — туда тоже не лезу, потому что "куда надо" с завтрашнего дня может стать "куда не надо"...

День прошел — и ладно.

Ладно?

Мы-то, мы-то... В наши молодые тридцать шесть! Не поставшись даже. Не попытавшись. Не шелохнувшись хоть для видимости. Мы не тщеславны. Мы не любопытны. Больше того, мы рассудочны.

— Дорогой, — утешаем друг друга, — а что делать? Время нынче такое. Надо переждать.

Вот мы и ждем. Но время не переждешь. Оно не по нашим срокам. Нам отмерено, ему — нет. Вот нам уже по пояс, по горло, по уши, а время идет себе да идет. Оно не торопится. У него в запасе вечность. И вот нам уже по макушку, и вот о нас уже говорят:

— Чуть-чуть не дотянул. Бедняга!

Вот я уже на вершине, но я не ощутил подъема.

Вот уже достиг потолка, но я не оторвался от пола.

Вот я уже в расцвете сил, но как их измерить?

Вот я уже счастливый, но с чем сравнить мое счастье?

Вот я уже все видел, но многое ли попадалось мне на глаза?

Вот у меня уже опыт, но я его не ощущаю.

Вот я уже все знаю, но я не знаю ничего.

Вот у меня уже есть все, но у меня нет ничего.

Вот я уже умер, но я еще не жил".

Когда я читаю эти строки, мне вспоминаются безвременно умершие Трифионов, Бахтин, Высоцкий, Семин... И бесслав-

но погибшие поэтические кумиры нашей молодости тоже — хоть они живы.

Люди бегут из России, потому что там их подстерегает призрак смерти. Или борются со смертью — привилегированные академики, премированные писатели, популярные на всю страну журналисты, ибо трудно казне купить душу человека, который вдруг осознал, что в обмен на привилегии его хотят медленно убить. "Ты, предыдущий, передаешь свое беспокойство последующему. Ты кредитуешь его в бессознательной надежде, что и он передаст по цепочке дальше. А если кто-то не передает, рвется одна маленькая жилка в канате, на котором висим мы. Мы все. И не спасут тебя ни дела, ни служебные заслуги, которые тоже имеют значение, но значение второстепенное, а спасет одно лишь неуловимое состояние радостного беспокойства, передаваемое дальше. Пока бьет в тебе родничок, ты бессмертен. Заглох, затянуло песком, нет его — начинай потихоньку готовиться к смерти. Загодя, задолго, неминуемо... Еще впереди долгие годы, еще впереди — жизнь, но процесс начался, процесс уже идет".

Но родничок жизни еще никому не удавалось заглушить. В этом надежда России на спасение от глухой советской смерти.

"если бы человек, властитель мира, умнейшее из дыхательных существ, происходил от глупой и невежественной обезьяны, то у него был бы хвост и дикий голос. Если бы мы происходили от обезьян, то нас теперь водили бы по городам цыганы на показ... Если бы наши прародители происходили от обезьян, то их не похоронили бы на христианском кладбище..."

А.Чехов. Письмо к ученому соседу

Лев РУДКЕВИЧ

НЕ ХОЧУ БАБУШКУ ОБЕЗЬЯНУ

К 100-летию со дня смерти

Чарльза Роберта Дарвина (1809-1882)

Сто лет назад в местечке Даун графства Кент на 73-м году жизни в кругу своей семьи скончался от сердечного приступа Чарльз Роберт Дарвин.

Это был очень мягкий и скромный, чрезвычайно слабый и болезненный человек. Последние сорок лет жизни Дарвин почти безвыездно прожил в своем небольшом поместье, в глуши английской провинции. Его жизнь, тихая и патриархальная, подошла бы скорее поэту или художнику-романтику, а не великому ученому.

Странности сопутствуют таланту. Но даже для гения Дарвин был слишком странным человеком.

Он был, возможно, самой популярной фигурой своего времени. Его главный труд "Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь" признавали самым выдающимся произведением науки XIX века; имя его при жизни еще ставилось в один ряд с Галилеем, Ньютоном, Коперником, а те-

перь ставится также в один ряд с Эйнштейном. Но сам Дарвин при этом никогда не стремился к славе. Он очень редко выступал с публичными лекциями, не имел никаких научных степеней — даже не был ни доктором, ни профессором.

Дарвин разрешил "тайну из тайн", выявил фундаментальнейшие законы окружающей нас живой природы. В то же время он был чувствительным даже к самой слабой критике и всегда сомневался в истинности и правильности своих собственных построений.

Наконец, Дарвин создал теорию, изумительную по красоте и образцовую по логике научного изложения. Однако сам он совершенно искренне полагал, что только счастливый случай помог ему, человеку с самыми средними умственными способностями, стать известным.

1

Дарвиновская теория естественного отбора была создана в конце 50-х годов прошлого века. За прошедшие 120 лет она переживала периоды взлетов и падений, встречала на своем пути и восторженных почитателей, и яростных оппонентов. Каково же положение с признанием этой теории в наши дни?

Именно этот вопрос задал мне гостивший недавно в Вене мой старый друг Кронид Любарский, по специальности астрофизик.

— Слышал ли ты когда-нибудь об обществе сторонников идеи плоской земли? — ответил я вопросом на вопрос.

— Да, эти чудаки живут в Лондоне, но общество, кажется, не насчитывает и ста человек.

— А теперь представь себе, что при всем современном уровне развития астрономии, при всех оснащенных по последнему слову техники обсерваториях и радиообсерваториях, при теоретических разработках космогонических теорий и при полетах в космос и на Луну половина или даже большая часть населения цивилизованных стран — единомышленники членов этого дурацкого общества, то есть все они продолжают ду-

мать, что земля плоская, а небо — твердый купол, к которому прикреплены сияющие звезды.

Представить себе этого мой собеседник, разумеется, не смог. Но ведь мое сравнение астрономии и биологии не было чисто риторическим: недавно проведенный социологический опрос в США показал, что половина населения (!) не верит ни в эволюцию, ни в животное происхождение человека.

Соотносим ли этот негативизм с реальным состоянием эволюционного учения?

К сожалению, у меня нет места осветить даже ключевые пункты теории Дарвина; напомним только, что основа его учения — естественный отбор, то есть выживание в борьбе за существование наиболее приспособленных, обладающих от природы какими-то лучшими качествами, которые передаются по наследству. Усиление этих качеств (или, говоря современным языком, признаков с положительной селективной ценностью) из поколения в поколение за счет избирательной выживаемости и большей плодовитости их носителей и становится основой образования нового вида.

Однако во времена Дарвина его учение имело много слабых мест. По сути дела, оно оставалось очень вероятной, но еще гипотезой, подкрепленной разнообразными, но косвенными данными.

Первым против теории эволюции с вполне научными аргументами выступил английский инженер Дженкин. Рассуждал он примерно так: жирафу тем легче прокормиться, чем у него длиннее шея. Но где гарантия, что этот признак повторится у потомства? Вряд ли жираф будет выискивать такого же длиннеего супруга — гораздо вероятнее, что ему придется встретиться с нормальным короткошеим. А так как при скрещивании крайних вариантов происходит смешение признаков, у потомства шея будет средней длины — признак растворится. В то время попытки биологов объяснить "дженкинские кошмары" оказались безуспешными. Самого же Дарвина они мучили всю его жизнь.

2

Помочь избавиться от "дженкинских кошмаров" могла только генетика. Основные ее законы — законы Менделя — были опубликованы еще в 1866 г. Однако ни Дарвин, ни его сторонники, ни Дженкин на работы Менделя никакого внимания не обратили. Более того, Дарвин описал первый закон Менделя — закон доминирования, но не придавал значения собственному открытию. Только на рубеже веков законы Менделя были вновь "переоткрыты". Казалось бы, теперь теория эволюции могла восторжествовать, так как основное возражение о смешении и нивелировании полезных признаков при скрещивании было снято.

Однако произошло нечто прямо противоположное.

В 1903 г. появилась работа шведского биолога В.Иогансена "О наследовании в популяциях и чистых линиях". В течение шести-семи поколений ученый отбирал фасоль на вес и размер семян, высаживая семена с тех растений, где они были более крупными. В первых двух-трех поколениях размер семян увеличивался, а затем уже оставался неизменным. Вывод был веским, ибо основывался на чистом опыте: отбор бессилён создать что-то новое. Вскоре данные Иогансена были проверены на простейших, бактериях, гидре, насекомых, ракообразных и многих растениях.

Эти опыты нанесли теории естественного отбора сокрушительный удар. Казалось, что с дарвинизмом окончательно и бесповоротно покончено. Точное учение о наследственности противопоставили "спекуляциям в области эволюционного учения" как "пережитку романтической эпохи парусных кораблей и веры в чудесную силу естественного отбора" (Бэтсон, 1914). Кризис продолжался вплоть до 20-х годов нашего века; большинство ученых, поддавшись всеобщему увлечению, сошло с дарвиновских позиций; ряды сторонников Дарвина не пополнялись и были представлены только "старыми могиками", "живыми ископаемыми".

Выход эволюционной теории из кризиса был связан с новыми успехами генетики. В 20-30-е годы были описаны мно-

гочисленные случаи мутаций (спонтанных наследственных изменений) в природе, проведены эксперименты по борьбе за существование и естественному отбору, возникла новая отрасль науки — генетика популяций, изучающая микроэволюцию — наблюдаемые шаги эволюционного процесса, были разработаны экологические основы естественного отбора. На основе синтеза смежных наук возникла синтетическая теория эволюции. Центр тяжести исследований переместился из области описательной в область объяснительную, из сферы наблюдений в сферу опыта. В своем втором рождении теория Дарвина приобрела столь недостававшие ей ранее объективность и эмпиризм.

Если эволюционист прошлого века, разложив на своем письменном столе раковины ископаемых моллюсков или другие окаменелости, откидывался на спинку кресла, закурил сигару и начинал рассуждать сам с собой о том, как и почему у изучаемых животных сотни миллионов лет назад происходило уменьшение числа позвонков или закручивание раковин, то современный эволюционист идет в мастерскую природы: в поле, в лес, на озеро. Он планирует и ставит эксперименты, собирает и обобщает данные наблюдений над живой природой, обрабатывает данные математически, исследует, прогнозирует и т.д.

Фактов об эволюции под действием естественного отбора накопилось уже великое множество. Обзор их всех потребовал бы издания многотомного труда. Хрестоматийными стали следующие примеры: индустриальный меланизм у бабочек — в местах, где от копоти расположенных поблизости фабрик гибнут лишайники и обнажается темная кора деревьев, крылья бабочек, садящихся на стволы, становятся темнее; возникновение рас насекомых и грызунов, устойчивых к ядохимикатам. Такие собранные в природе факты подтверждают правильность дарвиновских представлений куда ярче и полнее, чем все данные палеонтологии, сравнительной морфологии и эмбриологии. Возражать теории, которая опирается не на спекуляции, а на фактический материал, стало весьма трудно.

В конце XIX — начале XX в. существовало множество других, недарвиновских теорий эволюции: различные направления ламаркизма (теория передачи по наследству благоприобретенных признаков), мутационизм, финализм, ортогенез и многие другие. С оформлением синтетической теории эволюции все они лишились своей основы и скоро совсем зачахли.

3

Синтетическая теория эволюции ответила на самые трудные вопросы и сняла самые кардинальные возражения теории естественного отбора. Тем не менее, критические выступления против нее продолжались и продолжают по сей день.

Остановимся на основных возражениях.

— Отбор, — говорят некоторые критики, — еще не есть эволюция. Просеивая гальку через решето, можно отделить более крупные камешки от более мелких, но нельзя принципиально создать чего-либо нового.

Такой аргумент "работал" только до создания синтетической теории эволюции, т.е. когда теория базировалась на эволюции организма. Сейчас в основе теории — популяция. Под популяцией мы понимаем совокупность полностью или относительно изолированных от других особей того же вида. Эволюционирует не отдельный индивид, и не целый вид, а популяция. При изменении условий среды возникают новые сочетания единиц наследственности — генов, а старые, не отвечающие новым требованиям, элиминируются. Такие переходы представляют собою элементарные шаги эволюции.

Так же, как при разных условиях горения водорода получается либо вода, либо перекись водорода — вещества, состоящие из одних и тех же элементов, но имеющие различное строение и свойства, — точно так же в разных условиях среды одни и те же гены могут давать в сочетаниях популяции, отличные друг от друга и безусловно новые. То есть творческая роль естественного отбора заключается в формировании нового генофонда популяции.

Часто противники эволюционной теории приводят следующую аналогию: обезьяна, бестолково стучащая по клавишам пишущей машинки, никогда не создаст произведения искусства (современные художники, писатели и поэты-нонконформисты, разумеется, в счет здесь не принимаются). Каким же образом случайная комбинация единиц наследственности может привести к созданию тех совершеннейших и сложнейших форм, которые населяют землю? Оправдана ли подобная аналогия? По крайней мере, если продолжить ее, нужно внести в пример с обезьяной ряд поправок: 1) на пишущей машинке только четыре клавиши, в соответствии с четырьмя основными азотистыми основаниями в молекуле ДНК (текст в этом случае будет напоминать шифр); 2) обезьяне не вменяется в обязанность соблюдение правил грамматики; 3) сюжет романа не должен разворачиваться от начала к концу — фразы могут быть как угодно перетасованы; 4) от обезьяны не требуют создания высокого искусства — в том, что она сделает, должен быть лишь заключен какой-нибудь смысл.

Человек, немного знакомый с прикладной математикой, сразу скажет, что при этих условиях у обезьяны куда больший шанс что-нибудь создать.

Но наследственная структура живой системы не создается единовременно из случайной комбинации элементов. У современных растений и животных она прошла уже путь эволюции в миллиарды лет! Вещество наследственности передается из поколения в поколение лишь с некоторыми изменениями, которые, по Дарвину, и обуславливают эволюцию.

И здесь возникает второе возражение: если эти изменения случайны, как учил Дарвин и как считают его последователи, могут ли они быть целесообразными? Каким же образом случайные изменения элементов структуры сложнейшей системы могут ее усовершенствовать, а не испортить? Если мы возьмем, скажем, телевизор, который устроен несоизмеримо проще, чем любое живое существо, и начнем наугад что-нибудь в нем подкручивать, подвинчивать, мы навряд ли добьемся улучшения качества изображения. Эта мысль подтверждается

и фактами: большинство мутаций — спонтанных изменений на следственности живой системы — безусловно вредны для нее.

Подобные рассуждения логичны только с первого взгляда. Мы знаем немало примеров того, что именно случай помогал изобретателю создать что-то новое; так, случайно разбитая графитная пластинка улучшила передачу звука — и был создан микрофон, а из случайно обломившегося архимедова винта "произошел" винт современного парохода. Но, кроме того, мутации не так уж и случайны. Мутации зависят от структуры аппарата наследственности, а сам этот аппарат изменяется в процессе эволюции. Поэтому, хотя мутации и случайны, то есть незапланированы, они в то же время закономерны, так как в большей или меньшей степени соответствуют структуре наследственности, а следовательно, и всей структуре организма. Вот почему нельзя предположить такую мутацию, от которой у кошки вырастут рога, папоротник зацветет, а щука заговорит человеческим голосом.

Эволюция — это непрограммированный процесс, род стратегической игры популяции со средой. Однако игра эта не без правил.

4

Теперь, кажется, пора подойти к самому трудному с психологической точки зрения вопросу — о происхождении человека.

В науке есть проблемы и есть псевдопроблемы. Одна из таких типичнейших псевдопроблем, как мне представляется, — происхождение человека от обезьяны. Чтобы уяснить себе это, обратимся к положению человека в системе зоологической систематики:

царство — животные
тип — хордовые
подтип — позвоночные
класс — млекопитающие

отряд — приматы
 подотряд — обезьяны
 семейство — люди
 род — человек
 вид — человек разумный.

Из таблицы видно, что человека и других обезьян объединяют одни и те же группы классификации — отряд приматов и подотряд обезьян. Выдающийся ученый и блестящий популяризатор науки Десмонд Моррис идет еще дальше. Он считает, что в человеке так много обезьяньего, что он вообще не вправе называть себя человеком. С научной точки зрения, по мнению Морриса, его надо было бы называть "голой обезьяной".

Во всяком случае вопрос о происхождении человека от обезьяны лишен логики. Мы можем говорить об эволюции человека в группе обезьян, или внутри группы обезьян; говорить же о происхождении человека от обезьяны столь же логически бессмысленно, сколь бессмысленно говорить о происхождении кошки от кошачьих, а собаки от псовых.

О родстве с обезьяной свидетельствует и строение тела человека, и структура его психики, и останки ископаемого предка, количество которых превышает уже две тысячи.

Последние, на мой взгляд, самые значительные открытия были связаны с молекулярной антропологией — областью, развивающейся наиболее интенсивно в последние десять-пятнадцать лет. Я уже отмечал, что структура ДНК — материала наследственности — сама претерпевает изменения в процессе эволюции. Вслед за ней изменяется и молекулярная структура белков. Чем ближе организмы стоят друг к другу — тем более сходна структура их белков. Например, у идентичных близнецов и белки идентичны. Поэтому от одного близнеца к другому можно пересаживать участки кожи и даже целые органы — отторжения не произойдет. У неидентичных близнецов белки сходны по строению, но уже несколько отличны, у двоюродных братьев и сестер еще менее сходны и т.д. Степень сходства белков можно установить иммунологическим методом. Так устанавливается и степень родства, и не толь-

ко между представителями одного и того же вида, но и между различными группами животных. Эти данные вполне объективны, то есть они дают одинаковые результаты в руках разных исследователей, независимые от теоретической установки. Пользуясь этим методом, Винсент М.Сарич из Калифорнийского университета показал, что расстояние, отделяющее человека от африканских человекообразных обезьян, примерно такое же близкое, как между лошадью и зеброй, и ближе, чем между собакой и лисицей. Особой сенсации открытия эти, однако, не вызвали. Вот если бы М.Сарич показал, что расстояние, отделяющее человека от человекообразных обезьян достаточно далеко, о нем бы говорили и писали куда больше; а если бы ему вообще удалось показать, что в структуре белка обезьяны и человека мало общего — данные стали бы сенсацией века!

Еще один пример предвзятости: форма одного зуба — нижнего первого премоляра современного человека — приводилась как доказательство того, что человек никогда в своем развитии не проходил через обезьяноподобную стадию, так как у обезьян зуба такой формы нет. Сторонники этой теории еще в 70-е годы нашего века писали о том, что предки человека отделились от других приматов по крайней мере 35 миллионов лет назад, а не 4 миллиона лет назад, как считают другие антропологи. И только в последние годы были обнаружены остатки гоминид возрастом около 3,7 миллиона лет с обезьяньими признаками в строении этого зуба. Новая находка опрокинула несостоятельную теорию. Но напрашивается вопрос: отчего подобная теория вообще возникла? Неужели допустимо создавать столь важные теоретические построения на основе анатомии одного-единственного зуба?

Между прочим, противники Дарвина часто указывают на него как на автора теории происхождения человека от обезьяны, что лишний раз свидетельствует об их невежестве. В своей основной книге "Происхождение видов путем естественного отбора", напечатанной в 1858 г., Дарвин вопрос этот обошел. Первую книгу, в которой теория естественного отбора распространялась на человека, опубликовал английский

геолог Лайель в 1859 г. и сразу за ним Томас Хаксли.* Только в 1871 году вышла в свет книга Дарвина "Происхождение человека и половой отбор", где открыто провозглашается факт эволюции человека от обезьяны.

5

Доморощенный философ В.П.Тростников, на творениях которого я еще останавлиюсь, называет дарвинизм "атеистической псевдонаучной концепцией". По поводу научности теории эволюции** я уже писал, этому посвящена фактически вся статья. А вот что можно сказать по поводу связи учения Дарвина с материализмом и атеизмом? Сам Дарвин, как известно, атеистом не был. Он учился в Кембридже на богословском факультете, а потом был церковным старостой в Дауне. Соавтор Дарвина по теории эволюции Альфред Рассел Уоллес (1823—1913) в конце жизни вообще оставил науку и занялся мистикой. Ведущим проповедником теории Дарвина в США был ботаник и видный американский религиозный деятель Аза Грей (1810-1888).

Чем теория эволюции противоречит религии? Тем, что утверждает принцип развития, в то время как в Библии сказано: "...сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся... и всякую птицу пернатую по роду ея..."? Но ведь там же сказано еще: "... сотворил Бог небо и землю". Если уж трактовать Библию номиналистически, то следует отметить не только эволюционное учение, но и астрономию, и

* В книгах на русском языке фамилию сэра Томаса Хаксли обычно транслитерируют — Г е к с л и, что создает путаницу, т.к. фамилии двух его внуков — основоположника синтетической теории эволюции Джулиана Хаксли и известного английского писателя, автора антиутопии "Прекрасный новый мир" Олдоса Хаксли — пишут Х а к с л и.

** Читатель, может быть, уже заметил, что я избегаю термина "дарвинизм", используя его только когда противопоставляю учение Дарвина другим теориям эволюции. Именем создателя принято называть не научные, а философские или богословские концепции: ницшеанство, платонизм, кальвинизм, марксизм-ленинизм и проч.

вернуться к представлениям о плоской земле и небесной тверди. Иначе значения смысла слов "сотворил Бог небо" понять нельзя, так как небо по современным представлениям есть не нечто, что можно сотворить, — это чисто условное понятие.

Создатели теории эволюции не были материалистами и атеистами, но из этого еще не следует, что материалисты, в частности марксисты, не использовали идей Дарвина в своих целях. Использовали-то они их безусловно! Но как?

Как основная контридея дарвинизму всегда противостоял ламаркизм — учение о передаче по наследству приобретенных признаков. Согласно основоположнику этого учения Жану-Батисту де Ламарку (1744—1829) шея жирафа вытянулась подобно тому, как увеличивается в объеме тренируемая мышца. Это добытое путем упражнений свойство передавалось потомству.

Ясно, что марксизму с его тезисом: "Бытие определяет сознание" и идеей воспитания нового человека ламарковская идея должна быть ближе дарвиновской, утверждающей примат наследственных факторов.

Первым среди марксистов проблемами эволюции занялся Ф.Энгельс. Его основная работа "Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека", несмотря на славословия Дарвину, носит явно ламаркистский характер.

Вторым был большой друг Советского Союза австрийский биолог Пауль Коммерер. Он уже не ограничивался теоретическими изысканиями и попытался экспериментально доказать ламарковскую идею о том, что признаки, приобретенные под влиянием внешней среды, могут передаваться потомству. Его опыты настолько пришлись по вкусу некоторым советским коллегам, что в Москве в Коммунистической академии было решено организовать для него специальную лабораторию. В 1926 г. Коммерер должен был переехать в Москву. Но тут разыгралась драма. В опыте была обнаружена грубая фальсификация. П.Коммерер не выдержал разоблачения и покончил с собой.

У Трофима Денисовича Лысенко уже не было надобности

фальсифицировать эксперименты. В ход пошли куда более надежные методы, которым обучил его старший друг и учитель, великий корифей советского языкознания И.В.Сталин. Объявив старую ламарковскую идею "советским творческим дарвинизмом", он по-сталински расправился с теми, кто еще проповедовал теорию эволюции дарвиновского толка.

Дарвинизм глубоко чужд марксизму и материализму не только идеологически, но и онтологически. Более всего противоречит он "ленинской теории отражения", так как постулирует адаптивное (то есть выгодное в данных условиях обитания), а не объективное значение сенсорно-перцептивных функций. Имя Дарвина и его теория в СССР признаны чисто номинально. На деле же теория эволюции находится там на полуполюгальном положении.

6

Я уже писал о том, что с оформлением синтетической теории эволюции ламаркизм и другие антидарвиновские направления фактически прекратили свое существование. Сейчас уже очень трудно представить себе настоящего ученого, который не стоял бы на дарвиновских позициях.

Из всего арсенала антидарвиновских теорий до нашего времени смогли удержаться только две.

Первая — креационизм с элементами дарвинизма. Поскольку отрицать эволюцию сейчас, когда ученые уже непосредственно ее наблюдают, бессмысленно, приверженцы креационизма (теории божественного творения) утверждают, что в акте творения были созданы некие прототипы, которые потом эволюционировали под действием внешней среды. Но если на поздних стадиях жизнь развивалась по биологическим законам, неясно, почему не могла она развиваться таким же образом на ранних этапах? Зачем уподоблять природу ленивой хозяйке, которая стряпает из готовых полуфабрикатов?

Сторонники другой теории считают, что эволюция происходит, но что движущая ее сила содержит в себе некое метафизическое начало. Если быть последовательным сторонником этой

теории, следует предположить, что и в возникновении крыс, устойчивых к яду варфарину, домашней мухи, устойчивой к ДДТ, микробов, устойчивых к антибиотикам, и сорняков, имитирующих по форме культурные растения, — рука творца. По сути своей, такая концепция пантеистична, а времена пантеизма уже давно и, кажется, безвозвратно прошли.

И тем не менее мы постоянно слышим о каких-то выступлениях против теории эволюции, нам попадаются на глаза статьи и даже целые монографии, направленные против Дарвина.

Что можно сказать об этих "критиках"? Только то, что их критические аргументы сами ниже всякой критики! Я просто удивляюсь, почему чеховское "Письмо к ученому соседу", отрывок из которого взят в качестве эпиграфа к этой статье, не появился в одном из антидарвиновских сборников? Меня упрекнули в преувеличении? Тогда возьмем хотя бы работы упомянутого уже Виктора Тростникова. К примеру, последнюю его статью "Размышления в Афинееве", напечатанную в 122-м номере "Граней" за этот год. "С точки зрения науки невозможно усмотреть никакой целесообразности в рогах большинства рогатых животных...", — пишет он. А поскольку главное положение биологической науки, по его мнению, состоит в том, что "природе не создает ничего нецелесообразного" (с.202), — "...стоит только предположить, что миром управляет Великий Замысел..." (с.207). Оба положения В.Тростникова — и о целесообразности рогов и о господстве целесообразности в природе — плод его досужего вымысла!

Почти у каждого животного и растения можно найти неадаптивные, или, по терминологии Тростникова, "нецелесообразные" приспособления, и это ни в коей мере не противоречит теории эволюции. Более того, такие приспособления — материал для эволюции последующей. Типичный пример — подбородок современного человека. У других обезьян его нет. Появился подбородок в процессе эволюции лицевого черепа вследствие неравной скорости регрессии различных частей нижней челюсти. У человека есть и другие бесполезные при-

наки, например мочка уха, не говоря уже о многочисленных рудиментах, таких как ушная раковина, зуб мудрости, третье веко.

Теперь по поводу рогов. Тростников пишет, что ученые, не будучи в состоянии объяснить самое существование и форму рогов большинства животных, "предпочитают не говорить на эту тему" (с.202). Сам же он при этом пишет, что "у них (ученых, — Л.Р.) есть теории, которые все объясняют, есть монографии и учебники, где все систематизировано, есть реферативные журналы, где можно найти любую цитату и ссылку" (с.199). Коль скоро он это знает, отчего же ему было не заглянуть в картотеку, реферативный журнал, или хотя бы в любой учебник теории эволюции? Если бы он это сделал, то вряд ли бы написал о том, что ученые "предпочитают не говорить на эту тему", так как значение рогов описано буквально в каждом учебнике.

Первым о роли рогов писал французский ученый, основоположник палеонтологии Жорж Кювье (1769—1832), который, между прочим, стоял на антиэволюционистских позициях. Занимались этим и Дарвин, и В.Ковалевский, и многие другие.

Сводку современных представлений по данному вопросу и теоретическое их обоснование можно найти в хорошей и объемной статье В.Гейста "Эволюция рогоподобных органов", напечатанной в 27-м номере журнала "Бехейвиор" (поведение) за 1966 г.

Далее, опровергая дарвинизм, Тростников уже не стесняется прибегать к откровенным фальсификациям. Он приводит такие примеры "нецелесообразности" в природе, как "изысканная расцветка многих зверей, лишенных цветного зрения... и не выполняющие никаких функций огромные ложные цветки у некоторых голосеменных растений..." (с.207). Почему бы в таком случае не привести в пример еще и кентавра, дракона и василиска? С терминологией у Тростникова тоже не все благополучно: гомологичные ряды он путает с гомологичными органами; эпигенез смешивает с телеологией; механициста Т.Дриша связывает с теорией номогенеза и т.д.

Замечу, что прочие "размышления" В.Н.Тростникова по поводу физиологии, астрономии, психоанализа, западной демократии и всех остальных вопросов, которых он касается, на том же уровне. Досадно, однако, что серьезные журналы и издательства подчас становятся рупором самоуверенного и воинствующего невежества.

7

Общая черта критики теории эволюции в последние годы — ее совершенная ненаучность. Несомненно, за всю историю развития этой науки наиболее сильной критикой были возражения Дженкина. Но с тех пор прошло уже 120 лет, теперь они устарели.

Все дальнейшее развитие, все значительные достижения биологии только подтверждали правильность дарвиновских идей. Научные аргументы против теории эволюции либо были неверны методически (как выводы Иогансена), либо же были сфальсифицированы (как эксперименты П.Коммерера). В наши дни теория естественного отбора стоит на несравненно более прочном фундаменте, чем когда-либо ранее; изобретательности ученых уже не хватает на то, чтобы создать какой-нибудь неопсихоламаркизм, номогенетический сегрегационизм или другую новую антидарвиновскую концепцию.

Этим только и можно объяснить, что в последние годы неожиданно появился вытасченный из нафталина креационизм — теория божественного сотворения. Однако позиции креационизма чрезвычайно шатки: ему противоречат не только данные палеонтологии, но прежде всего **наблюдаемые феномены эволюции**.

Последней, возможно, наиболее значительной публикацией за последние годы против теории Дарвина была вышедшая в этом году книга английского геолога Френсиса Хитчинга "Шея жирафа, или в чем была ошибка Дарвина". Автор достаточно либерален, он не выступает против эволюции вообще, он только желает доказать, что теория Дарвина не может иногда чего-то объяснить. Аргументы же Хитчинга доволь-

но легковесны, а часто просто малограмотны. Просто диву даешься, что палеонтолог, автор нескольких книг, член Королевского института археологии и общества истории земли допускает в своих рассуждениях типичные школярские ошибки, как то: легкие развились из жабр или пресмыкающиеся произошли от земноводных.

Ф.Хитчинг, как и некоторые другие его единомышленники, сосредоточивает внимание на частных, еще не решенных проблемах. Правильен ли вообще подобный подход?

Снова вернемся к аналогии с астрономией. Эффект векового смещения перигелия Меркурия не объяснялся законом всемирного тяготения и противоречил ему. На этом основании, однако, астрономы не думали о возрождении представлений о трех китах и небесной тверди. Позднее теория относительности объяснила это противоречие. Аналогично и в физике: явления "ультрафиолетовой катастрофы" не отменило общую теорию излучения. Это явление было объяснено только при помощи квантовой теории Планка.

Но почему же малейшая неясность в эволюционной теории сразу приводит к воплям о том, что теория Дарвина устарела, что она ошибочна, что ее нужно заменить другой?

Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним период становления теории естественного отбора. Сэра Томаса Генри Хаксли (1825—1895) называли бульдогом Дарвина. Блестящий полемист и популяризатор, он был, несомненно, убежден в правильности дарвиновских идей куда более самого их создателя. "Каким дураком я был, что сам не додумался до этого", — сказал он после опубликования "Происхождения видов".

В историю науки вошел знаменитый спор Т.Хаксли с епископом Уилбелфорсом на заседании естественноисторической секции Британской ассоциации в Оксфорде в 1860 г. Спор этот окончился полным разгромом креационизма и стал переломным в отношении к теории эволюции. И после этого знаменитого спора Т.Хаксли постоянно выступал с пропагандой и популяризацией идей своего учителя, и зал Британ-

ского музея, вмещающий шестьсот человек, всегда был переполнен. Один из таких споров кончился комически; оппонент Хаксли, имя которого не сохранилось, исчерпав все возможные аргументы против, стал стучать по столу кулаком, крича: "Не хочу бабушку обезьяну".

8

Древние механизмы, унаследованные человеком от предков, еще глубоко сидят в его психике. Они стали предметом новой науки — этологии, которая изучает врожденные, наследственные формы поведения. К сравнительно-анатомическим, эмбриологическим, палеонтологическим, биогеографическим доказательствам животного происхождения человека прибавились доказательства этологические. Кроме того, используя сравнительный метод, то есть сравнивая поведение человека и других животных, этология смогла проникнуть в тайны человеческой психики куда глубже, чем до нее психоанализ.

В царстве животных действуют психологические механизмы биологической изоляции. Такие механизмы выработаны в процессе эволюции: они позволяют отличить своего от чужого, что является совершенно необходимой предпосылкой эволюции. Эти механизмы часто переходят во враждебность, агрессию к особям других видов. Вот почему, например, кошки воют с собаками. У человека этологические механизмы изоляции проявляются также, в частности, в нежелании своего родства с животными, стыдливом отворачивании от "бабушки обезьяны". Несомненно, если бы теорию эволюции смогли осмыслить зайцы-русаки, они тоже выдвинули бы массу своих, антиэволюционных концепций, ибо биологическое родство с зайцами-беляками оскорбляло бы их заячье достоинство.

Как ни парадоксально звучат мои рассуждения, неприятие теории животного происхождения Человека — одно из этологических доказательств в пользу этой же самой теории. В этом причина того, что любая антидарвиновская теория, как

бы нелепо она не выглядела, подхватывается с большим энтузиазмом (ведь дискуссировали одно время не в шутку, а всерьез о происхождении человека от инопланетян!).

Битва вокруг Дарвина в наши дни — типичный пример того, как обыденное сознание обратно влияет на науку. Если бы не таинственная привлекательность идеи о сотворении мира, с одной стороны, особенно о божественном происхождении человека, и отталкивания, вопреки данным науки и здравому смыслу, от идеи животного происхождения — с другой, теория естественного отбора уже давным-давно бы утвердилась как в науке, так и в сознании людей; никому бы и в голову не пришло ее опровергать или искать в ней несуществующие противоречия.

Еще одна причина живучести и популярности антиэволюционных идей — полная необразованность большинства в этой области. Хотя теорию Дарвина и преподают в школах, ее, как правило, не знают даже на школьном уровне. Мне не раз приходилось слышать вопросы вроде: "Если человек произошел от обезьяны, то почему в наши дни подобных превращений уже не происходит?" А ведь по уровню своей анекдотичности такой вопрос напоминает известную шутку, которую любят физики: "Если переменный ток движется по синусоиде, отчего же провода прямые?" И даже более того! Подобные высказывания свидетельствуют о незнании не только законов теории эволюции, но и самого ее предмета: эволюционируют все живущие на земле виды и все они изучаются эволюционистами. Человек не есть конечный результат эволюции живого. Обезьяна не стремится стать человеком, так же как репа в огороде не стремится стать орхидеей, а каракатица — лебедем.

Необразованность людей также одна из основных причин живучести утверждений вроде: "Дарвинизм устарел" или: "Ученые сейчас доказали, что человек не произошел от обезьяны". С таким же успехом в некой гипотетической стране, где никто не говорит по-русски и почти ничего о России не знает, можно посеять мысль, что русский язык уже умер, на нем давно никто не говорит и не пишет.

9

Теория эволюции занимает центральное положение в биологии. Это объединяющая концепция, всеобъемлющая теория, которая стремится объяснить всю сложность и многообразие явлений природы. Эволюция всегда была и остается центральной проблемой биологических исследований, она служит тем стержнем, вокруг которого строится вся биология и вся теория жизни. По сути дела теоретическое значение любых открытий в биологии и медицине измеряется только их вкладом в понимание явлений эволюции.

Тем более странно и непонятно, что не какая-либо частная концепция или идея, а основополагающая теория всей науки о жизни принимается далеко не всеми и постоянно подвергается нападкам и критике. В чем причина этого негативизма?

Вопреки утверждениям некоторых антропологов, эволюция человека не остановилась на стадии кроманьонца. Человек менялся во все времена; его развитие как вида продолжается и сегодня. Однако оно не равномерно. Подобно тому, как разные собаки в большей или меньшей степени напоминают своего предка — шакала, разные люди могут быть в большей или меньшей степени носителями древних примитивных черт. "Обезьяньих" черт у каждого человека намного больше, чем это ему представляется. Но выраженность их имеет индивидуальный характер, она зависит от "филетической дистанции", то есть от того расстояния, которое отделяет индивида от его дальнего предка. При этом нужно учесть, что современного человека от первобытного отличает не столько внешняя непохожесть, сколько различия в психике: чем выше организация животного, тем большую роль в его эволюции играет нервная система и поведение. Например, такие черты человека, как авторитарность мышления, консерватизм, косность и склонность к мистицизму, — суть древние, "первобытные" качества.

Общепринято, что прогресс научно-технический опережает прогресс биологический. Любая гнездовая птица может свить

гнездо, но далеко не каждый человек может вести сверхзвуковой самолет, овладеть аппаратом современной математики, воспринять современное искусство. Не все созданное человеком становится сразу всеобщим достоянием. Не может быть всеобщим достоянием и теория эволюции: в голове человека с примитивной структурой мышления, то есть человека, филогенетическое расстояние которого от обезьяноподобного предка невелико, даже при условии высокого интеллекта не уложатся представления о том, что не только все растения и животные, но и сам он — "венец творения" — результат слепой игры случайности в природе. Не примет он и "бабушку обезьяну".

При этом меня всегда поражает та легкость и безапелляционность, с которой люди, совершенно не знакомые с биологией, решают вопрос о своем происхождении. Ведь для того чтобы мало-мальски с этим вопросом ознакомиться, нужно потратить годы! Но все почему-то идет как по басне:

Невежда судит так:
В чем толку не поймет,
То все ему пустяк.

Все знают, что психика человека поддается исследованию методом психометрии, или тестами. Тестами можно установить уровень интеллекта, экстро- или интровертированность человека, мужественность или женственность, авторитарность и косность мышления. Множество тестов состоит из вопросов, на которые испытуемый дает ответ, например: "Хотели бы вы быть известным певцом?" или: "Любите ли вы одиночество?" Вопрос "признаете ли вы теорию Дарвина?", мне кажется, мог бы быть очень полезным для психологической диагностики уровня примитивности мышления человека. Я предлагаю его вниманию психологов.

HERMITAGE

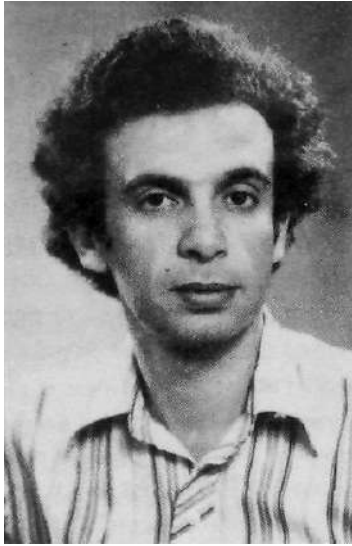
ЭРМИТАЖ -Publishers of New Russian Books

2269 Shadowood, Ann Arbor MI 48104, USA. Tel (313) 971-2968

В 1982 ГОДУ ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В НАШЕМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ:

АВЕРИНЦЕВ, Сергей. "Религия и литература" (143 с, статьи)	7.00
АКСЕНОВ, Василий. "Аристофаниана с лягушками" (384 стр.	11.50
Собрание пьес. Иллюстрации Э. Неизвестного) (В тв. обл. 20.00)	
АРАНОВИЧ, Феликс. "Надгробие Антокольского" (190 с, 82 илл.)	9.00
БРАКМАН, Рита. "Жизнеутверждение Солженицынского героя" (144 с.)	7.50
ВАЙЛЬ П., ГЕНИС А. "Современная русская проза" (182 с, 15 илл.)	8.50
ВИНЬКОВЕЦКАЯ, Диана. "Илюшины разговоры" (144 с.,	7.50
60 иллюстраций Игоря Тюльпанова.)	
ВЛАДИМОВ, Георгий. "Три минуты молчания" (Роман, 402 с.)	16.00
ГИРШИН, Марк. "Убийство эмигранта" (Роман, 145 стр.)	7.00
ГУБЕРМАН, Игорь. "Бумеранг" (Стихи, 128 с, илл. Д. Мирецкого)	6.00
ДОВЛАТОВ, Сергей. "Зона" (Повесть, 130 с.)	7.50
ЕЗЕРСКАЯ, Белла. "Мастера" (Сб. интервью, 112 с, 12 илл.)	8.00
ЕЛАГИН, Иван. "В зале Вселенной" (Стихи, 230 с.)	7.50
ЕФИМОВ, Игорь. "Архивы Страшного суда" (Роман, 320 с.)	10.50
"Практическая метафизика" (Фил. система, 332 с.)	8.50
"Метаполитика" (Под псевдонимом А. Москвит, 250 с.)	7.00
ЗЕРНОВА, Руфь. "Женские рассказы" (160 с.)	7.50
КОРОТЮКОВ, Алексей. "Нелегко быть русским шпионом" (Роман, 140 с.)	8.00
ЛЕЙТМАН, Игорь. "Контурь лучших времен" (Соц. исслед., 128 с.)	7.00
ЛУНГИНА, Татьяна. "Вольф Мессинг — человек-загадка" (270 с.)	12.00
МИХЕЕВ, Дмитрий. "Идеалист" (Роман, 223 с.)	8.50
НЕИЗВЕСТНЫЙ, Эрнст. "О синтезе в искусстве" (110 с, 60 илл., б. форм.)	12.00
ОЗЕРНАЯ, Наталия. "Русско-английский разговорник" (165 с)	9.50
РЖЕВСКИЙ, Леонид. "Бунт подсолнечника" (Роман, 240 с)	8 50
СУСЛОВ, Илья. "Выход к морю" (Рассказы, 230 с)	8.50
"Рассказы о тов. Сталине и других товарищах" (140 с)	7.50
УЛЬЯНОВ, Николай. "Скрипты" (Статьи, 234 с.)	8.00

При отправке заказа просьба добавлять к сумме чека 1.50 доллара на пересылку (независимо от количества заказываемых книг). При покупке трех и более книг - СКИДКА 20%.

КАК ЭТО БЫЛО

*Интервью с участником ливанской войны профессором
Тель-авивского университета Виталием Мильманом*

— Первый вопрос о том, как для вас лично началась война, первый день войны? В какую часть вы попали? Кем были — что ни говорите — глава математического департамента Тель-авивского университета? Сыграли ли какую-то роль ваши знания или, скажем, положение? Ну и вообще, какой предстала эта война в ваших глазах — глазах ее непосредственного участника?

— Началась, наверное, точно так же, как для многих израильтян. Все было очень просто. Вечером, на второй или третий день войны, мы сидели с друзьями из Америки у меня в Рамат-Ашароне и смотрели передачу по телевизору как раз о первом дне войны. Часов в двенадцать я отвез их на машине домой, в час вернулся, лег спать, а где-то четверть второго позвонили по телефону. К счастью, у нас ночевала моя мать, которая водит машину, она и отвезла меня на пункт сбора. Вот так началось. В какой части я служил? В принципе — это

танковое подразделение. Наша часть занималась его техническим обслуживанием. Моя военная специальность — шофер. Шофером я и прошел всю ливанскую войну. Возможно, как профессор университета я мог попросить, чтобы меня прикомандировали к другой части или дали другую работу. Но, знаете: я не хотел! Считал, что как израильтянин должен был пройти через войну такую, как она есть. Когда четверть второго ночи позвонили, наступило даже некоторое облегчение. Я ведь понимал, где было мое место в те дни, ждал этого, и, когда это произошло, стало легче...

— Но если ваше подразделение занималось техобслуживанием, то удалось ли вам вообще видеть войну, ведь фронт был постоянно где-то впереди?

— В принципе да, я мог бы и не увидеть войны, если бы она была другой, обычной. Но в Ливане, где боевые части прорывались вперед, а в тылу у них шли бои, где не было четкой линии фронта, где вообще стреляли всюду, я могу сказать, что видел войну. Сам я не стрелял — у меня была другая работа, но из моей кабины был постоянно высунут автомат. Мы не стреляли, но стреляли в нас, и в нашей части были раненые.

— Итак, через какие же районы вы шли и были ли вы в Бейруте? И еще вот что хотелось спросить, где разыгрались наиболее ожесточенные бои?

— Шли мы со всей армией: Набатия, Цор, Сидон, Дамур, затем вышли на центральный участок, ворвались в восточный Бейрут. Наибольшее впечатление произвело на меня происходившее в Сидоне. Мы проходили через него в то время, когда вокруг шел бой. Танки работали. Здания падали. Сидон — это большой город: 200-300 тысяч человек, высокие дома в девять-десять этажей. В таком городе вести бой очень нелегко. Пройден Сидон был в один день, после чего много дней его очищали. Листовками призывали население уйти к морю. Приморская часть была по левую сторону от главной дороги — ее очистили мгновенно. Там поставили огромное количество палаток для беженцев. По правую сторону от дороги террористы не дали населению покинуть дома, а Израиль не мог отвечать на каждый выстрел из окна артиллерийским залпом.

Приходилось идти через каждый дом, а из окон, повторяю, стреляли. И здесь потери были наиболее значительные. Их могло бы и не быть, если бы не думали о том, как свести к минимуму число жертв среди гражданского населения. На весь Сидон, насчитывавший, как я сказал, 200-300 тысяч, число погибших составило что-то порядка трехсот человек. Но я знаю, как много было тяжело раненных и даже убитых среди наших солдат, когда они пытались войти в дом, чтобы не испугать детей. А в доме их "ждали". Теперь представьте, как обидно читать в западных газетах о жестокостях и зверствах израильской армии. Кстати, количество оружия, захваченного в Сидоне, было невероятным. В Бейруте было еще больше, но там много успели взорвать. А в Сидоне оружием были завалены целые дома, все подвалы. Прежде всего легким и средним оружием. Мы захватили также и тяжелое, может быть, порядка сотни танков, но особенно много легкого и среднего. А количество захваченных боеприпасов превышало то, что Израиль затратил за время всей войны Судного дня 1973 года.

— Давайте теперь затронем другой вопрос: о причинах ливанской войны, почему Израиль решил именно в это время нанести сокрушительный удар по террористам. Что послужило причиной этой атаки?

— Постороннему это, может быть, действительно не совсем ясно. Поводом, как мы помним, было покушение на израильского посла в Лондоне. Но я бы хотел остановиться на главной проблеме. Как известно, их "Катюши" стояли очень близко от границы. Ну хорошо, скажут, время от времени стреляли эти "Катюши". На самом деле и жертв-то не было. Действительно, когда перед самой войной они ударили, жертв не было. Однако надо понять одну важную вещь, связанную со спецификой этого оружия. Когда бьет артиллерийский снаряд, то он очень опасен, он может поразить на большом радиусе, может разрушить дом. Но к артиллерийским снарядам, точнее к их звуку, можно привыкнуть. Что касается "Катюши", то ситуация совсем другая. "Катюша" — это в каком-то смысле даже не реальное оружие, ее радиус действия чрезвычайно мал. Вот ударила она в эту стену, и стена

провалилась. Но, повторяю, покрываемая ею площадь невелика. В десяти метрах от меня разорвался снаряд "Катюши" — моя машина, которая мчалась мимо на огромной скорости, даже не дрогнула, не было ни единой царапины. Будь это артиллерийский снаряд, машину снесло бы с дороги, а меня бы вообще не было. "Катюша" — оружие психологическое. Когда летят ее ракеты (я не знаю, известно ли это широкой публике), то они издают совершенно дикий звук, дикий завывающий шквал со всех сторон, и ты не знаешь, как от него укрыться. За время войны я растерялся всего один раз, вот тот раз, когда ударила "Катюша". Я был настолько потрясен, что не понимал, что со мною происходит. Правда, тут же очнулся, проверил машину и даже другую, что ехала за мной. Но ощущение было ужасное. Так вот, если мой ребенок — даже если он сидит в убежище — слышит такой звук, я не знаю, на какую войну я пойду, чтобы больше он его никогда не слышал. Этот звук мог свести его с ума на всю жизнь. Позже я узнал, что перед войной опрашивали жителей Кирьят-Шмоне, которых обстреливали "Катюши", и они говорили то же, что говорю сейчас вам я. Так что хорошо, конечно, сидеть в Белом доме и рассуждать адекватен ли был ответ Израиля или нет, но каково приходилось нашим жителям на границе!

— Во время войны вы, безусловно, проходили через лагерь палестинцев. Интересно знать, как они вообще живут — нормально или пребывают в нужде и даже гибнут с голоду и что представляют собой эти лагеря?

— А я хочу спросить вас — если бы мы с вами, живя в Москве, были безработными и американцы хотели бы нам помочь на уровне беженцев — на самом нищем, с их американской точки зрения, уровне, — сколько бы нам посылали денег? Я задавал этот вопрос американцам и следовал ответ: "Ну как минимум триста долларов в месяц". Однако, получая эти триста долларов, мы ведь были бы самыми богатыми людьми в округе. Именно это происходит с палестинцами. Им посылают деньги и посылки как беженцам, а уровень их жизни для среднего ливанца просто недостижим. Когда мы про-

ходили Сидон, то торговые центры были вначале не тронуты, потом они оказались разрушенными. Кто же из разрушил? Вот тут и начинается распутываться вся история. Эти центры принадлежали палестинцам, а разрушили их местные жители, чтобы те никогда больше не вернулись. Но как же удалось им все это скупить? История берет начало с 1948 года, когда впервые появились эти беженцы. На этот счет имеются обширные исследования, и в частности о том, что посылки, которые они получали по линии ООН и другим каналам, приносили им такие деньги, что очень скоро они смогли скупать торговые центры и в них же продавать эти посылки. Вот так они стали очень зажиточными людьми, при том, что не должны были совершенно работать. Поразительный факт: согласно все тем же документам ООН, начиная с 48 года среди палестинцев никто не умирал. Почему? Да потому, что они просто не объявляли ни об одной смерти и на "мертвые души" продолжали получать посылки. При этих условиях, естественно, каждый араб стремился стать беженцем. Их число росло невероятно, и каждый, кто записывался в беженцы, начинал получать деньги и посылки. Ситуация резко изменилась в 1970 году, когда в Ливан пришли изгнанные Хусейном вооруженные террористы. Распределение благ они взяли в свои руки, и был введен новый порядок. Для того чтобы семья продолжала получать помощь, она должна была кого-то из своих членов послать в террористическую организацию. Давалась полная свобода в выборе организации — Эль Фатах или какая-то еще, — но даровой хлеб кончился. Кого-то надо было направлять на опасную работу, и рядовые беженцы, понятно, не испытывали восторга от этого. И когда освободились, то были счастливы. Теперь относительно их лагерей. Проезжая по Дамуру, я вначале не обращал внимания на какие-то странные, прижатые к домам и собранные из листов ржавого железа чуланы. И тут же огромные кучи мусора. А рядом — великолепные дома, иногда разрушенные, иногда почти целые — где-то окно выставлено, где-то стекло нет. Казалось, восстанови их, — и живи. Лишь позже, когда я познакомился со всем этим, я узнал, что все эти чуланы и ку-

чи мусора нужны. Нет, не для жизни в них, — для того, чтобы числиться беженцами, чтобы приводить журналистов и демонстрировать им нужду. Ведь от этого зависит уровень их "зарплаты". Но очень часто лагеря представляли собой обычные дома. В Бейруте, например, лагерем называют жилые кварталы, которые террористы просто оккупировали. Я хотел бы снова напомнить, что под некоторыми из домов были обнаружены огромные склады и даже туннели, наполненные фантастическим количеством оружия. У нас в армии об этом очень много говорили. Кто-то считал, что это оружие поставил сюда Советский Союз, для того чтобы создать здесь специальную базу вооружения и в случае необходимости пустить ее в ход. Мне кажется, что эта история самая тривиальная. Ну вот приезжает, например, Арафат в Москву. Что она может для него сделать? Израиль уничтожить? Как отвязаться от него по дружбе? Послать ему еще корабль оружия! Приезжает он с дружеским визитом в Северную Корею. Что ему дать? Еще корабль оружия. Это очень тривиально. И говорю я, может быть, несколько упрощенно. Но я просто не вижу другого объяснения, любое другое не выглядит реальным.

— Приходилось ли вам лично беседовать с кем-нибудь из взятых в плен террористов? По сообщениям печати, таких насчитывалось что-то около девяти тысяч.

— Психологически мне это настолько неприятно, что я на это не шел. Но я, конечно, их видел, и впечатление было ужасное.

— Почему?

— Потому что их массу составляли дети. Об этом мало пишут. Но это действительно катастрофа. Они давали детям оружие и заставляли стрелять. Детям начиная с двенадцатилетнего возраста. (Мне потом рассказывали, что в Камбодже было то же самое.) И, как выяснилось, дети в каком-то смысле — лучшие солдаты, потому что у них нет чувства страха. Я никогда этого не знал. Дети могут стрелять и не бояться — у них ирреальный страх, они не верят в возможность погибнуть. И вот взрослые люди оставляли их на позициях и сами отступали. И эти детки стреляли и убивали наших солдат, а те аб-

солютно не понимали, что с ними делать. Эти дети скрывались в домах, затем выбегали и снова играли на улице. Солдаты хватили их, начинали выспрашивать, а они эдак невинно отвечали: "Да, это мы стреляли!" Абсолютно ирреальное ощущение опасности! Повторяю, детей было огромное количество. Особенно в одном горном районе, в пятнадцати километрах на восток от Дамура, где мы стояли. Там были дети в основном из Бангладеш и Цейлона. Это были рабы, купленные у их родителей на те же арабские деньги. Я знаю, что у нас было порядка тысячи взятых в плен детей, многие из них были привезены из бедных стран Востока. Думаю, что этот процесс начался совсем недавно, два-три года назад. Расчет, очевидно, делался на то, что через несколько лет они вырастут и станут полноценными солдатами. Самим палестинским бойцам платилась какая-то зарплата, иногда даже приличная, а этим — почти ничего, только на развлечения. Было найдено много детей, просто украденных в арабских странах. Например, в Дамаске был взят автобус с детьми, чтобы их везти на прогулку по Ливану, а затем, привезя сюда, их поместили в лагеря и уже больше не отпускали. Здесь они тренировались. Наши части нашли их вооруженными. Впрочем, через Красный крест их тотчас же отпустили домой.

— Если обратимся к западной печати, то палестинцы чаще всего изображаются жертвами израильской интервенции, а так как за последнее время с их стороны не было актов террора — скажем наподобие Маалота, — то на Западе складывается впечатление, что террористов в старом понимании больше не существует. Что бы вы могли сказать об этом?

— Подумайте на секунду, что вы берете детей, скажем, в возрасте от двенадцати до пятнадцати-шестнадцати лет, даете им оружие и выпускаете на свободу. Над ними нет ни власти, ни суда — командир их единственный суд. И они отпускаются в безоружное село. Что будут делать эти дети? Даже хорошие? Не будем говорить о плохих. Так вот, — то, что вы думаете, что они будут делать, — это они и делали. Грабили и насиловали. Я был свидетелем, как в распоряжение нашей части при-

ехали два мухтара* из местных сел и просили дать им встретиться с высшим офицером. Никого из офицеров не было и, пока их искали, они обратились к нам. Говорили по-арабски. И один из солдат переводил. Они просили, чтобы молодым жителям их сел дали возможность вылавливать террористов, скрывшихся в горах и лесах. Кто-то из наших солдат шутя сказал: "Да вы уж лучше сидите дома, это наша работа". Они ответили: "Нет, для нас это вопрос чести". — "Почему это для вас вопрос чести?" И тут они рассказали вещи, от которых дыбом встали волосы. Речь шла об изнасилованиях. На войне, вообще говоря, с этим довольно часто сталкиваются. Но когда в дом врывается взрослый солдат и собирается насиловать женщину, то он по крайней мере отводит ее в отдельную комнату. А когда врвались эти пятнадцатилетние-шестнадцатилетние дети, для которых все это было веселым развлечением, они выстраивали всю семью перед стенкой и насиловали женщин прямо здесь, в комнате, чтобы все смотрели. И это не было отдельным случаем зверства. Это был стандарт, как утверждали мухтары. Вы упомянули западную печать. Писала ли она об этом? Нет, ни разу! Интересно, почему? И в чем я вообще вижу некий антисемитизм, некий антиизраилизм западных журналистов? Когда они публикуют материалы о том, что говорят арабы — "де Израиль убил там-то и там-то столько детей" — не нужны никакие доказательства, не надо имен, не надо фотографий. Не требуется никаких подтверждений, что именно Израиль убил детей, а не палестинцы. А вот когда израильская сторона рассказала об этих ужасах, даже не мы, а мухтары, то корреспонденты сразу же: "Позвольте, а имена? Кого именно насиловали?" Может быть, фотографию женщины им дать для мирового обозрения? Разумеется, мухтары имен не дали, и журналисты об этом диком явлении не упомянули ни словом. Это к вопросу о моральном облике террористов. А вот еще об объективности западных газет. Начало этой истории вы, вероятно, слышали. Рейгену была принесена фотография девочки без двух рук.

* Мухтар — соответствует понятию "сельский староста".

И он будто бы даже кричал Бегину, не то лично, не то по телефону, что, мол, все его факты, вся его логика не играют для него никакой роли, когда он видит такого ребенка. Командование израильской армии решило разыскать девочку: раз уж президент США взволновался. Две или три недели были розыски. Но, думаю, что больше ничего вы об этой истории не слышали. То есть в Израиле было широко известно, чем все это кончилось. Но узнал ли об этом президент? Так вот — конец истории. Ну, во-первых, это была не девочка, а мальчик (может быть, это не так существенно), — но с двумя руками и вообще здоровый (!) Было ли там ранение — не ясно. А фотографию сделали, перетянув обе руки бинтом и привязав их к телу. Сделали другую фотографию. Мать подписалась, что и на том и на другом фото ее ребенок, которого вначале сфотографировали с бинтом, а потом без него. Я сам видел эту передачу по телевидению. На войне, может быть, и нетрудно найти подобный случай: пострадавшую мать или ребенка. Но израильтяне так стремились этого избежать, что оказалось трудно. Да, трудно! Иначе не пришлось бы делать такие подлоги. Западные журналисты вообще не желали ни снимать, ни писать ничего, что могло бы быть истолковано в пользу Израиля. Только против! Это главная причина, почему я изменил свое мнение о западной печати. Раньше я считал, что существует дезинформация. Ложь уходит в глубь десятилетий: и относительно того, кто такие палестинцы, и о их истории, и о так называемой родине для палестинцев. Естественно, когда я начинаю на Западе с кем-то говорить на эту тему, мы с моим собеседником плохо друг друга понимаем. Налицо разные системы ценностей, разные точки отсчета. Это понятно. Но в чем я впервые убедился в Ливане? Это то, что если средний человек, может быть, и не имел достаточных сведений, то журналисты располагали всей информацией, они просто не хотели ее слушать! Это уже меняет дело, после этого некому и нечего объяснять.

— Но, позвольте, с изнасилованиями — они ведь только хотели каких-то подтверждений.

— С изнасилованиями — только лишь один случай. А вот вам другой, относящийся к штаб-квартире Арафата, расположенной в Сидоне. Она была размещена на территории одной из дочерних организаций ООН, ведающей профессионально-техническим образованием. Эта организация занимала довольно много зданий. В одном из них была размещена штаб-квартира Арафата, а в ряде других — тренировочные лагеря палестинцев. У Арафата было, по-видимому, несколько штабов. Это был южный штаб, откуда он, очевидно, только накануне бежал, поскольку здесь было захвачено много его личных вещей. Сделали фотографии — и его личной резиденции, и комнат, где находились его телохранители. Так вот, в коридоре, рядом с входом в его комнату висели два очень больших плаката, один под другим и одинакового примерно размера, верхний — портрет самого Арафата, а под ним такой же огромный плакат: свастика! Для меня это в общем было понятно, иным я его не представлял. Но французские социалисты, Миттеран, для которых нацизм вроде бы является жупелом, которым они пугают и размахивают, — почему они всего этого не замечают? А ведь плакат — не секретный, я сам его видел в газете "Джерузалем Пост". Жестокости террористов для меня более или менее естественны. Это арабский мир со своей психологией и цивилизацией, где вообще человек мало чего стоит, поэтому я не хочу применять тут собственные мерки. Я даже не столько ими возмущаюсь, сколько реакцией Запада, когда хотят их поднять, и даже не столько поднять их, сколько унижить нас.

— Выше вы говорили о настоящих актах варварства. Но настолько ли это распространено, как пишут об этом в Израиле?

— В таком случае разрешите продолжить. Вы, вероятно, слышали — об этом много писалось в прессе, — что террористы устанавливали свои орудия и зенитки на крышах школ, госпиталей. Идея была очень простой. Если уж их разрушат, то хоть привести журналистов и показать: вот де разбомбили больницу или школу, чтобы иметь хоть какой-то политический навар. И вот в одном из госпиталей — тоже в районе Си-

дона — были обнаружены тела. На первый взгляд, как будто бы пациенты. Но потом многое стало подозрительным — у погибших не было никаких признаков ранений. Тогда решили расследовать, что тут произошло, кто эти пациенты, и обнаружили совершенно жуткую вещь. Террористам нужны были доноры, кровь для своих бойцов. Переливание крови на войне — обычная вещь. Как мы знаем, в Израиле стояли очереди добровольцев, желающих сдать кровь. А что же террористы? Они просто приводили людей с улицы и брали кровь. Но, как говорится, возьми литр крови и отпусти человека. Но они брали у этих людей всю кровь. Какая разница? Человек в этой цивилизации не большая ценность! Вот так образовалась палата людей, у которых уже не было крови.

— Все это так. Но ведь террористы, тем не менее, представляли собой воюющую армию.

— Возможно, они и хотели бы быть армией, но по своей психологии все равно оставались гангстерами, съехавшимися со всего арабского мира — кто в поисках приключений, кто за деньгами, кто еще зачем. У такой психологии есть свой особый стиль. Сирийская армия — потерпела поражение — и вся отступила. А эти переодевались, прятали оружие, превращались на время в гражданских, чтобы при первом удобном случае опять начать убивать из-за угла. Так вот, они с этим своим стилем творили невероятные вещи. Например, когда наши войска вошли в Сидон, они не давали вообще уйти гражданскому населению. Как я уже говорил, наши солдаты, зная это, танками не расстреливали дома, а проходили их. Ну, допустим, ливанцев они не жалели, но они не отпускали из лагерей своих же, боясь с нами открытого боя. Что делал их командир в подобных случаях? Он убивал детей, своих же палестинских детей, чтобы задержать родителей, которые хотели уйти. Это обнаружилось, когда вошли в один из лагерей и нашли ребенка, убитого пистолетной пулей: у кого из солдат, которые идут в атаку, есть пистолет? Кто с пистолетом воюет? И опять же западная печать молчит.

— Ну хорошо, давайте попробуем это объяснить: этот подход, эту необъективность?

— Я не хочу давать этому объяснения. Я только знаю, что арабские деньги, о которых так много пишут, не являются здесь существенным параметром. Это надо иметь такую душу, чтобы все это изображать.

— А может быть, мир просто возмущен, шокирован силой еврейского государства, его независимостью? Тысячелетиями привыкли видеть евреев униженными, просящими, и вот теперь мир не может смириться, когда они себя так независимо держат.

— Вы знаете, это как раз то, о чем я думал, но не хотел говорить вслух. Но что удивляет? Даже здесь в Америке сами евреи принимают активное участие в этой дезинформации, в этом убиении себя в грудь. Вот буквально две недели назад, в еврейский новый год, в Колумбусе местные евреи из университета взяли меня и еще одного израильтянина в синагогу. Служба была очень красивой. Женщина кантор великолепно пела. Но вот рабби начал говорить о политике в духе левого крыла движения "пис нау" — "мир сегодня"* Он просил собравшихся сдавать деньги на помощь разрушенному Израилем Ливану, молился за палестинских беженцев, сравнивал Бегина с каким-то чудовищем, говорил не "Иудея и Самария", а "так называемые Иудея и Самария". Вообще существует ошибочное мнение, когда мы говорим, что американских евреев, по крайней мере большинство из них, интересуется Израиль, — как, например, он меня интересует. Нет, их интересует, чтобы Израиль не мешал им хорошо жить в Америке, чтобы из-за его "плохого поведения" по отношению к американскому президенту или какому-нибудь журналисту из Эй Би Си в Америке не возник антисемитизм. Это единственное, что их интересует. И все их мысли направлены на то, чтобы пройти невредимыми между двух огней.

— Тема современного антисемитизма — это, наверное, особая тема, заслуживающая специального рассмотрения. А сей-

* Крайне левое антиправительственное движение в Израиле, требующее его ухода со всех контролируемых территорий и предоставления независимости палестинцам.

час давайте вернемся в Ливан. Мы все время говорим о палестинцах — и ни слова о стране, где развернулись военные действия. Что представляет собой эта страна и ее жители? Что там за цивилизация?

— Это Швейцария, во всяком случае по внешнему облику — горы, леса, необычайной красоты долины. Благодаря лесам и горам климат там лучше, чем у нас в Израиле. Что же касается цивилизации, то ливанцы — это очень странный народ. И вообще Ливан — совершенно уникальная страна. Это — реализованная в жизни анархия, живое свидетельство того, что такое страна без власти. Может быть, это не всем известно, но ливанцы необычайно богаты. Например, когда прошли первые недели и разрушенные машины убрали с дорог, они вдруг выкатили новые кадиллаки, мерседесы, даже ройлс-ройлсы. Затем они стали приходить в нашу часть и продавать по невероятно дешевым ценам золотые часы. Откуда все эти богатства? Дело в том, что отсутствие власти имеет свой плюс. Что бы ни было украдено в любой точке мира — это нуждается в легализации, и Ливан — единственное место, где это возможно осуществить. С той минуты, как вы пересекли его границу, украденное не требует сокрытия, ибо здесь нет никакой полиции, никакой власти. Не случайно именно сюда стекается ворованное со всего арабского мира.

— И вы думаете, на этой основе может разбогатеть целая страна?

— Другого объяснения я не вижу. Вот вам гипотетическая ситуация. Допустим, украдена огромная партия товаров во Франции. Что можно с ними сделать? Сбыт — довольно трудная вещь. Украденные товары привозятся на корабле в Ливан, и с этой минуты они становятся легальными. В Ливане вы все можете открыто продать. Причем все продается по таким баснословно дешевым ценам, что просто невозможно представить себе, что это не ворованное. Чтобы представить, насколько эта страна богата, расскажу вам такую смешную историю. У нас в Сидоне был военный представитель — типа военного коменданта, который помогал восстанавливать город. Когда убрали разрушенное здание, щебенку, вос-

становили дороги, канализацию, электричество, — словом, сделали все что нужно, он пришел к мэру Сидона и сказал: "С чем мы еще не закончили, за что еще нужно взяться, — это общественный транспорт" — он мыслил израильскими категориями. А мэр посмотрел на него, как на сумасшедшего, и спросил: "А зачем?" — "Ну как зачем? Чтобы люди ездить могли, не ходили пешком". — "А кому из моих жителей нужен общественный транспорт? У меня в каждой семье две-три машины есть, а если я найду семью, которая без машины оказалась, то она такси возьмет".

— Скажите, пожалуйста, а как встречали в Ливане израильскую армию?

Христианское население нас встречало восторженно. Об этом много писалось. Мусульмане вначале были обеспокоены, они не знали нашей реакции. Но очень быстро, просто через день-два, они тоже пришли в себя и открыто выражали радость. И не только мусульмане, но и палестинцы тоже просили защиты. Я хочу сослаться на слова одного высокого духовного лица, этот человек заявил буквально следующее: "Да, мы прошли через трудное время, у нас были жертвы, но, слава Богу, теперь мы свободны". Картина всеобщего ликования в Ливане плохо поддается описанию. Ее надо было видеть. Когда мы вошли в страну, не только женщины, но и мужчины, скопившиеся у дороги, посылали нам воздушные поцелуи и прыгали от радости. Люди выбегали из самых дальних домов, чтобы приветствовать нас. Было видно, что тут творилось что-то невообразимое, если не свою армию встречали таким образом.

— Давайте снова теперь вернемся к военным действиям. В конце концов ведь сражались две армии: израильская и палестинская. Можно ли сравнить их боевые качества? Что вы можете сказать о палестинцах как солдатах? Ваши личные наблюдения: как они сражались?

— На эту тему говорят по-разному. Есть такие, которые воевали, а есть, что просто бежали. Некоторые журналисты на Западе писали о мужестве палестинцев и их стойкости. Когда я оцениваю число наших жертв, то понимаю, что не так уж

хорошо они сражались. Это ведь так легко было — стрелять из окон домов. Между тем мы почти в один день прошли до Дамура и вскоре были в Бейруте.

— Наиболее ожесточенным было сопротивление в Бейруте?

— Я не считаю, что в Бейруте террористы хорошо сражались и поэтому держались долго. Ведь по соглашению с Америкой в Западный Бейрут не входили, а когда один раз решили заставить их отойти, то огромный кусок города был отрезан и захвачен. Когда некий болгарский дипломат покидал Западный Бейрут, то при выезде один из журналистов спросил его: "Как вы думаете, Израиль войдет в Западный Бейрут?" Тот ответил, что Израиль не войдет в эту часть города, потому что здесь шесть тысяч домов (я точно не помню, какую цифру он назвал, кажется, эту), так вот, в Западном Бейруте шесть тысяч домов, а Израиль не хочет потерять шесть тысяч человек убитыми. В уличных боях — на каждый дом по человеку — это действительно не так много. Но нужно знать, как в Израиле относятся к жизни каждого солдата, и мы не хотели их терять. Потом, как я сказал, отрезали и взяли в один день громадный район — погибло 18 человек. Но там было не 18, а, может быть, 1800 домов! Так что все это легенды — о их сопротивлении. Правда, ребятки наши иногда восклицали: "Ой как было страшно!" или "Ох какие они солдаты!" Но это говорилось так, скорее, для форсу. Я сужу по результатам. В предыдущих войнах — в Шестидневной и войне Судного дня — теряли в среднем по 125-150 человек в день, а сейчас, если взять активные дни войны, то в общем мы теряли примерно по 25 солдат в день. Говорят, что мы не имели перед собой армии и поэтому было легче. Это неверно. Во-первых, огромная армия стояла в Сирии, и, кроме этого, вспомните, что представляли собой районы сражения: горы, города... Да и террористы по сравнению с регулярной армией, имеющей цели и воюющей по каким-то правилам, были намного опаснее в смысле возможных жертв с нашей стороны. Так что я расцениваю результат войны как огромный успех израильской армии.

— Тем не менее, ведь она встретила сопротивление. И ес-

ли бы это было не так, то война тут же и закончилась бы, а она, как мы знаем, затянулась.

— По этому поводу имеется, на мой взгляд, очень нелепая точка зрения, что вот, мол, Америка тормозила войну, пыталась установить мир и это сократило жертвы. Если бы войну никто не останавливал и она продлилась бы еще два дня после первых четырех, то жертв было бы намного меньше и с нашей стороны и с их. Время отнюдь не сократило жертвы. Когда орудия просто стреляют, притом долгое время, то они иногда и попадают в цель. Вот стреляла в нашу сторону артиллерия — 50 метров справа — упал снаряд, 50 метров слева. Но один раз случайно попали в нас — и четыре человека были ранены. Поэтому, если и есть убитые и раненые, то именно потому, что все это было долго.

— А почему так долго?

— Никто этого толком не знает. И тут я могу лишь высказать свою личную точку зрения. Вроде бы со стороны выглядит, что Америка давила, Америка просила, Америка хотела участвовать в переговорах, а мы не всегда шли за ней... Я же думаю, что это был правильный расчет правительства — по крайней мере в одном смысле, хотя в других отношениях он, может быть, и выглядит как просчет. Правильно было рассчитано с чисто военной точки зрения. Допустим, что на четвертый день войны мы заняли бы весь Бейрут. После этого надо было немедленно уходить: война закончилась — уходи! Ничего бы не было подготовлено, и все началось бы сначала. А когда мы простояли там пару месяцев, то подготовили силы, в которых были заинтересованы — те же христиане, те же мусульмане, те же друзья, — все так или иначе хотели избавиться от террористов. Если бы мы сразу ушли, то остался бы страх, что они вернуться. А так силы сопротивления успели организовать и в дальнейшем смогут себя сами защитить.

— А как выглядела подготовка израильской армии? Какова была ее эффективность?

— Идеально! Как человек, прошедший войну, я лично даю этому оценку десять с плюсом. Трудно представить, что та-

ким невообразимым количеством техники и людей можно так руководить и достигнуть подобной организации. Я не хочу сказать, что не было каких-то ошибок. Но я говорю об уровне готовности. Конечно, война есть война. Люди устают. Один раз я слышал, что какой-то солдат сказал, что у нас где-то не хватало пищи. В первый день войны, когда дороги были забиты (на вертолетах не будете же посылать продукты), у нас было все точно по рациону. Например, боевые пайки: один паек на пять человек в день, а затем все было в изобилии. Это даже трудно представить. Я мог, например, открыть любую посылку, чтобы вытащить ананасовый и абрикосовый компот, а остальное выкидывали, не выкидывали — беженцам отдавали. Я мог открыть посылку, чтобы выискать для себя одну маленькую баночку варенья, а остальное не брал. Обмундирования привезли столько, что каждый из нас мог в любое время подойти и взять для себя новое...

— А настроение в армии? Все-таки более двух месяцев войны.

— Ну что значит, более двух месяцев? Это ведь только кажется, что война — сплошное напряжение и активность. Нет, это не так. Война, как ни странно, — это какие-то день или два действия, а потом неделя ничего неделания. Для меня это было наибольшей психологической трудностью — сидеть и ничего не делать. Потом снова какие-то несколько часов или пару дней действия. И снова сидите и ждете, когда Бегин вернется из Америки. Все это так ужасно размазано во времени. Вы спрашиваете о настроении. Поначалу оно было превосходным, а потом, как это бывает, начало надоедать. Вы знаете израильского солдата? Он совсем не такой, как в других армиях. О чем говорят солдаты в окопах? О бабах, о военной добыче. А наш солдат только об одном: о доме и о семье. Дадут ли хоть на день отпуск, или не дадут. Чаще всего не давали. С этим было очень трудно, отсюда и эти разговоры: "Почему это столько длится? Давайте кончать! Бейрут, так Бейрут!" Если бы сказали так: "Хотите домой? Кто добровольно пойдет брать Бейрут, тот пойдет домой", — я уверен — все бы пошло.

— Это вы говорите о солдатских буднях. Но, может быть, скажете несколько слов об армии в целом. В общем-то о ее боевых качествах широко известно. Но интересно услышать несколько слов из ваших уст, из уст человека, который только что вернулся с войны.

— Вы говорите, что мощь израильской армии известна. Да, известна. Но мало кто себе представляет, насколько она сильна. Вы, наверное, знаете, что в первые дни войны практически была уничтожена сирийская авиация. А их зенитки, — точнее, сидящие там советские специалисты, — не могли поразить ни одного нашего самолета. Мы можем с вами представить, как они хотели этого. И ни одного! Об эффективности наших танков я не говорю — это общеизвестно. Израильские танки по своим боевым качествам — лучшие в мире. Я хотел бы в заключение лишь сослаться на данные Британского института стратегических исследований. Согласно этим данным, Израиль по мощи своих вооруженных сил стоит на третьем месте в мире — после СССР и США. Впрочем, некоторые из специалистов института это оспаривают. Они утверждают, что на четвертом, поскольку впереди Израиля еще и Китай.

Интервью вел В.Александровский

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫХОДИТ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
"ВРЕМЯ И МЫ"

Александр Орлов
ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СТАЛИНСКИХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Эта книга принадлежит одному из видных деятелей сталинского НКВД, но почти 30 лет она была неизвестна русскому читателю. Чудом уцелев, генерал Александр Орлов бежал в 1938 году в Соединенные Штаты и, оставаясь 15 лет неузнанным, прожил здесь до конца своих дней. Книга Орлова — это документальное свидетельство эпохи, раскрывающее самые глубокие тайны сталинской секретной полиции.

...КАК ГОТОВИЛОСЬ УБИЙСТВО КИРОВА...

...ВСТРЕЧА СТАЛИНА С НИКОЛАЕВЫМ...

...КАК БЫЛИ ВЫРВАНЫ ПРИЗНАНИЯ У ЗИНОВЬЕВА И КАМЕНЕВА...

...ИХ СДЕЛКА СО СТАЛИНЫМ В КРЕМЛЕ...

...ДОПРОСЫ И ПРИЗНАНИЯ ПЯТАКОВА, БУХАРИНА, РАДЕКА...

...ПОДРОБНОСТИ ГИБЕЛИ АЛЛИЛУЕВОЙ...

...ЯГОДА ПЕРЕД КАЗНЬЮ...

...ЕЖОВ, КАКИМ ОН БЫЛ...

...ЛИЧНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СТАЛИНА ПАУКЕР ОБ УТЕХАХ ВОЖДЯ...

Таковы лишь штрихи, лишь отдельные эпизоды документальной эпопеи Александра Орлова.

По свидетельству специалистов, ни одна из изданных до сих пор книг о советской тайной полиции не может сравниться с книгой Александра Орлова как по документальной точности излагаемых фактов, так и по захватывающему интересу, который она вызывает у читателей. Тот, кто открыл первую страницу этой книги, уже не сможет закрыть ее, не дочитав до конца этот зловещий детектив сталинской инквизиции.

Книга Орлова (350 стр.) иллюстрирована редкими фотографиями 30-х годов. Цена книги - 15 долларов. Пересылка — 1 доллар.

Предварительные заказы и чеки высылать по адресу:

475 Fifth ave, room 511 -A
New York, New York 10017

Александр ОРЛОВ

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СТАЛИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Главы из одноименной книги

СМЕРТЬ ГОРЬКОГО

Во всей этой фантастической истории наибольший интерес, с точки зрения анализа фальсификаторского таланта Сталина, представляет легенда об убийстве Горького.

Сталину было важно представить Горького жертвой убийц из гроцкистско-зиновьевского блока не только ради возбуждения народной ненависти к этим людям, но и ради укрепления собственного престижа: получалось, что Горький, "великий гуманист", был близким другом Сталина и уже в силу этого — непримиримым врагом тех, кто был уничтожен в результате московских процессов.

Мало того: Сталин пытался изобразить Горького не только своим близким другом, но и страстным защитником сталинской политики. Этот мотив прозвучал в "признаниях" всех обвиняемых на третьем московском процессе. Например, Ле-

вин привел следующие слова Ягоды, объясняющие, почему заговорщикам необходима была смерть Горького: "Алексей Максимович — человек, стоящий очень близко к высшему руководству партии, человек, одобряющий политику, которая проводится в стране, преданный лично Иосифу Виссарионовичу Сталину". Продолжая ту же линию, Вышинский в своей обвинительной речи заявил: "Не случайно он (т.е. Горький) связал свою жизнь с великим Лениным и великим Сталиным, сделавшись их лучшим и самым близким другом".

Таким образом, Вышинский стянул узами дружбы и взаимной преданности сразу троих: Сталина, Ленина и Горького. Однако узел этот был ненадежным. Вспомним хотя бы так называемое "ленинское завещание", где он рекомендует снять Сталина с поста генсека. Добавим к этому и личное письмо Ленина, объявляющее Сталину, что он порывает с ним все отношения.* Так что попытка представить Ленина в качестве близкого друга Сталина является не чем иным, как бесчестным обманом.

Попробуем также проанализировать "тесную дружбу" между Сталиным и Горьким. Эта "тесная дружба" отнюдь не без особых на то причин постоянно подчеркивалась на суде и обвиняемыми, и их защитниками, и прокурором. Сталин чрезвычайно нуждался в создании такого впечатления. После двух лет массового террора моральный авторитет Сталина, и без того не слишком высокий, совсем упал. В глазах собственного народа Сталин предстал в своем истинном облике — жестокий убийца, запятнавший себя кровью лучших людей страны. Он это понимал и спешил прикрыться огромным моральным авторитетом Горького, якобы дружившего с ним и горячо поддерживавшего его политику.

В дореволюционной России Горький пользовался репутацией защитника угнетенных и мужественного противника

* Письмо было написано в связи с тем, что Сталин, пользуясь беспомощным состоянием Ленина, позволил себе оскорбить Крупскую. Правда, Ленин не просто "порывал все отношения" со Сталиным, а предъявлял ему ультиматум: или разрыв отношений, или Сталин берет назад слова, сказанные им Крупской, и извиняется перед ней. По непроверенным сведениям (свидетельство М.И.Ульяновой) Сталин предпочел извиниться. (Примеч.ред.)

самодержавия. В дальнейшем, несмотря на личную дружбу с Лениным, он в первые годы революции нападал на него, осуждая в своей газете "Новая жизнь" красный террор и беря под защиту преследуемых "бывших людей".

Задолго до смерти Горького Сталин пытался сделать его своим политическим союзником. Те, кому была известна неподкупность Горького, могли представить, насколько безнадёжной являлась эта задача. Но Сталин никогда не верил в человеческую неподкупность. Напротив, он часто указывал сотрудникам НКВД, что в своей деятельности они должны исходить из того, что неподкупных людей не существует вообще. Просто у каждого своя цена.

Руководствуясь такой философией, Сталин начал обхаживать Горького.

В 1928 году ЦК партии начал всесоюзную кампанию за возвращение Горького в СССР. Кампания была организована очень искусно. Сначала объединения советских писателей, а затем и другие организации стали посылать Горькому в Италию письма, чтобы он вернулся на родину помочь поднять культурный уровень масс. Среди приглашений, которыми засыпали Горького, были даже письма от пионеров и школьников: дети спрашивали горячо любимого писателя, почему это он предпочитает жить в фашистской Италии, а не в Советском Союзе, среди русского народа, который так его любит.

Как бы поддаваясь стихийному напору масс, советское правительство направило Горькому теплое приглашение переселиться в Советский Союз. Горькому было обещано, что, если он пожелает, ему будет предоставлена возможность проводить в Италии зимние месяцы. Разумеется, правительство берет заботу о благополучии Горького и все расходы на себя.

Под влиянием этих призывов Горький вернулся в Москву. С этого момента начала действовать программа его задабривания, выдержанная в сталинском стиле. В его распоряжение были предоставлены особняк в Москве и две благоустроенные виллы — одна в Подмосковье, другая в Крыму. Снабжение писателя и его семьи всем необходимым было

поручено тому же самому управлению НКВД, которое отвечало за обеспечение Сталина и членов Политбюро. Для поездок в Крым и за границу Горькому был выделен специально оборудованный железнодорожный вагон. По указанию Сталина, Ягода стремился ловить на лету малейшие желания Горького и исполнять их. Вокруг его вилл были высажены его любимые цветы, специально доставленные из-за границы. Он курил особые папиросы, заказываемые для него в Египте. По первому требованию ему доставлялась любая книга из любой страны. Горький, по натуре человек скромный и умеренный, пытался протестовать против вызывающей роскоши, которой его окружали, но ему было сказано, что Максим Горький в стране один.

Как и было обещано, он получил возможность проводить осень и зиму в Италии и выезжал туда каждый год (с 1929 по 1933). Его сопровождали два советских врача, наблюдавших за состоянием его здоровья во время этих поездок.

Вместе с заботой о материальном благополучии Горького Сталин поручил Ягоде его "перевоспитание". Надо было убедить старого писателя, что Сталин строит настоящий социализм и делает все, что в его силах, для подъема жизненного уровня трудящихся.

С первых же дней пребывания писателя в Москве Ягода принял меры, чтобы он не мог свободно общаться с населением. Зато он получил возможность изучать жизнь народа на встречах с рабочими различных заводов и тружениками подмосковных образцово-показательных совхозов. Эти встречи тоже организовывались НКВД. Когда Горький появлялся на заводе, собравшиеся приветствовали его с восторгом. Специально выделенные ораторы выступали с речами о "счастливой жизни советских рабочих" и о великих достижениях в области образования и культуры трудящихся масс. Руководители местных парткомов провозглашали: "Ура в честь лучших друзей рабочего класса — Горького и Сталина!"

Ягода старался так заполнить дни Горького, что у того просто не оставалось времени на самостоятельные наблюдения и оценки. Его возили на те же зрелища, какими гиды Интуриста потчевали иностранных туристов. Особенно заинтере-

совали его две коммуны, организованные под Москвой, в Болшеве и в Люберцах, для бывших уголовников. Те привыкли встречать Горького бурными аплодисментами и заранее заготовленными речами, в которых благодарность за возвращение к честной жизни выражалась двум лицам: Сталину и Горькому. Дети бывших преступников декламировали отрывки из горьковских произведений. Горький бывал так глубоко растроган, что не мог сдержать слез. Для сопровождавших его чекистов это было верным признаком, что они добросовестно выполняют инструкции, полученные от Ягоды.

Чтобы поосновательней загрузить Горького повседневными делами, Ягода включил его в группу литераторов, которые занимались составлением истории советских фабрик и заводов, воспевая "пафос социалистического строительства". Горький взялся также опекать различные культурные начинания, в помощь писателям-самоучкам организовал журнал "Литературная учеба". Он участвовал в работе так называемой ассоциации пролетарских писателей, во главе которой стоял Авербах, женатый на племяннице Ягоды. Прошло несколько месяцев со дня приезда Горького в СССР — и он уже был так загружен, что не имел свободной минуты. Полностью изолированный от народа, он двигался вдоль конвейера, организованного для него Ягодой, в неизменной компании чекистов и нескольких молодых писателей, сотрудничавших с НКВД. Всем, кто окружал Горького, было вменено в обязанность рассказывать ему о чудесах социалистического строительства и петь дифирамбы Сталину. Даже садовник и повар, выделенные для писателя, знали, что время от времени они должны рассказывать ему, будто "только что" получили письмо от своих деревенских родственников, которые сообщают, что жизнь там становится все краше.

Положение Горького ничем не отличалось от положения иностранного дипломата, с той, однако, разницей, что иностранный посол из секретных источников регулярно получал информацию о том, как идут дела в стране его пребывания. У Горького таких секретных информаторов не было — он довольствовался тем, что расскажут люди, приставленные к нему НКВД.

Зная горьковскую отзывчивость, Ягода подготовил для него своеобразное развлечение. Раз в год он брал его с собой инспектировать какую-нибудь тюрьму. Там Горький беседовал с заключенными, предварительно отобранными НКВД из числа уголовников, которых намечалось освободить досрочно. Каждый из них рассказывал Горькому о своем преступлении и давал обещание начать после освобождения новую, честную жизнь. Сопровождавший чекист — обычно это был не лишенный актерских задатков Семен Фирин — доставал карандаш и блокнот и вопросительно взглядывал на Горького. Если тот кивал, Фирин записывал имя заключенного и давал распоряжение охране освободить его. Иногда, если заключенный был молод и производил особенно хорошее впечатление, Горький просил, чтобы этому юноше предоставили место в одной из образцово-показательных коммун для бывших уголовников.

Нередко Горький просил освобождаемых написать ему и дать знать, как у них налаживается новая жизнь. Сотрудники Ягоды следили за тем, чтобы Горькому приходили такие письма. В общем, Горькому жизнь должна была представляться сплошной идиллией. Даже Ягода и его помощники казались ему добродушными идеалистами.

В счастливом неведении Горький оставался до той поры, пока сталинская коллективизация не привела к голоду и к страшной трагедии осиротевших детей, десятками тысяч хлынувших из сел в города в поисках куска хлеба. Хотя окружавшие писателя люди всячески старались преуменьшить размеры бедствия, он был не на шутку встревожен. Он начал ворчать, а в разговорах с Ягодой открыто осуждал многие явления, которые заметил в стране, но о которых до поры до времени помалкивал.

В 1930 или 1931 году в газетах появилось сообщение о расстреле сорока восьми человек, виновных будто бы в том, что они своими преступными действиями вызвали голод. Это сообщение привело Горького в бешенство. Разговаривая с Ягодой, он обвинил правительство в расстреле невинных людей с намерением свалить на них ответственность за го-

лод. Ягода с сотрудниками так и не смогли убедить писателя, что эти люди действительно были виновны.

Некоторое время спустя Горький получил из-за границы приглашение вступить в международный союз писателей-демократов. В соответствии с инструкцией Сталина Ягода заявил, что Политбюро против этого, потому что некоторые члены союза уже успели подписать антисоветское обращение к Лиге защиты прав человека, протестуя против недавних казней в СССР. Политбюро надеется, что Горький вступится за честь своей страны и поставит клеветников на место.

Горький заколебался. В самом деле, в "домашних" разговорах с Ягодой он мог брюзжать и протестовать против жестоких действий правительства, но в данном случае речь шла о защите СССР от нападок мировой буржуазии. Он ответил международному союзу писателей-демократов, что отказывается от вступления в эту организацию по такой-то и такой причине. Он добавил, что вина расстрелянных в СССР людей представляется ему несомненной.

Между тем сталинские щедроты сыпались на Горького как из рога изобилия. Совет народных комиссаров специальным постановлением отметил его большие заслуги перед русской литературой. Его именем было названо несколько предприятий. Моссовет принял решение переименовать главную улицу Москвы — Тверскую — в улицу Горького.

В то же время Сталин не делал попыток лично сблизиться с Горьким. Он виделся с ним раз или два в году по случаю революционных праздников, предоставляя ему самому сделать первый шаг. Зная горьковскую слабость, Сталин прикинулся крайне заинтересованным в развитии русской литературы и театра и даже предложил Горькому должность наркома просвещения. Писатель, однако, отказался, ссылаясь на отсутствие у него административных способностей.

Когда Ягода с помощниками решили, что Горький уже полностью под их влиянием, Сталин попросил Ягodu внушить старому писателю: как было бы здорово, если б он взялся за произведение о Ленине и Сталине. Горького знали в стране как близкого друга Ленина, знали, что Ленина и Горького

связывала личная дружба, и Сталин хотел, чтобы горьковское перо изобразило его достойным преемником Ленина.

Сталину не терпелось, чтобы популярный русский писатель обессмертил его имя. Он решил осыпать Горького царскими подарками и почестями и таким образом повлиять на содержание и, так сказать, тональность будущей книги.

За короткое время Горький удостоился таких почестей, о которых крупнейшие писатели мира не могли и мечтать. Сталин распорядился назвать именем Горького крупный промышленный центр — Нижний Новгород. Соответственно и вся Нижегородская область переименовывалась в Горьковскую. Имя Горького было присвоено Московскому Художественному театру, который, к слову сказать, был основан и получил всемирную известность благодаря Станиславскому и Немировичу-Данченко, а не Горькому. Все эти сталинские щедроты отмечались пышными банкетами в Кремле, на которых Сталин поднимал бокал за "великого писателя земли русской" и "верного друга большевистской партии". Все это выглядело так, словно он задался целью доказать сотрудникам НКВД правильность своего тезиса: "у каждого человека своя цена". Однако время шло, а Горький все не начинал писать книгу про Сталина. Судя по тому, чем он занимался и какие задачи ставил перед собой, было непохоже, что он намеревается приняться за сталинскую биографию.

Я сидел как-то в кабинете Агранова. В кабинет вошел организатор знаменитых коммун из бывших уголовников — Погребинский, с которым Горький был особенно дружен. Из разговора стало ясно, что Погребинский только что вернулся с подмосковной горьковской виллы. "Кто-то испортил все дело, — жаловался он. — Я уж и так подходил к Горькому, и этак, но он упорно избегает разговора о книге". Агранов согласился, что, по-видимому, кто-то действительно "испортил все дело". На самом же деле Сталин и руководство НКВД просто недооценили характер Горького.

Горький не был так прост и наивен, как им казалось. Зорким писательским глазом он постепенно проник во все, что делается в стране. Зная русский народ, он мог читать по лицам, как в раскрытой книге, какие чувства испытывают

люди, что их волнует и беспокоит. Видя на заводах изможденные лица недоедающих рабочих, глядя из окна своего персонального вагона на бесконечные эшелоны арестованных "кулаков", вывозимых в Сибирь, Горький давно понял, что за фальшивой вывеской сталинского социализма царят голод, рабство и власть грубой силы.

Но больше всего терзала Горького все усиливающаяся травля старых большевиков. Многих из них он лично знал с дореволюционных времен. В 1932 году он высказал Ягоде свое горькое недоумение в связи с арестом Каменева, к которому относился с глубоким уважением. Услышав об этом, Сталин распорядился освободить Каменева из заключения и вернуть его в Москву. Можно припомнить еще несколько случаев, когда вмешательство Горького спасало того или другого из старых большевиков от тюрьмы и ссылки. Но писатель не мог примириться уже с самим фактом, что старых членов партии, томившихся в царских тюрьмах, теперь вновь арестовывают. Он высказывал свое возмущение Ягоде, Енукидзе и другим влиятельным деятелям, все больше раздражая Сталина.

В 1933-1934 годах были произведены массовые аресты участников оппозиции, о них официально вообще ничего не сообщалось. Как-то с Горьким, вышедшим, на прогулку, заговорила неизвестная женщина. Она оказалась женой старого большевика, которого Горький знал еще до революции. Она умоляла писателя сделать все, что в его силах — ей с дочерью, которая больна костным туберкулезом, грозит высылка из Москвы. Спросив о причине высылки, Горький узнал, что ее муж отправлен в концлагерь на пять лет и уже отбыл два года своего срока.

Горький немедленно заступился. Он позволил Ягоде и, получив ответ, что НКВД не может освободить этого человека без санкции ЦК, обратился к Енукидзе. Однако Сталин заупрямился. Его уже давно раздражало заступничество Горького за политических противников, и он заявил Ягоде, что "пора излечить Горького от привычки совать нос в чужие дела". Жену и дочь арестованного он разрешил оставить в

Москве, но его самого запретил освобождать, пока не кончится его срок.

Отношения между Горьким и Сталиным становились натянутыми. К началу 1934 года стало окончательно ясно, что столь желанной книги Сталину так и не видать.

Изоляция Горького стала еще более строгой. К нему допускались только немногие избранные, отфильтрованные НКВД. Если Горький выражал желание увидеться с кем-то посторонним, нежелательным для "органов", то этого постороннего старались немедленно услатить куда-нибудь из Москвы. В конце лета 1934 года Горький запросил заграничный паспорт, собираясь провести будущую зиму, как и предыдущие, в Италии. Однако ему было в этом отказано. Врачи, следуя сталинским указаниям, нашли, что для здоровья Горького полезнее провести эту зиму не в Италии, а в Крыму. Мнение самого Горького уже больше не принималось во внимание. Будучи знаменитым советским писателем, он принадлежал государству, поэтому право судить, что ему на пользу, а что нет, стало прерогативой Сталина.

"С паршивой овцы — хоть шерсти клок"... Не получилось с книгой, решил Сталин, пусть напишет хотя бы статью. Ягоде было приказано передать Горькому такую просьбу: приближается годовщина Октября, и хорошо бы, чтоб Горький написал для "Правды" статью "Ленин и Сталин". Руководители НКВД были уверены, что на этот раз Горький не сможет уклониться от заказа. Но он вновь оказался принципиальнее, чем они рассчитывали, и обманул ожидания Ягоды.

Вскоре после этого Сталин предпринял еще одну и, насколько мне известно, последнюю попытку воспользоваться авторитетом Горького. Дело происходило в декабре 1934 года, только что были арестованы Зиновьев и Каменев, которым намечалось предъявить обвинение в организации убийства Кирова. В эти дни Ягода передал Горькому задание написать для "Правды" статью с осуждением индивидуального террора. Сталин рассчитывал, что эту статью Горького в народе расценят как выступление писателя против "зиновьевцев". Горький, конечно, понимал, в чем дело. Он отклонил просьбу, услышанную от Ягоды, сказав при этом: "Я осуж-

даю не только индивидуальный, но и государственный террор!"

После этого Горький опять, на этот раз официально, потребовал выдать ему заграничный паспорт для выезда в Италию. Конечно, ему вновь было отказано. В Италии Горький, мог, чего доброго, действительно написать книгу, но она была бы совсем не та, какую мечтал иметь Сталин. Так писатель и остался сталинским пленником до смерти, последовавшей в июне 1936 года.

После смерти Горького сотрудники НКВД нашли в его вещах тщательно припрятанные записки. Кончив их читать, Ягода выругался и буркнул: "Как волка ни корми, он все в лес смотрит!"

Записки Горького по сей день остаются недоступны миру.

БЛИЖАЙШИЙ ДРУГ

Сталин уничтожил больше революционеров, чем все русские цари, вместе взятые. Он ликвидировал не только действительных и потенциальных соперников, но и их последователей. Стремясь избавиться от нежелательных свидетелей, отправил на тот свет своих самых верных прислужников, исполнявших его преступные распоряжения. Погубил своих старых кавказских друзей — только потому, что им было известно кое-что из его прошлого. Однако во всей этой длинной цепи "ликвидации", совершенных Сталиным на протяжении его долгой и кровавой карьеры, ничто не поразило меня так, как убийство Авеля Енукидзе.

Этот человек был самым близким другом Сталина еще со времен их юности. В середине 30-х годов Енукидзе занимал высокий пост председателя Центрального исполнительного комитета (ЦИК). Но к этому времени он утратил те черты революционера, которые его отличали раньше, и оказался одним из тех деятелей, которые выродились в типичных сановников, с упоением наслаждавшихся окружающей роскошью и своей огромной властью.

Когда я спросил своего старого приятеля, много лет бывшего личным секретарем Енукидзе, чем интересуется его шеф, последовал ответ:

— Ох, он больше всего на свете любит сравнивать, как ему живется: лучше, чем жили цари, или пока еще нет.

При этом он безнадежно махнул рукой, и в его глазах появились лукавые искорки. Заметив мое изумление, он поспешил добавить, что его шеф — "отличный мужик".

Я никогда не мог понять, на чем зиждется столь тесная дружба Сталина и Енукидзе, людей разительно непохожих друг на друга. Это касалось даже их внешности. Енукидзе был крупным светловолосым мужчиной с приятными и учтивыми манерами. В отличие от прочих сталинских приспешников он мало интересовался своей карьерой. Мне, в частности, известно, что когда в 1926 году Сталин собирался ввести его в Политбюро, ленивый Амель сказал: "Сосо, я так или иначе буду тянуть свою ляжку; ты лучше отдай это место Лазарю (Кагановичу), он так давно стремится его получить!"

Сталин с ним согласился. Он знал, что Амеля не требуется подкупать разного рода подачками, что на него можно положиться, не прибегая к специальным поощрениям. И, насколько мне известно, в дальнейшем никогда не пытался продвигать его на освобождающиеся посты, а использовал открывавшиеся в Политбюро вакансии в качестве соблазнительной приманки для других.

Теперь, когда я знаю о Енукидзе больше, я склонен думать, что он отказался от членства в Политбюро не потому, что был лишен амбиций, а потому что понимал: нужно быть слишком жестоким и беспринципным человеком, чтобы держаться за место в этом сталинском Политбюро.

Человек по натуре добродушный, Енукидзе любил помогать людям на помощь, и счастливы были те, кому в минуту житейской неудачи приходила спасительная мысль обратиться к нему. ЦИК удовлетворял почти каждую просьбу о смягчении наказания, если только она попадала в руки Енукидзе. Жены арестованных знали, что Енукидзе — единственный, к кому они могут обратиться за помощью. Действительно,

многим из них он помогал продуктами питания, направлял к ним врача, когда они или их дети были больны. Сталин обо всем этом знал, но, когда дело касалось Енукидзе, смотрел на такие вещи сквозь пальцы.

Сам я однажды тоже был свидетелем эпизода, который как нельзя лучше характеризует этого человека. В 1933 году, будучи с семьей в Австрии, я узнал, что туда прибыл Енукидзе в сопровождении свиты личных врачей и секретарей. Пробыв некоторое время в медицинской клинике профессора фон Нордена, он отправился отдыхать в Земмеринг, где занял ряд номеров в лучшей гостинице. Как-то приехав в Вену, мы с женой встретили его возле советского полпредства. Он пригласил нас провести выходной день вместе. По дороге в Земмеринг мы проезжали небольшой городок, где как раз шумела сельская ярмарка со своей традиционной каруселью и прочими нехитрыми развлечениями. Мы остановили машину и стали свидетелями живописной сцены. Невдалеке от дороги плясала группа терских казаков в национальной кавказской одежде. Завидев наш лимузин, казаки подошли поближе и, явно надеясь на щедрое вознаграждение, исполнили кавказский танец, ловко жонглируя при этом острыми кинжалами. Казаки не подозревали, что они развлекают члена советского правительства, вдобавок настоящего кавказца. Когда танец кончился, один из них приблизился к нашей машине и, с трудом переводя дыхание, протянул свою кавказскую папаху. Енукидзе вынул бумажник и положил в нее стоиллинговую купюру. Потом он жестом пригласил всех танцоров подойти поближе и каждого оделил такой же суммой, составлявшей по тем временам пятнадцать долларов — очень немалые деньги.

Когда мы двинулись дальше, телохранитель Енукидзе, ехавший с нами, обратился к нему:

— Это же были белоказак, Амель Софронович!..

— Ну и что же? — откликнулся Енукидзе, заметно покраснев. — Они тоже люди...

Помню, на меня слова Енукидзе произвели большое впечатление, хотя про себя я не одобрял такой экстравагантной щедрости. Я подсчитал в уме, что деньги, розданные Енукидзе в

течение одной минуты, семье советского колхозника пришлось бы зарабатывать целый год. Любой другой за такое поведение лишился бы партбилета, но Авелю все сходило с рук.

Енукидзе не был женат и не имел детей, хотя, казалось, самой природой он был предназначен на роль образцового семьянина. Всю душевную нежность он расточал на окружающих, на детей своих приятелей и знакомых, засыпая их дорогими подарками. В глазах детей самого Сталина наиболее привлекательным человеком был, разумеется, не их вечно угрюмый отец, а "дядя Апель", который умел плавать, катался на коньках и знал массу сказок про горных духов Сванетии и другие кавказские чудеса.

Апель Енукидзе был не только кумиром сталинских детей, но и близким другом его жены, Надежды Аллилуевой. Он дружил еще с ее отцом и знал ее буквально с пеленок. Во многих случаях, когда Аллилуева ссорилась со Сталиным, ему приходилось играть роль миротворца.

Казалось, из всего сталинского окружения только у Енукидзе было надежное положение. Вот почему опала, внезапно постигшая его в начале 1935 года, поставила в тупик многих сотрудников НКВД и породила самые фантастические слухи. Впрочем, о некоторой неуверенности Енукидзе в своем будущем можно было догадаться, прочитав его статью в одном из номеров "Правды" за январь того же года. В этой статье Енукидзе сетовал, что в воспоминания некоторых авторов о большевистском подполье Закавказья вкралось немало ошибок и искажений, требующих исправления. В частности, он признавался в своей собственной ошибке, которая состояла в преувеличении собственной роли в руководстве бакинской подпольной организацией большевиков, причем это преувеличение попало даже в Большую советскую энциклопедию.

Правда, статья, где он стремился преуменьшить свою роль в закавказском подполье, уступая первенство Сталину, еще не доказывала, что он впал в немилость. Как раз в это время в Москве во всю шла работа по фальсификации истории партии, целью которой было всячески выпятить Сталина как главного героя большевистского подполья. Многие полагали, что Енукидзе просто подает пример другим, как надо пе-

ресматривать и переписывать более ранние воспоминания. Случалось ведь, что в этих воспоминаниях старых большевиков Сталин вовсе не был упомянут или же ему уделялось совершенно недостаточное внимание, чего, разумеется, теперь нельзя было допустить.

Окружающие заметили изменение отношения Сталина к Енукидзе не так быстро, как это бывало в других случаях. Прежде всего потому, что Сталин пытался утаить свой конфликт с Енукидзе, вероятно рассчитывая прийти к какому-то с ним соглашению. Даже "выселение" Енукидзе из Кремля не вызвало никаких подозрений. А произошло оно так: в середине февраля Сталин связался по телефону с секретарем Берия и приказал ему ходатайствовать перед Москвой, чтобы товарища Енукидзе отпустили в Закавказье, поскольку имеется намерение сделать его председателем Закавказского ЦИКа.

Спустя несколько дней в "Правде" появилось сообщение, что Центральный исполнительный комитет СССР удовлетворил просьбу Закавказской советской федеративной социалистической республики и, таким образом, тов. Енукидзе переводится на работу в Тбилиси. На первый взгляд могло показаться, что Сталин направил Енукидзе в Закавказье в качестве своего полномочного представителя. Но кое-кто из кремлевских обитателей знал, что Енукидзе отправлен из Москвы не с почетным заданием, а попросту отброшен пинком сталинского сапога. Впрочем, даже для этих немногих оставалось тайной, что же вызвало ссору Сталина с его близким и единственным другом.

Дорога от Москвы до Тбилиси, если ехать поездом, занимала трое суток — достаточно для того, чтобы Енукидзе еще по пути мог обдумать свое нынешнее положение и свое будущее. Мне кажется, Сталин ожидал, что по прибытии в Тбилиси Енукидзе напишет ему покаянное письмо, прося о примирении. В таком случае он будет возвращен в Москву, хотя, возможно, его и поддержат некоторое время в Закавказье, просто ради приличия. Так или иначе, в партийных кругах никогда не узнают, что между старыми друзьями произошла ссора, и уж тем более не догадаются о ее причинах.

Однако Енукидзе такого покаянного письма не написал, очевидно решив про себя, что в положении первого человека в Закавказье он будет жить ничуть не хуже, чем в Москве. Тем более что он родился тут, на Кавказе, — с Кавказом были связаны лучшие страницы его молодости.

Сталин выждал несколько недель и, убедившись, что Енукидзе не намерен ему кланяться, решил поставить строптивца на колени более грубым приемом. Он приказал, чтобы Берия не занимался "выборами" Енукидзе на пост председателя закавказского ЦИКа; пусть вместо этого ему будет предложена должность директора санатория в Грузии. Такой оборот дела можно сравнить с тем, как если бы человеку был предложен пост директора банка, но по прибытии в банк ему объявили, что для него имеется только должность рассыльного.

Большого удара по репутации Енукидзе нельзя было себе представить. После такого издевательского предложения многим в партии стало ясно, что у Енукидзе со Сталиным произошло нечто непоправимое. Грузинские сановники, с энтузиазмом встречавшие его на тбилисском вокзале, мгновенно перестали узнавать его на улице.

Енукидзе решил, что его отношения со Сталиным на том и кончены. Однако Сталин так не считал. Он не мог спать спокойно, когда им овладевала неприязнь к кому бы то ни было. Если уже упущено время, чтобы поддержать Енукидзе на коленях как проштрафившегося друга, то оставалась еще возможность бросить его на колени как врага. Для таких случаев Сталин имел множество испытанных средств. Первое и наиболее безобидное, применявшееся по отношению к сановникам, попавшим в немилость, называлось "поставить на ноги", то есть лишить опальную персону персональной машины и личного шофера. Следующее наказание называлось "ударить по животу": нечестивца лишали права пользоваться кремлевской столовой и получать продовольствие из закрытых магазинов. Если речь шла о члене правительства, его к тому же выселяли из правительственного дома и лишали персональной охраны. Все эти меры, одну за другой пришлось испытать и Енукидзе.

Просидев в Тбилиси месяца два, он возвратился в Москву. Разумеется, его не ждали тут ни в одной из правительственных квартир, которые предоставляются наиболее важным персонам, прибывающим в столицу с периферии. Он остановился в гостинице "Метрополь", где снимали номера рядовые советские чиновники, приезжавшие в Москву по делам, а также иностранные журналисты и туристы.

Ягода и другие сталинские приближенные пытались убедить Енукидзе, что ему следует пройти обычный ритуал покаяния и признать свои "грехи" перед партией. Енукидзе не согласился. Узнав об этом, Сталин приказал Ягоде собрать необходимые сведения и составить докладную для Политбюро.

Грехи Енукидзе были известны всем. Енукидзе и его приятель Карахан из наркомата иностранных дел имели репутацию своеобразных покровителей искусства — они покровительствовали молодым балеринам из московского Большого театра. Впрочем, в этом не было, собственно, ничего криминального. Оба они были интересными мужчинами, вдобавок кремлевскими шишками, и балеринам было даже лестно привлечь их внимание. К тому же не только Енукидзе, но, насколько я помню, и Карахан был старым холостяком, и наверняка не одна из юных балерин мечтала завлечь того или другого в брачные сети. Другой грех Енукидзе, как я уже упоминал, сводился к щедрой помощи женам и детям арестованных партийцев, с которыми он когда-то был дружен. Сталину все это было известно и раньше, но теперь он требовал представить эти факты в новом свете.

Если бы Ягода копнул глубже, то в архивах НКВД он обнаружил бы сведения еще об одном прегрешении Енукидзе. В один прекрасный день, пресытившись обществом двух прелестных девушек из секретариата ЦИКа, Енукидзе выдал им превосходные характеристики за своей подписью и президентской печатью, снабдил их приличной суммой в иностранной валюте и пристроил обеих в советские торговые делегации, отправляющиеся за границу. В дальнейшем обе девушки не пожелали вернуться в СССР.

Все это было не столь уж серьезно. Главное обвинение, состряпанное Ягодой по наущению Сталина, состояло в том,

что Енукидзе засорил аппарат ЦИКа и Кремля в целом нелояльными элементами. В этом не было и зерна правды. Проверка лояльности кремлевского персонала была обязанностью вовсе не Енукидзе, а НКВД. Но чтобы придать этому обвинению хоть какой-то вес, НКВД срочно объявил десятка два служащих из аппарата Енукидзе политически ненадежными и уволил их.

В числе кремлевских служащих была очень интеллигентная пожилая дама, работавшая здесь еще с дореволюционных времен. Это была совершенно аполитичная и безобидная особа, сведущая в вопросах хранения произведений искусства, все еще остававшихся в бывшем царском дворце на территории Кремля. Эта дама была единственным в Кремле человеком, помнившим, как должен быть сервирован стол для правительственных банкетов и официальных приемов. Она же преподавала простоватым супругам кремлевских тузов правила поведения в обществе, посвящала их в тайны светского этикета. Все, начиная от Сталина, знали о присутствии в Кремле этой дамы и не считали ее чуждым элементом. Но теперь, когда потребовалось напасть на Енукидзе, Сталин подал Ягоде мысль произвести скромную пожилую женщину в княгини и придумать целую историю, как она пробралась в Кремль при благосклонном содействии Енукидзе. Княгиня в сталинском Кремле! Сталин был мастером выдумывать такие маленькие сенсации.

Я припоминаю, кстати, и другой подобный случай. За восемь лет до этих событий, в 1927 году, Ягода доложил Сталину, что ОГПУ обнаружило и конфисковало гектограф, на котором группа юных троцкистов изготавливала антисталинские листовки. Гектограф был обнаружен с помощью некоего Строилова — провокатора, состоявшего агентом ОГПУ. Строилов обещал легкомысленным приверженцам Троцкого достать необходимый запас бумаги и другие материалы, нужные для работы на гектографе. "Ладно! — заявил Сталин Ягоде. — Теперь повысьте своего агента в чине. Пусть он станет врангелевским офицером, а в рапорте вы напишите, что троцкисты сотрудничали с белогвардейцем-врангелевцем".

Миф о кремлевской княгине появился на свет точно так же, экспромтом, как и пресловутая выдумка про врангелевского офицера.

На основе донесения, написанного Ягодой, комиссия партийного контроля исключила Енукидзе из партии "за политическое и моральное разложение". Решением комиссии, опубликованным в газетах 7 июня 1935 года, Енукидзе обвинялся в том, что он вел аморальный образ жизни, засорил аппарат Кремля и ЦИКа антисоветскими элементами и, кроме того, разыгрывая из себя "доброго дядю", покровительствовал лицам, враждебным советской власти.

После этого Ягода, продолжая выполнять сталинские инструкции, предупредил Енукидзе, что если он не сознается во всех своих грехах и не покается публично, его ждут новые обвинения, на этот раз уголовно-политического характера. Это означало, что Ягода угрожает Енукидзе тюремным заключением или даже смертной казнью, хотя я думаю, что Енукидзе до последнего момента не верил, что Сталин так расправится с ним. Впрочем, каковы бы ни были его соображения, он достаточно хорошо знал "Сосо" и, не считая возможным полагаться на его обещания, отказался клеветать на себя. Енукидзе мог позволить тебе такую роскошь: ему не надо было бояться ни за жену, ни за детей.

Пока был жив Орджоникидзе, с которым Енукидзе и Сталин составляли дружественное грузинское трио, Сталин воздерживался от нанесения бывшему другу окончательного удара. Но в феврале 1937 года Орджоникидзе внезапно "умер", и Сталин решил довести конфликт с Енукидзе до логического конца. В тех случаях, когда дело шло о мести, "логический конец", с точки зрения Сталина, мог означать только одно: физическое уничтожение противника.

Когда Енукидзе услышал от руководителей НКВД, что он обвиняется в измене родине и шпионаже, он разрыдался. До этой минуты он, по-видимому, был уверен, что к нему Сталин не сможет применить свои крайние меры.

Следователи НКВД обращались с Енукидзе не столь жестоко, как с вождями оппозиции. Для расправы с оппозицией

сотрудники "органов" тренировались и натаскивались в течение долгих десяти лет. А Енукидзе никогда не участвовал в оппозиции, да вдобавок еще совсем недавно принадлежал к узкому кругу обитателей Кремля. Наконец, следователи считались с тем, что — чем черт не шутит — вдруг Сталин в последний момент помирится с Енукидзе, и тот, вернув себе прежнее положение, сумеет расправиться с теми, кто его мучил.

Своим следователям Енукидзе сообщил действительную причину конфликта со Сталиным.

Все мое преступление, — сказал он, — состоит в том, что когда он сказал мне, что хочет устроить суд и расстрелять Каменева и Зиновьева, я попытался его отговаривать. "Со-со, — сказал я ему, — спору нет, они навредили тебе, но они уже достаточно пострадали за это: ты исключил их из партии, ты держишь их в тюрьме, их детям нечего есть. Сосо, — сказал я, — они старые большевики, как ты и я. Ты не станешь проливать кровь старых большевиков! Подумай, что скажет о нас весь мир!" Он посмотрел на меня такими глазами, точно я убил его родного отца, и сказал: "Запомни, Амель, кто не со мной — тот против меня!"

Неравная борьба Енукидзе со Сталиным была окончена. 19 декабря 1937 года в газетах появилось короткое сообщение: военный трибунал на закрытом заседании приговорил его, а заодно и Карахана и еще пятерых к смертной казни за шпионско-террористическую деятельность. Приговор тут же был приведен в исполнение.

НАДЕЖДА АЛЛИЛУЕВА ПАВЕЛ АЛЛИЛУЕВ

1

В 1919 году сорокалетний Сталин женился на молоденькой Надежде Аллилуевой. Ей тогда было всего семнадцать лет; одновременно с ней Сталин ввел в свой дом ее брата-погодка.

Советский народ впервые узнал имя Надежды Аллилуевой в ноябре 1932 года, когда она умерла и по улицам Москвы потянулась грандиозная похоронная процессия — похороны, которые устроил ей Сталин, по пышности могли выдержать сравнение с траурными кортежами российских императриц.

Умерла она в возрасте тридцати лет, и, естественно, всех интересовала причина этой столь ранней смерти. Иностранные журналисты в Москве, не получив официальной информации, вынуждены были довольствоваться ходившими по городу слухами: говорили, например, что Аллилуева погибла в автомобильной катастрофе, что она умерла от аппендицита и т.п.

Получалось, что молва подсказывает Сталину целый ряд приемлемых версий, однако он не воспользовался ни одной из них. Некоторое время спустя им была выдвинута такая версия: его жена болела, начала выздоравливать, однако вопреки советам врачей слишком рано встала с постели, что вызвало осложнение и смерть.

Почему нельзя было сказать просто, что она заболела и умерла? На то была своя причина: всего за полчаса до смерти Надежду Аллилуеву видели живой и здоровой, окруженной многочисленным обществом советских сановников и их жен, на концерте в Кремле. Концерт давался 8 ноября 1932 года по случаю пятнадцатой годовщины Октября.

Что же в действительности вызвало внезапную смерть Аллилуевой? Среди сотрудников ОГПУ циркулировало две версии: одна, как бы апробированная начальством, гласила, что Надежда Аллилуева застрелилась, другая, передаваемая шепотом, утверждала, что ее застрелил Сталин.

О подробностях этого дела мне кое-что поведал один из моих бывших подчиненных, которого я рекомендовал в личную охрану Сталина. В эту ночь он как раз нес дежурство в сталинской квартире. Вскоре после того как Сталин с женой вернулись с концерта, в спальне раздался выстрел. "Когда мы туда ворвались, — рассказывал охранник, — она лежала на полу в черном шелковом вечернем платье, с завитыми волосами. Рядом с ней валялся пистолет".

В его рассказе была одна странность: он не обмолвился ни

словом, где был сам Сталин, когда прозвучал выстрел и когда охрана вбежала в спальню, оказался ли он тоже там или нет. Охранник умалчивал даже о том, как воспринял Сталин неожиданную смерть жены, какие распоряжения он отдал, послал ли за врачом... У меня определенно сложилось впечатление, что этот человек хотел бы сообщить мне что-то очень важное, но ожидал вопросов с моей стороны. Опасаясь зайти в разговор слишком далеко, я поспешил переменить тему.

Итак, мне стало известно от непосредственного свидетеля происшествия, что жизнь Надежды Аллилуевой оборвал пушечный выстрел. Чья рука нажала на спуск — остается тайной. Однако, если подытожить все, что я знал об этом супружестве следует, пожалуй, заключить, что это было самоубийство.

Для высокопоставленных сотрудников ОГПУ-НКВД не было тайной, что Сталин и его жена жили очень недружно. Избалованный неограниченной властью и лестью своих приближенных, привыкший к тому, что все его слова и поступки не вызывают ничего, кроме единодушного восхищения, Сталин позволял себе в присутствии жены столь сомнительные шутки и непристойные выражения, какие ни одна уважающая себя женщина не может выдержать. Она чувствовала, что, оскорбляя ее таким поведением, он получает явное удовольствие, особенно когда все это происходит на людях, в присутствии гостей, на званом обеде или вечеринке. Робкие попытки Аллилуевой одернуть его вызвали немедленный грубый отпор, а в пьяном виде он разражался отборнейшим матом.

Охрана, любившая ее за безобидный характер и дружеское отношение к людям, нередко заставляла ее плачущей. В отличие от любой другой женщины она не имела возможности свободно общаться с людьми и выбирать друзей по собственной инициативе. Даже встречая людей, которые ей нравились, она не могла пригласить их "в дом к Сталину", не получив разрешения от него самого и от руководителей ОГПУ, отвечавших за его безопасность.

В 1929 году, когда партийцы и комсомольцы были брошены на подъем промышленности под лозунгом скорейшей индустриализации страны, Надежда Аллилуева захотела внести в это дело свою лепту и выразила желание поступить в какое-нибудь учебное заведение, где можно получить техническую специальность. Сталин об этом и слышать не хотел. Однако она обратилась за содействием к Авелю Енукидзе, тот заручился поддержкой Серго Орджоникидзе, и совместными усилиями они убедили Сталина отпустить Надежду учиться. Она выбрала текстильную специальность и начала изучать вискозное производство.

Итак, супруга диктатора сделалась студенткой. Были приняты чрезвычайные меры предосторожности, чтобы никто в институте, за исключением директора, не узнал и не догадался, что новая студентка — жена Сталина. Начальник Оперативного управления ОГПУ Паукер пристроил на тот же факультет под видом студентов двоих тайных агентов, на которых была возложена забота о ее безопасности. Шоферу автомобиля, который должен был доставлять ее на занятия и привозить обратно, было строго приказано не останавливаться у институтского подъезда, а заворачивать за угол, в переулок, и там ждать свою пассажирку. В дальнейшем, в 1931 году, когда Аллилуева получила в подарок новенький "газик" (советскую копию "форда"), она стала приезжать в институт без шофера. Агенты ОГПУ, разумеется, следовали за ней по пятам в другой машине. Ее собственный автомобиль не вызывал в институте никаких подозрений — в это время в Москве уже насчитывалось несколько сот крупных чиновников, имеющих собственные машины. Она была счастлива, что ей удалось вырваться из затхлой атмосферы Кремля, и отдалась учебе с энтузиазмом человека, делающего важное государственное дело.

Да, Сталин сделал большую ошибку, позволив своей жене общаться с рядовыми гражданами. До сих пор она знала о политике правительства только из газет и официальных выступлений на партийных съездах, где все, что ни делалось, объяснялось благородной заботой партии об улучшении жиз-

ни народа. Она, конечно, понимала, что ради индустриализации страны народ должен принести какие-то жертвы и во многом себе отказывать, но она верила заявлениям, будто жизненный уровень рабочего класса из года в год повышается.

В институте ей пришлось убедиться, что все это неправда. Она была поражена, узнав, что жены и дети рабочих и служащих лишены права получать продовольственные карточки, а значит, и продукты питания. Узнала она и о том, что тысячам советских девушек — машинисткам, делопроизводителям и другим мелким служащим — приходится торговать своим телом, чтобы не умереть с голоду и как-то поддержать нетрудоспособных родителей. Но даже это оказалось не самым страшным. Студенты, мобилизованные на коллективизацию, рассказали Аллилуевой о массовых расстрелах и высылке крестьян, о жестоком голоде на Украине, о тысячах осиротевших ребят, скитающихся по стране и живущих подаянием. Думая, что Сталин не знает всей правды о том, что творится в государстве, она рассказала ему и Енукидзе, что говорят в институте. Сталин уклонился от разговора на эти темы, упрекнув жену, что она "собирает троцкистские сплетни".

Между тем двое студентов, вернувшись с Украины, рассказали ей, что в районах, особенно тяжело пораженных голодом, отмечены случаи людоедства и что они лично принимали участие в аресте двоих братьев, у которых были найдены куски человеческого мяса, предназначенные для продажи. Аллилуева, пораженная ужасом, пересказала этот разговор Сталину и начальнику его личной охраны Паукеру.

Сталин решил положить конец враждебным вылазкам в своем собственном доме. Обрушившись на жену с матерной бранью, он заявил ей, что больше она в институт не вернется. Паукеру он приказал разузнать, кто эти два студента, и арестовать их. Задание было нетрудным: тайные агенты Паукера, приставленные к Аллилуевой, были обязаны наблюдать, с кем она встречается в стенах института и о чем разговаривает. Из этого случая Сталин сделал общий "оргвывод": он приказал ОГПУ и комиссии партийного контроля начать во всех институтах и техникумах свирепую чистку, обращая осо-

бое внимание на тех студентов, кто был мобилизован на проведение коллективизации.

Аллилуева не посещала свой институт около двух месяцев и только благодаря вмешательству своего "ангела-хранителя" Енукидзе получила возможность закончить курс обучения.

Месяца через три после смерти Надежды Аллилуевой у Паукера собрались гости; зашла речь о покойной. Кто-то сказал, сожалея о ее безвременной смерти, что она не пользовалась своим высоким положением и вообще была скромной и кроткой женщиной.

— Кроткой? — саркастически переспросил Паукер. — Значит, вы ее не знали. Она была очень вспыльчива. Хотел бы я, чтоб вы посмотрели, как она вспыхнула однажды и крикнула ему прямо в лицо: "Мучитель ты, вот ты кто! Ты мучаешь собственного сына, мучаешь жену... ты весь народ замучил!"

Я слышал еще о такой ссоре Аллилуевой со Сталиным. Летом 1931 года, накануне дня, намеченного для отъезда супругов на отдых на Кавказ, Сталин по какой-то причине обозлился и обрушился на жену со своей обычной площадной бранью. Следующий день она провела в хлопотах, связанных с отъездом. Появился Сталин, и они сели обедать. После обеда охрана отнесла в машину небольшой чемоданчик Сталина и его портфель. Остальные вещи уже заранее были доставлены прямо в сталинский поезд. Аллилуева взялась за коробку со шляпой и указала охранникам на чемоданы, которые собрала для себя. "Ты со мной не поедешь, — неожиданно заявил Сталин. — Останешься здесь!"

Сталин сел в машину рядом с Паукером и уехал. Аллилуева, пораженная, так и осталась стоять со шляпной коробкой в руках.

У нее, разумеется, не было ни малейшей возможности избавиться от деспота-мужа. Во всем государстве не нашлось бы закона, который мог ее защитить. Для нее это было даже не супружество, а, скорее, капкан, освободить из которого могла только смерть.

Тело Аллилуевой не было подвергнуто кремации. Ее похоронили на кладбище, и это обстоятельство тоже вызвало понятное удивление: в Москве уже давно утвердилась традиция, согласно которой умерших партийцев полагалось кремировать. Если покойный был особенно важной персоной, урна с его прахом замуровывалась в древние кремлевские стены. Прах сановников меньшего калибра покоился в стене крематория. Аллилуеву как жену великого вождя должны были, конечно, удостоить ниши в кремлевской стене.

Однако Сталин возразил против кремации. Он приказал Ягоде организовать пышную похоронную процессию и погребение умершей на старинном привилегированном кладбище Новодевичьего монастыря, где были похоронены первая жена Петра Первого, его сестра Софья и многие представители русской знати.

Ягоду неприятно поразило то, что Сталин выразил желание пройти за катафалком весь путь от Красной площади до монастыря, то есть около семи километров. Отвечая за личную безопасность "хозяина" в течение двенадцати с лишним лет, Ягода знал, как он стремится избежать малейшего риска. Всегда окруженный личной охраной, Сталин, тем не менее, вечно придумывал добавочные, порой доходящие до смешного приемы для еще более надежного обеспечения собственной безопасности. Став единовластным диктатором, он ни разу не рискнул пройтись по московским улицам, а когда собирался осмотреть какой-нибудь вновь построенный завод, вся заводская территория, по его приказу, освобождалась от рабочих и занималась войсками и служащими ОГПУ. Ягода знал, как попадало Паукеру, если Сталин, идя из своей кремлевской квартиры в рабочий кабинет, нечаянно встречался с кем-нибудь из кремлевских служащих, хотя весь кремлевский персонал состоял из коммунистов, проверенных и перепроверенных ОГПУ. Понятно, что Ягода не мог поверить своим ушам: Сталин хочет пешком следовать за катафалком по улицам Москвы!

Новость о том, что Аллилуеву похоронят на Новодевичьем, была опубликована за день до погребения. Многие улицы

в центре Москвы узки и извилисты, а траурная процессия, как известно, движется медленно. Что стоит какому-нибудь террористу высмотреть из окна фигуру Сталина и бросить сверху бомбу или обстрелять его из пистолета, а то и винтовки? Докладывая Сталину по нескольку раз в день о ходе подготовки к похоронам, Ягода каждый раз делал попытки отговорить его от опасного предприятия и убедить, чтобы он прибыл непосредственно на кладбище в последний момент, в машине. Безуспешно. Сталин то ли решил показать народу, как он любил жену, и тем опровергнуть возможные невыгодные для него слухи, то ли его тревожила совесть — как-никак он стал причиной смерти матери своих детей.

Ягоде и Паукеру пришлось мобилизовать всю московскую милицию и срочно вытребовать в Москву тысячи чекистов из других городов. В каждом доме на пути следования траурной процессии был назначен комендант, обязанный загнать всех жильцов в дальние комнаты и запретить выходить оттуда. В каждом окне, выходящем на улицу, на каждом балконе торчал гепеушник. Тротуары заполнились публикой, состоящей из милиционеров, чекистов, бойцов войск ОГПУ и мобилизованных партийцев. Все боковые улицы вдоль намеченного маршрута с раннего утра пришлось перекрыть и очистить от прохожих.

Наконец, в три часа дня 11 ноября похоронная процессия в сопровождении конной милиции и частей ОГПУ двинулась с Красной площади. Сталин действительно шел за катафалком, окруженный прочими "вождями" и их женами. Казалось бы, были приняты все меры, чтобы уберечь его от малейшей опасности. Тем не менее, его мужества хватило ненадолго. Минут через десять, дойдя до первой же встретившейся на пути площади, он вдвоем с Паукером отделился от процессии, сел в ожидавшую его машину, и кортеж автомобилей, в одном из которых был Сталин, промчался круглым путем к Новодевичьему монастырю. Там Сталин дождался прибытия похоронной процессии.

2

Как я уже упоминал, Павел Аллилуев последовал за сестрой, когда она вышла замуж за Сталина. В эти первые годы Сталин был нежен с молодой женой и относился к ее брату, как к члену своей семьи. В его доме Павел познакомился с несколькими большевиками, мало тогда известными, но в дальнейшем занявшими основные посты в государстве. В их числе был Клим Ворошилов, будущий нарком обороны. Ворошилов хорошо относился к Павлу и нередко брал его с собой, отправляясь на войсковые маневры, авиационные и парашютные парады. Видимо, он хотел пробудить у Павла интерес к военной профессии, но тот предпочитал какое-нибудь более мирное занятие, мечтая сделаться инженером.

Я впервые встретил Павла Аллилуева в начале 1929 года. Дело происходило в Берлине. Оказывается, Ворошилов включил его в советскую торговую миссию, где он наблюдал за качеством поставок немецкого авиационного оборудования, заказанного наркоматом обороны СССР. Павел Аллилуев был женат, и у него было двое маленьких детей. Его жена, дочь православного священника, работала в отделе кадров торговой миссии. Сам Аллилуев числился инженером и состоял в местной партийной ячейке. Среди огромной советской колонии в Берлине никто, кроме нескольких руководящих работников, не знал, что Аллилуев — родственник Сталина.

Как сотрудник госконтроля я имел задание наблюдать за всеми экспортными и импортными операциями, проводившимися торговой миссией, включая секретные военные закупки, делавшиеся в Германии. Поэтому Павел Аллилуев был подчинен мне по службе и мы проработали с ним рука об руку на протяжении двух с лишним лет.

Помню, когда он впервые зашел ко мне в кабинет, я был поражен его сходством с сестрой — те же правильные черты лица, те же восточные глаза, с печальным выражением смотревшие на свет. Со временем я убедился, что и характером он во многом напоминает сестру — такой же порядочный,

искренний и необычайно скромный. Хочу подчеркнуть еще одно его свойство, так редко встречающееся среди советских чиновников: он никогда не применял оружие, если его противник был безоружен. Будучи шурином Сталина и другом Ворошилова, то есть сделавшись человеком очень влиятельным, он никогда не давал этого понять тем служащим миссии, кто из карьеристских побуждений или просто из-за скверного характера плел против него интриги, не зная, с кем имеет дело.

Припоминаю, как некий инженер, подчиненный Аллилуеву и занимавшийся проверкой и приемкой авиационных двигателей, изготовленных германской фирмой, направил руководству миссии докладную записку, где было сказано, что Аллилуев водит подозрительную дружбу с немецкими инженерами и, подпав под их влияние, спустя рукава следит за проверкой авиационных двигателей, отправляемых в СССР. Информатор посчитал нужным добавить, что Аллилуев к тому же читает газеты, издаваемые русскими эмигрантами.

Руководитель торговой миссии показал эту бумагу Аллилуеву, заметив при этом, что он готов отослать кляузника в Москву и потребовать вообще его исключения из партии и удаления из аппарата Внешторга. Аллилуев попросил этого не делать. Он сказал, что человек, о котором идет речь, хорошо разбирается в моторах и проверяет их очень добросовестно. Кроме того, он пообещал поговорить с ним с глазу на глаз и излечить его от интригантских наклонностей. Как видим, Аллилуев был слишком благородный человек, чтоб мстить слабому.

За два года совместной работы мы касались в разговорах очень многих тем, но лишь изредка говорили о Сталине. Дело в том, что Сталин уже тогда не слишком меня интересовал. Того, что я успел узнать о нем, было достаточно, чтобы на всю жизнь проникнуться отвращением к этой личности. Да и что нового мог рассказать о нем Павел? Он как-то упомянул о том, что Сталин, опьянев от водки, начинал распевать духовные гимны. В другой раз я услышал от Павла о таком эпизоде: как-то на сочинской вилле, выйдя из столо-

вой с физиономией, искаженной гневом, Сталин швырнул на пол столовой нож и выкрикнул: "Даже в тюрьме мне давали нож острее!"

С Аллилуевым я расстался в 1931 году, так как меня перевели на работу в Москву. На протяжении последующих лет мне почти не приходилось встречаться с ним: то я был в Москве, а он за границей, то наоборот.

В 1936 году его назначили начальником политуправления бронетанковых войск. Его непосредственными начальниками сделались Ворошилов, начальник политуправления Красной армии Гамарник и маршал Тухачевский. Читателю известно, что на следующий год Сталин обвинил Тухачевского и Гамарника в измене и антиправительственном заговоре, и оба они погибли.

В конце января 1937 года, находясь в Испании, я получил от Аллилуева очень теплое письмо. Он поздравлял меня с получением высшей советской награды — ордена Ленина. В письме оказался постскрипtum очень странного содержания. Павел писал, что был бы рад возможности снова поработать со мной и что готов прибыть в Испанию, если я проявлю инициативу и попрошу Москву, чтобы его назначили сюда. Я не мог понять, почему именно мне нужно поднимать этот вопрос: ведь Павлу достаточно сказать о своем желании Ворошилову, и дело будет сделано. Поразмыслив, я решил, что постскрипtum приписан Аллилуевым просто из вежливости: ему хотелось еще раз выразить мне свою симпатию, изъявляя готовность снова работать вместе, он хотел еще раз продемонстрировать свои дружеские чувства.

Осенью того же года, попав по делам службы в Париж, я решил осмотреть проходившую там международную выставку и, в частности, советский павильон. В павильоне я почувствовал, что кто-то обнял меня сзади за плечи. Обернулся — на меня смотрело улыбающееся лицо Павла Аллилуева.

— Что ты тут делаешь? — с удивлением спросил я, подразумевая под словом "тут", конечно, не выставку, а вообще Париж.

— О н и меня послали работать на выставке, — ответил

Павел с кривой усмешкой, называя какую-то незначительную должность, занимаемую им в советском павильоне.

Я решил, что он шутит. Было невозможно поверить, что вчерашний комиссар всех бронетанковых сил Красной армии назначен на должность, которую мог бы занять любой беспартийный нашего парижского торгпредства. Тем более невероятно, чтобы такое случилось со сталинским родственником.

Вечер того дня был у меня занят: резидент НКВД во Франции и его помощник пригласили меня поужинать в дорогом ресторане на левом берегу Сены, вблизи площади Сен-Мишель. Я поспешно нацарапал Павлу на листке бумаги адрес ресторана и попросил его присоединиться.

В ресторане, к моему удивлению, обнаружилось, что ни резидент, ни его помощник с Павлом не знакомы. Я представил их друг другу. Обед уже кончался, когда Павлу понадобилось отлучиться на несколько минут. Воспользовавшись его отсутствием, резидент НКВД пригнулся к моему уху и прошептал: "Если б я знал, что вы его сюда приведете, я бы вас предупредил... Мы имеем приказ Ежова держать его под наблюдением!"

Я опешил.

Выйдя с Павлом из ресторана, мы не торопясь прошли по набережной Сены. Я спросил его, как же могло случиться, что его послали работать на выставку. "Очень просто, — с горечью ответил он. — Им требовалось отправить меня куда-нибудь подальше от Москвы". Он приостановился, испытующе поглядел на меня и спросил: "Ты обо мне ничего не слышал?"

Мы свернули в боковую улочку и сели за стол в углу скромного кафе.

— В последние годы произошли большие изменения... — начал Аллилуев.

Я молчал, ожидая, что за этим последует.

— Тебе, должно быть, известно, к а к умерла моя сестра... — и он нерешительно замолк.

Я кивнул, ожидая продолжения.

— Ну, и с тех пор о н перестал меня принимать.

Однажды Аллилуев, как обычно, приехал к Сталину на дачу. У ворот к нему вышел дежурный охранник и сказал: "Приказано никого сюда не пускать". На следующий день Павел позвонил в Кремль. Сталин говорил с ним обычным тоном и пригласил к себе на дачу в ближайшую субботу. Прибыв туда, Павел увидел, что идет перестройка дачи, и Сталина там нет... Вскоре Павла по служебным делам откомандировали из Москвы. Когда через несколько месяцев он вернулся, к нему явился какой-то сотрудник Паукера и отобрал у него кремлевский пропуск, якобы для того, чтобы продлить срок его действия. Пропуск так и не вернули.

— Мне стало ясно, — говорил Павел, — что Ягода и Паукер ему внушили: после того, что произошло с Надеждой, лучше, чтоб я держался от него подальше.

— О чем они там думают! — внезапно взорвался он. — Что я им, террорист, что ли? Идиоты! Даже тут они подглядывают за мной!

Мы проговорили большую часть ночи и расстались, когда уже начинало светать. В ближайшие дни мы условились встретиться снова. Но мне пришлось срочно вернуться в Испанию, и мы с ним больше не виделись.

Я понимал, что Аллилуеву угрожает большая опасность. Рано или поздно придет день, когда Сталину станет невозможно от мысли, что где-то неподалеку по улицам Москвы все еще бродит тот, кого он сделал своим врагом и чью сестру он свел в могилу.

В 1939 году, проходя мимо газетного киоска, — это было уже в Америке — я заметил советскую газету, — то ли "Известия", то ли "Правду". Купив газету, я тут же на улице начал ее просматривать, и в глаза мне бросилась траурная рамка. Это был некролог, посвященный Павлу Аллилуеву. Еще не успев прочитать текст, я подумал: "Вот он его и доконал!" В некрологе "с глубокой скорбью" сообщалось, что комиссар бронетанковых войск Красной армии Аллилуев безвременно погиб "при исполнении служебных обязанностей". Под текстом стояли подписи Ворошилова и еще нескольких

военачальников. Подписи Сталина не было. Как в отношении Надежды Аллилуевой, так и теперь власти тщательно избегали подробностей...

ВЫШИНСКИЙ

Не зная закулисной стороны московских процессов, мировая общественность склонна была считать прокурора Вышинского одним из главных режиссеров этих спектаклей. Полагали, что этот человек оказал существенное влияние на судьбу подсудимых. В таком представлении нет ничего удивительного: ведь действительные организаторы процессов (Ягода, Ежов, Молчанов, Агранов, Заковский и прочие) все время оставались в тени и именно Вышинскому было официально поручено выступать на "открытых" судебных процессах в качестве генерального обвинителя.

Читатель будет удивлен, если я скажу, что Вышинский сам ломал себе голову, пытаясь догадаться, какими чрезвычайными средствами НКВД удалось сокрушить, парализовать волю выдающихся ленинцев и заставить их оговаривать себя.

Одно было ясно Вышинскому: подсудимые невиновны. Как опытный прокурор, он видел, что их признания не подтверждены никакими объективными доказательствами вины. Кроме того, руководство НКВД сочло нужным раскрыть Вышинскому некоторые свои карты и указать ему на ряд опасных мест, которые он должен был старательно обходить на судебных заседаниях.

Вот, собственно, и все, что было известно Вышинскому. Главные тайны следствия не были доступны и ему. Никто из руководителей НКВД не имел права сообщать ему об указаниях, получаемых от Сталина, о методах следствия и инквизиторских приемах, испытанных на каждом из арестованных, или о переговорах, которые Сталин вел с главными обвиняемыми. От Вышинского не только не зависела судьба подсудимых, — он не знал даже, какой приговор заранее заготовлен для каждого из них.

Многих за границей сбила с толку статья одной американской журналистки, пользующейся мировой известностью. Эта дама писала о Вышинском, как о чудовище, пославшем на смерть своих вчерашних друзей — Каменева, Бухарина и многих других. Но они никогда не были друзьями Вышинского. В дни Октября и гражданской войны они находились по разным сторонам баррикады. До 1920 года Вышинский был меньшевиком. Мне думается, многие из старых большевиков впервые услышали эту фамилию только в начале 30-х годов, когда Вышинский был назначен генеральным прокурором, а увидели его своими глазами не ранее 1935 года, когда их ввели под конвоем в зал заседаний военного трибунала, чтобы судить за участие в убийстве Кирова.

Руководство НКВД относилось к Вышинскому не то чтобы с недоверием, а скорее со снисходительностью — так, как влиятельные сталинские бюрократы с партбилетом в кармане привыкли относиться к беспартийным. Даже инструктируя его, с какой осторожностью он должен касаться некоторых скользких моментов обвинения, они ни разу не назвали свои фальсификации их настоящим именем.

У Вышинского были основания ненавидеть этих надменных хозяев положения. Он понимал, что ему придется всячески лавировать на суде, маскируя их топорную работу, и своим красноречием прикрывать идиотские натяжки, имеющиеся в деле каждого обвиняемого. Понимал он и другое: если эти подтасовки как-нибудь обнаружатся на суде, то инквизиторы сделают козлом отпущения именно его, пришив ему в лучшем случае "попытку саботажа".

У руководителей НКВД в свою очередь были основания не любить Вышинского. Во-первых, они презирали его как бывшего узника "органов": в архивах все еще хранилось его старое дело, где он обвинялся в антисоветской деятельности. Во-вторых, их снедало чувство ревности — к нему было приковано внимание всего мира, следившего за ходом сенсационных процессов, а им, истинным творцам этих грандиозных спектаклей, как говорится "из ничего" состряпавшим чудовищный заговор и ценой невероятных усилий сумевшим

сломать и приручить каждого из обвиняемых, — им суждено оставаться в тени!

Побывав когда-то в здании на Лубянке в качестве заключенного, Вышинский побаивался и этого здания, и работавших там людей. И хотя в советской иерархии он занимал куда более высокое положение, чем, скажем, начальник Секретного политического управления НКВД Молчанов, он по первому вызову Молчанова являлся к нему с неизменной подхалимской улыбкой на лице. Что же касается Ягоды — тот и вовсе удостоил Вышинского только одной встречи за все время подготовки первого московского процесса.

Задание, полученное от НКВД, Вышинский исполнял с чрезвычайным старанием. На протяжении всех трех процессов он все время держался настороже, постоянно готовый парировать любой, даже самый слабый намек подсудимых на их невиновность. Пользуясь поддержкой подсудимых, как бы соревнующихся друг с другом в самооговоре, Вышинский употреблял всевозможные трюки, дабы показать миру, что вина обвиняемых полностью доказана и никакие сомнения более не уместны. Одновременно он не упускал случая превозносить до небес "великого вождя и учителя", а в обвинительной речи неизменно требовал для всех подсудимых смертной казни.

Ему самому очень хотелось выжить — и в этом был главный секрет его рвения. Он пустил в ход все свои актерские способности, играл самозабвенно, ибо ставка в его игре была высока. Зная, что перед ним на скамье подсудимых — невинные жертвы сталинского режима, что в ближайшие часы их ждет расстрел в подвалах НКВД, он, казалось, испытывал искренне наслаждение, когда топтал остатки их человеческого достоинства, черня все, что в их биографиях казалось ему наиболее ярким и возвышенным. Выходя далеко за рамки обвинительного заключения, он позволял себе заявлять что подсудимые " всю жизнь носили маски", что "под прикрытием громких фраз эти провокаторы служили не делу революции и пролетариата, а контрреволюции и буржуазии". Так поносил вождей Октября человек, который в

октябрьские дни и на всем протяжении гражданской войны был врагом революции и республики Советов!

С садистическим наслаждением оскорбляя обреченных на смерть, он клеймил их позорными кличками — "шпионы и изменники", "зловонная куча человеческих отбросов", "звери в человеческом облике", "отвратительные негодяи"...

"Расстрелять их всех, как бешеных псов!" — требовал Вышинский. "Раздавить проклятую гадину!" — взывал он к судьям.

Нет, он не был похож на человека, исполняющего свои обязанности по принуждению. Он обрушивался на беззащитных сталинских узников с таким искренним удовольствием не только потому, что Сталину требовалось свести с ними счеты, но и потому, что сам был рад возможности посчитаться со старыми большевиками. Он знал, что, пока старая гвардия сохраняет в партии свой авторитет и пользуется правом голоса, таким, как Вышинский, суждено оставаться париями.

Говоря так, я основываюсь на своих собственных наблюдениях: мне пришлось работать с Вышинским в Верховном суде в те далекие времена, когда оба мы были прокурорами по надзору и состояли в одной партийной ячейке.

Я приступил к работе в Верховном революционном трибунале, а затем в Верховном суде задолго до того, как там появился Вышинский. В то время членами Верховного суда состояли почти исключительно большевики из старой гвардии; самым выдающимся из них был Николай Крыленко, сподвижник Ленина, первый советский главковерх (командующий всеми вооруженными силами). В состав Верховного суда входили также старый латышский революционер Отто Карклин, отбывший срок на царской каторге; бывший фабричный рабочий Николай Немцов, активный участник революции девятьсот пятого года, приговоренный царским судом к пожизненной ссылке в Сибирь; руководитель комиссии партийного контроля Арон Сольц, возглавлявший в Верховном суде юридическую коллегию; Александр Галкин, председатель кассационной коллегии, и ряд других старых большевиков, направленных сюда на работу, чтобы укрепить пролетарское влияние в советском правосудии.

Эти люди провели немалую часть жизни в царских тюрьмах, на каторге и в сибирской ссылке. Революцию и советскую власть они не считали источником каких-то благ для себя, не искали высоких постов и личных выгод. Они бедно одевались, хотя могли иметь любую одежду, какую только пожелают, и ограничивались скудным питанием, в то время как многие из них нуждались в специальной диете, чтобы поправить здоровье, пошатнувшееся в царских тюрьмах.

В 1923 году Вышинский появился в Верховном суде в качестве прокурора юридической коллегии. В нашей бесхитростной атмосфере, среди простых и скромных людей он чувствовал себя не в своей тарелке. Он был щеголеват, умел "подать себя", был мастером любезных расшаркиваний, напоминая манерами царского офицера. На революционера он никак не был похож. Вышинский очень старался завязать дружеские отношения со своим новым окружением, но не преуспел в этом.

Я занимал тогда должность помощника прокурора апелляционной коллегии Верховного суда. Все мы — прокуроры и судьи — раз в день сходились в "совещательную комнату" попить чайку. Часто за чашкой чая завязывались интересные разговоры. Но я заметил одну примечательную вещь: стоило войти сюда Вышинскому, как разговор немедленно затихал и кто-нибудь обязательно произносил стандартную фразу: "Ну, пора и за работу!"

Вышинский заметил это и перестал приходить на наши чаепития.

Хорошо помню, как однажды, когда мы все сидели в этой комнате, дверь приоткрылась и заглянул Вышинский. Все посмотрели в его сторону, но он не вошел и быстро притворил дверь.

— Я его терпеть не могу! — с гримасой неприязни сказал Галкин, председатель апелляционной комиссии.

— Почему? — спросил я.

— Меншевик, — пояснил сидящий рядом Николай Немцов. — До двадцатого года все раздумывал, признать ему советскую власть или нет.

— Главная беда не в том, что он меньшевик, — возразил

Галкин. — Много меньшевиков сейчас работает с нами, но этот... он просто гнусный карьерист!

Никто из старых большевиков не был груб с Вышинским, никто его открыто не третировал. Если он о чем-то спрашивал, ему вежливо отвечали. Но никто первым не заговаривал с ним. Вышинский был достаточно умен, чтобы понимать, что старые партийцы смотрят на него как на чужака, и начал их избегать. Он привык целыми днями сидеть в одиночестве в своей комнате. В то время было очень мало судебных слушаний и Вышинского в обществе других служащих можно было увидеть разве что на собраниях партийной ячейки и на заседаниях Верховного суда, где обсуждались правовые вопросы или разбирались протесты, внесенные прокуратурой по поводу судебных решений. Но я не помню ни одного случая, когда бы Вышинский выступил на партсобрании или пленарном заседании.

Старые партийцы из Верховного суда, безусловно, не были мелочными людьми. Они легко примирились с тем, что Вышинский был когда-то меньшевиком, и готовы были даже смотреть сквозь пальцы на его враждебную нам активность в решающие дни Октября. Невозможно было простить ему другое: после того как революция победила, он все три года, пока шла гражданская война, все еще выжидал и, только убедившись, что советская власть действительно выживет, подал заявление в большевистскую партию.

Как-то — дело происходило в 1923 году — я выступал с докладом перед членами московского городского суда и коллегии защитников. Темой доклада были последние изменения в уголовном кодексе. Присутствовал и Вышинский, и мы вышли из здания Мосгорсуда вместе. Он сказал мне, что до революции намеревался посвятить себя юриспруденции и по окончании курса был оставлен при университете, но вмешалось царское министерство просвещения и лишило его возможности сделать ученую карьеру. Тут Вышинский сменил тему и заговорил о революции 1905 года. Оказывается, его тогда посадили на два года за участие в организации забастовок рабочих. Помню, это произвело на меня впечатление, и

я даже подумал, что, быть может, Вышинский не такой уж плохой человек. Потом выяснилось, что эту историю Вышинский рассказывал и другим членам Верховного суда. Он явно стремился завоевать наше расположение и прорвать изоляцию, в которой очутился.

В конце того же 1923 года в стране была объявлена чистка партии. Нашу партийную ячейку "чистил" Хамовнический райком, и мы явились туда в полном составе. Райкомовская комиссия партийного контроля, непосредственно занимавшаяся чисткой, состояла из видных большевиков, а возглавлял ее член Центральной комиссии партконтроля. Каждый из нас написал свою биографию и приложил к ней поручительства двух других членов партии. Сдал автобиографию и Вышинский. В ней он указал, что при царском режиме отсидел один год в тюрьме за участие в забастовке.

Комиссия партконтроля вызывала нас по одному и, задав несколько вопросов, возвращала предварительно отобранный партбилет. Для старых большевиков из Верховного суда с этой процедурой не было связано никаких проблем, да и вопросов им практически не задавали. Для них это была просто мимолетная встреча со старыми товарищами, заседавшими в комиссии. Некоторые из нас, более молодых, пройдя комиссию, не спешили уйти, а оставались ждать, пока не закончится рассмотрение всех дел. Наступила очередь Вышинского. Для него это было серьезным испытанием: во время предыдущей чистки, в 1921 году, его исключили из партии и восстановили с большим скрипом лишь год спустя.

Прошло полчаса, еще час, еще один, еще полчаса — а Вышинский все не появлялся. Кто-то уже устал ждать и ушел. Наконец Вышинский выскочил, возбужденный и красный как рак. Выяснилось, что комиссия не вернула ему партбилет. Это означало исключение из партии. Вышинский не рассказал нам, что происходило в течение этих трех часов за закрытой дверью. Он ушел в дальний конец вестибюля и там в волнении ходил взад и вперед.

Когда, направляясь к выходу, мы поравнялись с ним, Вышинский возбужденно воскликнул:

— Это возмутительное издевательство! Я этого так не оставлю. Пойду в ЦК и швырну им в физиономию свой партбилет!

Было не очень ясно, как он собирается швырнуть партбилет, который у него отобрали. Мы посоветовали ему не совершать опрометчивых действий, а обсудить все с Крыленко или Сольцем. Сольц, председатель юридической коллегии Верховного суда, одновременно возглавлял Центральную комиссию партийного контроля и руководил чисткой партии по всей стране.

Уже отойдя несколько кварталов, мы услышали сзади торопливые шаги. Нас снова догонял Вышинский. Переведя дыхание, он горячо попросил нас никому не передавать его слов насчет ЦК. Мы обещали.

На следующий день встревоженная девушка-секретарша вошла в зал заседаний и сказала, что в кабинете Сольца истерически рыдает Вышинский. Перепуганный старик выскочил из кабинета, чтобы принести ему воды.

Арон Сольц стал революционером еще в конце прошлого столетия. Несмотря на то что он подвергался бесчисленным арестам и провел много лет в царских тюрьмах и ссылке, душа его не ожесточилась. Он оставался добродушным, отзывчивым человеком.

Как член партии Сольц был обязан неуклонно придерживаться в своей деятельности принципа "политической целесообразности", которым сталинское Политбюро оправдывало все происходящее. Однако до седых волос Сольц так и не научился спокойно смотреть на несправедливость. Только в последние годы жизни ему пришлось под давлением всеобъемлющего террора повторить сталинскую клевету насчет Троцкого. Впрочем, под конец у него хватило мужества сказать Сталину правду в глаза, что его и погубило.*

* Из этих слов можно сделать вывод, что Сталин казнил Сольца, как и многих других. В действительности Сольца упрятали в психиатрическую больницу. От этого потрясения он так и не оправился до конца своих дней, хотя был через некоторое время выпущен и умер дома. Историю Сольца подробно излагает покойный писатель Юрий Трифонов в своих воспоминаниях "Отблеск костра", изданных в СССР. (Примеч.ред.)

Друзья Сольца называли его "совесть партии", в частности, потому, что он возглавлял Центральную комиссию партконтроля (ЦКК) — высший в стране партийный суд. На протяжении нескольких лет одним из моих партийных поручений было докладывать этой комиссии о членах партии, находившихся под следствием, и меня сплошь и рядом восхищал человеческий, неказенный подход Сольца к этим делам.

Именно Сольц, с его добрым и отзывчивым характером, спас Вышинского. Он поставил вопрос на обсуждение в ЦК. после чего Вышинскому был возвращен партбилет. Несколько дней спустя Сольц зашел в нашу "совещательную комнату", где мы как раз пили чай. Увидев Сольца, его старый друг Галкин немедленно накинулся на него за такое заступничество. Сольц виновато улыбнулся: "Чего вы от него хотите? Товарищ работает, старается... Дайте ему показать себя. Большевиками не рождаются, большевиками становятся. Не оправдает доверия — мы всегда сможем его исключить".

Из-за растущего потока жалоб, поступавших отовсюду в апелляционную коллегию, я оказался так занят, что почти перестал бывать на заседаниях юридической коллегии. Как-то раз я заглянул туда — Вышинский как раз в это время делал доклад на тему "Обвинение в политическом процессе". Его выступлению нельзя было отказать в логике, притом он отлично владел русским языком и умело пользовался риторическими приемами. Председательствующий Сольц согласно кивал, не скрывая одобрения.

Мне не понравилась тогда склонность Вышинского переигрывать, его преувеличенный пафос. Но в общем становилось уже ясно, что это — один из способнейших и блестяще подготовленных прокуроров. Мне начало казаться, что наши партийцы несправедливы к Вышинскому; оставалось надеяться, что со временем они изменят отношение к нему.

Однако вскоре произошел небольшой, но характерный эпизод, показавший, что интуиция их не подвела. Зимой 1923 года прокурор республики Николай Крыленко вызвал нескольких работников, в том числе Вышинского и меня, и сообщил, что Политбюро поручило ему разобраться в материалах секретного расследования деятельности советских

полпредств за рубежом. Ввиду огромного объема материалов Крыленко с согласия Политбюро привлекает к данной работе нас. Нам придется вместе с ним изучить их и доложить ЦК свои соображения. Работать будем у него дома, по вечерам, так как он обещал эти документы никуда не передавать.

В тот день мы так и не ушли из роскошного крыленковского особняка, владельцем которого до революции был князь Гагарин. Предстояло изучить тридцать или сорок папок, и Крыленко распределил их между нами. Он пояснил при этом, что нарком государственного контроля Аванесов, проводивший расследование, обнаружил в советских представительствах за рубежом скандальные факты коррупции и растранижирования секретных денежных фондов и что некоторые служащие подозреваются в сотрудничестве с иностранными разведками.

Крыленко попросил нас излагать свои выводы на больших листах бумаги в таком порядке: слева, под фамилией обвиняемого лица, мы должны кратко сформулировать суть обвинения и указать, достаточно ли имеется доказательств, чтобы возбудить судебное преследование. Справа помечалось, куда следует передать дело: в уголовный суд, в ЦКК, либо решить его в дисциплинарном порядке, а также каким должно быть наказание.

Документы оказались куда менее интересными, чем можно было ожидать. Они содержали в основном бездоказательные обвинения, которые возводили друг на друга не ладившие между собой бюрократы, подогреваемые своими вздорными супругами. Лишь незначительная часть бумаг свидетельствовала о фактах растраты, моральной распущенности и других вещах, способных нанести ущерб престижу советской страны. Случаев государственной измены мы не обнаружили вовсе.

Все вечера Крыленко работал вместе с нами. Время от времени он подходил к кому-нибудь из нас и смотрел, как подвигается работа. Заглядывая через плечо Вышинского, он заинтересовался делом одного советского дипломата, обвинявшегося в чрезмерно роскошном образе жизни, сбли-

жении с женой одного из подчиненных и других грехах. Вышинский предлагал исключить его из партии, предать суду и приговорить к трем годам заключения.

— Как это так — три года? — недовольным тоном спросил Крыленко. — Вы тут написали, что он дискредитировал советское государство в глазах Запада. За такое дело полагается расстрел!

Вышинский сконфузился и покраснел.

— Вначале я тоже хотел предложить расстрел, — подхалимским тоном забормотал он, — но...

Тут он запнулся, пытаясь подыскать объяснение. Не найдя его и окончательно растерявшись, он промямлил, что признает свою ошибку. Крыленко насмешливо уставился на него, — похоже, что замешательство Вышинского доставляло ему удовольствие.

— Да здесь вовсе нет преступления! — неожиданно произнес он и, показывая пальцем на запись Вышинского об исключении этого дипломата из партии и предании его суду, заключил:

— Пишите: закрыть дело!

Я не смотрел на Вышинского, не желая смущать его еще больше. Но Вышинский вдруг разразился угодливым смехом:

— Как вы меня разыграли, Николай Васильевич! Вы меня сбили с толку... Когда вы предложили дать ему расстрел, я совсем растерялся. Я подумал, как же это я так промахнулся и предложил только три года! А теперь... ха-ха-ха...

Смех Вышинского звучал фальшиво и вызывал чувство гадливости.

Я уже говорил, что многие считали Вышинского карьеристом, пролезшим в партию, но я никогда не ожидал, что он окажется таким беспринципным и лишенным всякой морали, что выразит готовность идти на все — оправдать человека, расстрелять его, — как будет угодно начальству.

Положение самого Вышинского было шатким. Пока в стране пользовались влиянием старые большевики, дамоклов меч партийных чисток постоянно висел над ним. Вот почему разгром оппозиции и преследование этих людей, сопровождавшее этот разгром, были Вышинскому наруку.

Сталину требовалось, чтобы во всех советских организациях были люди, готовые обвинить старых большевиков в антиленинской политике и помочь избавиться от них. Когда в результате такой клеветы ЦК увольнял их с ключевых постов, клеветники в порядке вознаграждения назначались на освободившиеся места.

Неудивительно, что в этой ситуации Вышинский смог сделать "бдительным оком" партии и ему было поручено следить за тем, чтобы Верховный суд не отклонился от ленинского пути. Теперь ему не приходилось дрожать перед каждой чисткой: напротив, из партии исключались те, кто подозревался в сочувствии преследуемым ленинским соратникам. Вышинского в этом подозревать не приходилось. Его назначили генеральным прокурором, и он стал активно насаждать "верных членов партии" в судебные органы и прокуратуру. Естественно, там не оказалось места таким, как Николай Крыленко — создатель советского законодательства и вообще всей советской юридической системы. Он был объявлен политически ненадежным, хотя и не принадлежал ни к какой оппозиции. А Вышинский, годами раболепствовавший перед Крыленко, получил задание выступить на совещании юридических работников и осудить крыленковскую политику в области юстиции как "антиленинскую и буржуазную".

Со своего высокого прокурорского поста Вышинский с удовольствием наблюдал, как старые большевики один за другим убираются из Верховного суда. Крыленко исчез в начале 1938 года. Одновременно исчезла его бывшая жена Елена Розмирович, работавшая до революции секретарем Заграничного бюро ЦК и личным секретарем Ленина.*

В июле 1936 года в коридоре здания НКВД я лицом к лицу столкнулся с Галкиным. Его сопровождал тюремный конвой. По-видимому, Галкин был так потрясен случившимся, что не узнал меня, хотя мы встретились глазами.

*Орлов, стремящийся противопоставить "хорошего" Крыленко "плохому" Вышинскому, умалчивает о том, что оба они проявили себя как послушные проводники сталинского произвола на ранних процессах. Например, на процессе "Промпартии" (1930), на "Шахтинском деле" (1928), которое рассматривалось Спецприсутствием

Я немедленно зашел в кабинет Бермана и попросил его помочь Галкину, чем только можно. Берман сообщил мне, что Галкин арестован на основании поступившего в НКВД доноса, будто он осуждает ЦК партии за роспуск Общества старых большевиков. Донос поступил от Вышинского.

Назначая Вышинского государственным обвинителем на московских процессах, Сталин еще раз показал, какой смысл он вкладывает в понятие "нужный человек на нужном месте". В целом государстве не нашлось бы, наверное, другого человека, кто с таким рвением готов был бы сводить счеты со старыми большевиками.

Верховного суда СССР под председательством Вышинского и при главном обвинителе Крыленко (!).

ХУДОЖНИК И ВЛАСТЬ

В созвездии талантов, которыми современная Россия оказалась так широко представлена на Западе, у Леонида Ламма особое место. Может быть, это прозвучит парадоксом, но его индивидуальность — в его многообразии, в той многогранности дарования, когда в одном художнике как бы уживаются несколько совершенно разных мастеров. И у каждого своя манера, свой почерк, свой не похожий ни на какой другой талант.

Нет, разумеется, никакой возможности в небольшом эссе рассказать о всех этих гранях, сделать даже краткий обзор работ художника — разве лишь перечислить основные его направления, назвать лишь наиболее значимые его циклы и серии.

С чего же начать? Может быть, с метафизических "зоофит" (термин К.Э. Циолковского), которыми обратил на себя внимание Леонид Ламм еще на Измайловской выставке в Москве. В этих "зоофитах", по словам одного эмигрантского критика, художник как бы ищет равнодействующую между техникой и живой природой, поэтизируя то, что легло в основу сравнительно молодой науки бионики.

Еще в Москве, задолго до отъезда в Америку, Леонид Ламм сказал: "Я почувствовал себя художником, когда написал в 1966 г. "Шар". Это действительно одна из самых значительных работ худож-

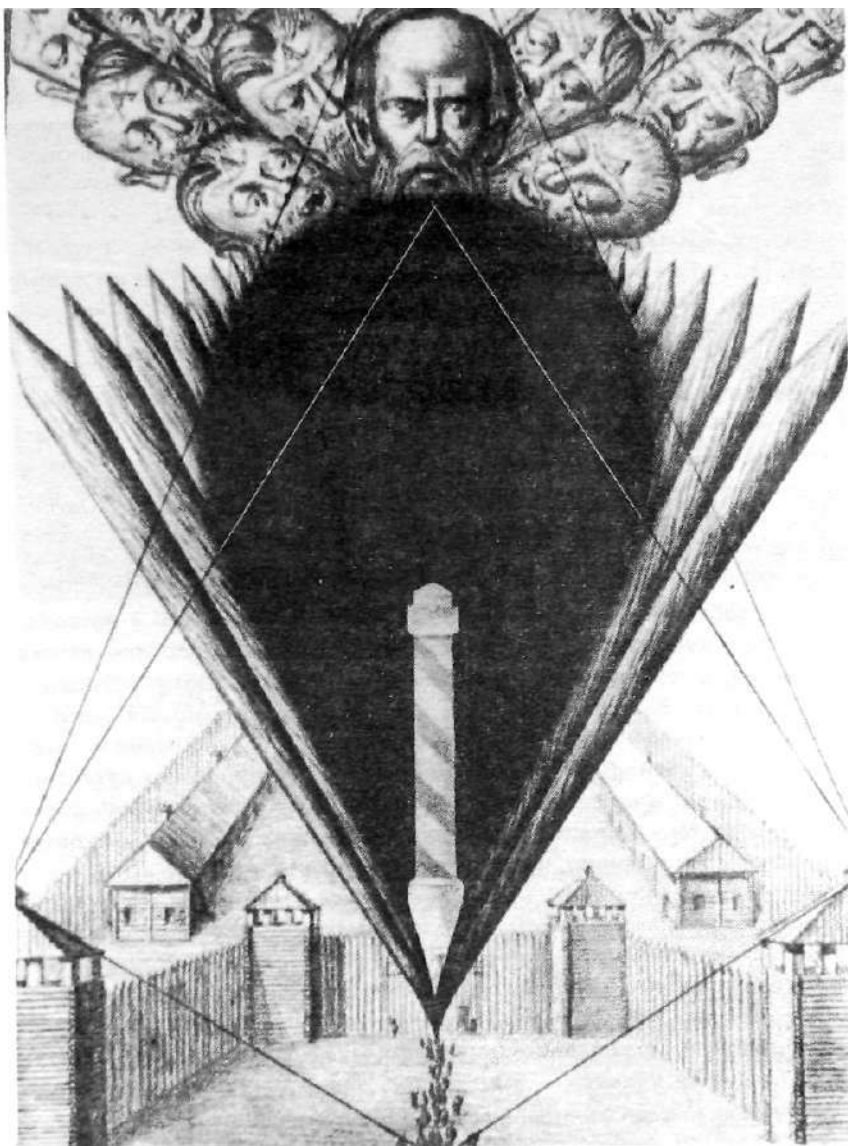
ника, после которой иные из критиков стали причислять его к абстракционистам. Однако у них тотчас нашлись оппоненты, заявившие, что Леонид Ламм — представитель нового направления в живописи — дезабстракционизма. Абстракционисты устранили из живописи предметы, лишили живопись фигуративности. Дезабстракционисты вернулись к вещному миру. И в самом деле: вещный мир неизменно присутствует в любой из работ Ламма. Художник как бы испытывает восторг перед натурой, но он сообщает этой натуре мощную и естественную экспрессию. Ею наделены большинство его серий: "Птицы", "Портреты", "Натюрморты"... Все это и натурально, и в то же время причудливо фантастично. Унаследовав фантазию абстракционистов, художник поднимается на новую, неизвестную им ступень.

Вот уж кажется, одно это могло бы стать предметом критической монографии о работах Ламма. Но нет, я еще не коснулся целого мира, самостоятельного и самоценного. Леонид Ламм — график и иллюстратор — это особая тема. В Советском Союзе им было оформлено более четырехсот книг. А сколько неопубликованного?! Назовем лишь иллюстрации к "Запискам из Мертвого дома": двадцать одна иллюстрация к двадцати одной главе "Записок", и каждая по-своему усиливает, углубляет трагедийную силу Достоевского.

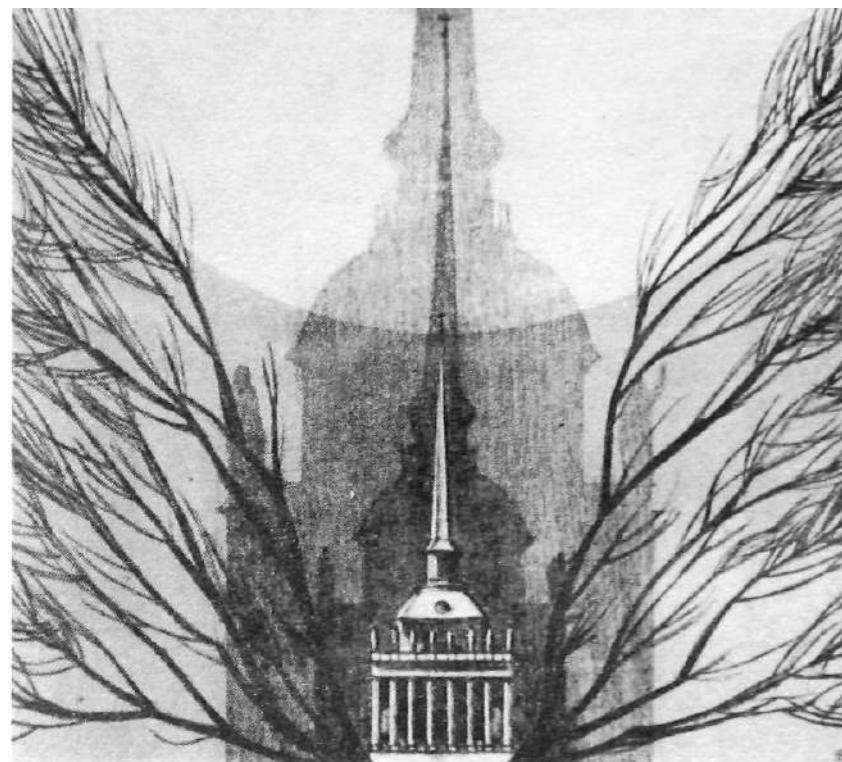
Есть особая, личная, причина, по которой тема тюрьмы и несвободы близка художнику. Его эмиграции предшествовало трехлетнее заключение, в том числе пребывание в печально известной московской Бутырке. Выйдя из тюрьмы, художник создает новый цикл, в котором стремится познать окружающий мир в соотношении со своей личной судьбой. В тюремных пейзажах, то совершенно натуральных, то причудливо фантастических, перед нами одновременно предстает и создатель удивительных метафизических "зоофит", и блестящий дезабстракционист, и талантливый иллюстратор.

"Бутырский репортаж" — это логическое завершение никогда не стихавшего конфликта между художником и властью. Художник не служил режиму, а служил искусству. Режим ненавидел его за это. Бутырки были мезьей властей за талант и свободный взгляд на мир. "Бутырский репортаж" явился достойным ответом художника. Да, его можно травить, можно бросить за решетку. Но нельзя убить его таланта. Талант не убиваем — это главное, о чем думаешь, когда сегодня, уже в Нью-Йорке, знакомишься с работами Леонида Ламма.

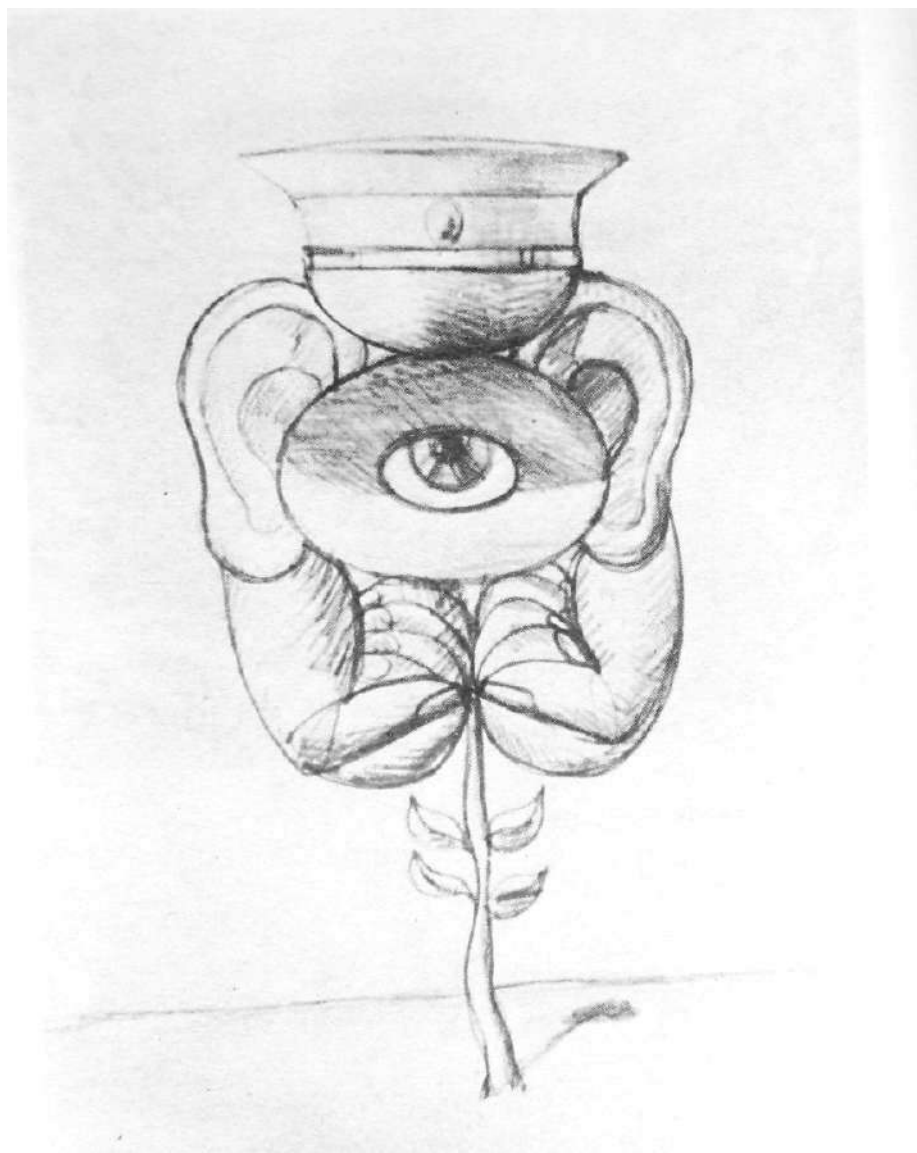
В. ПЕТРОВСКИЙ

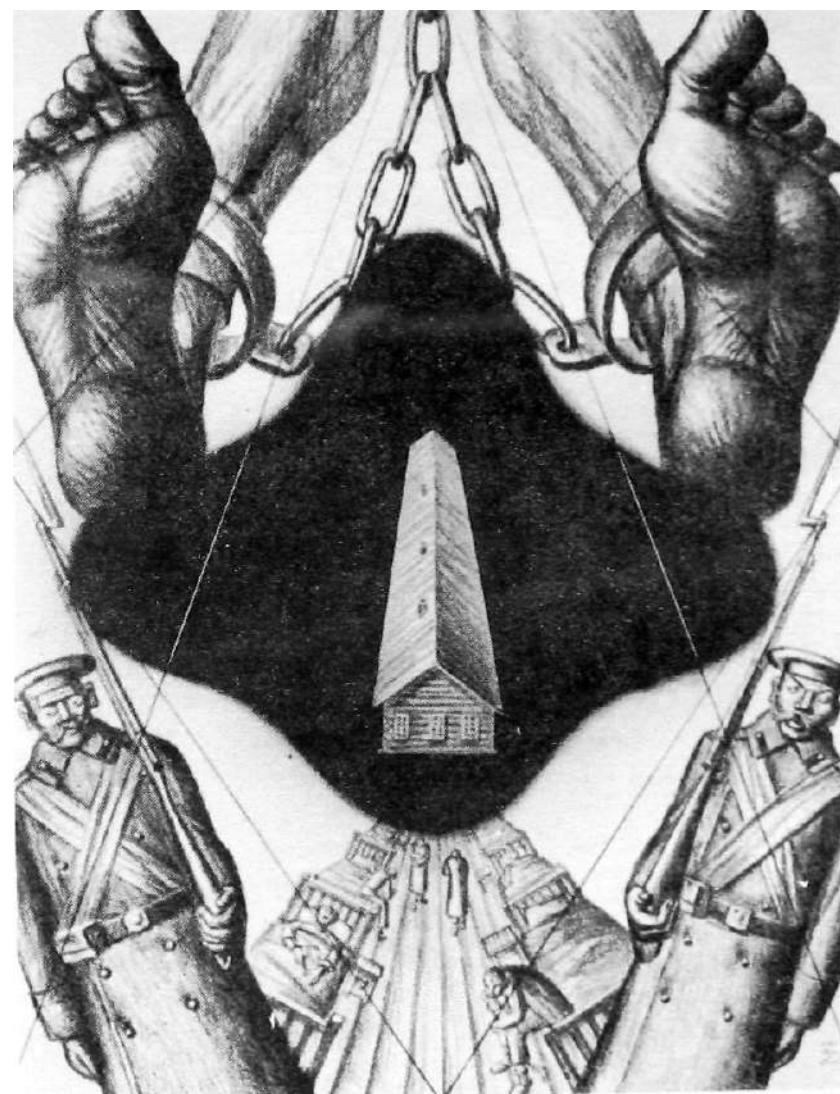
Острог. Серия "Записки из Мертвого дома"

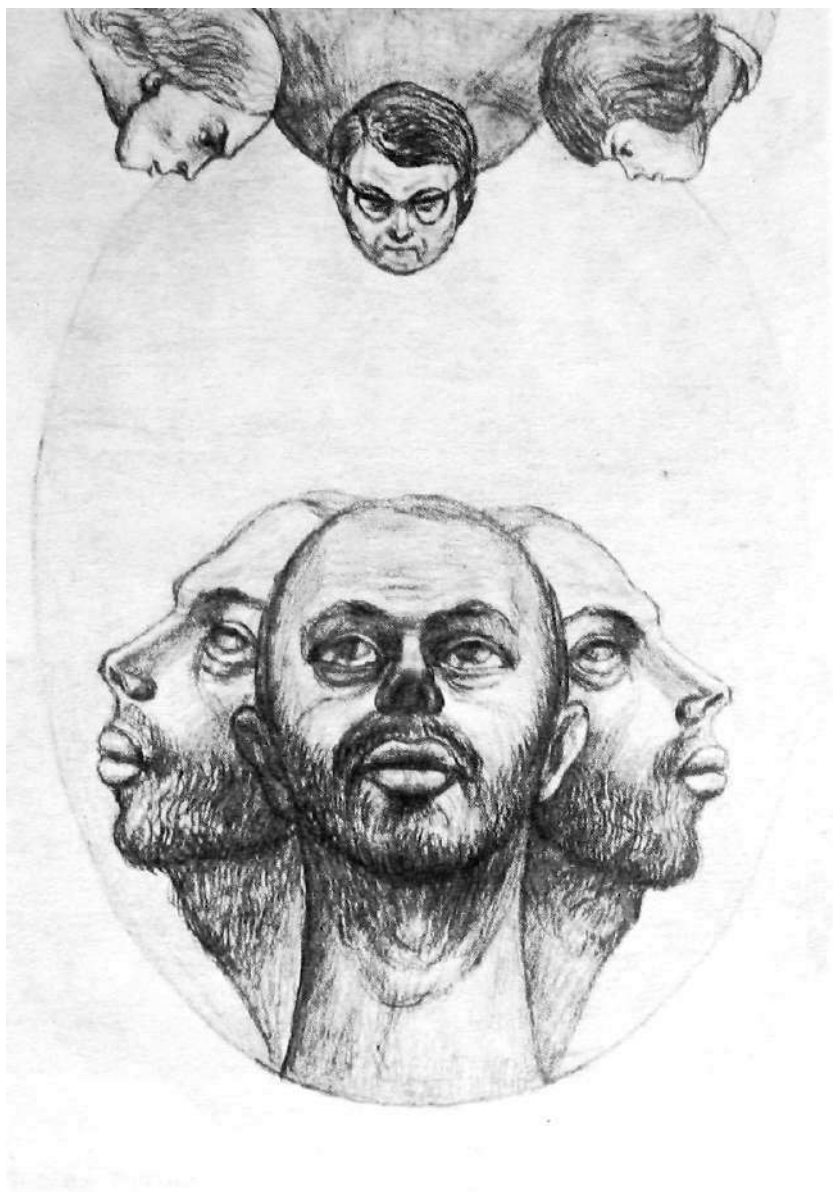
Петербург. Серия "Города"

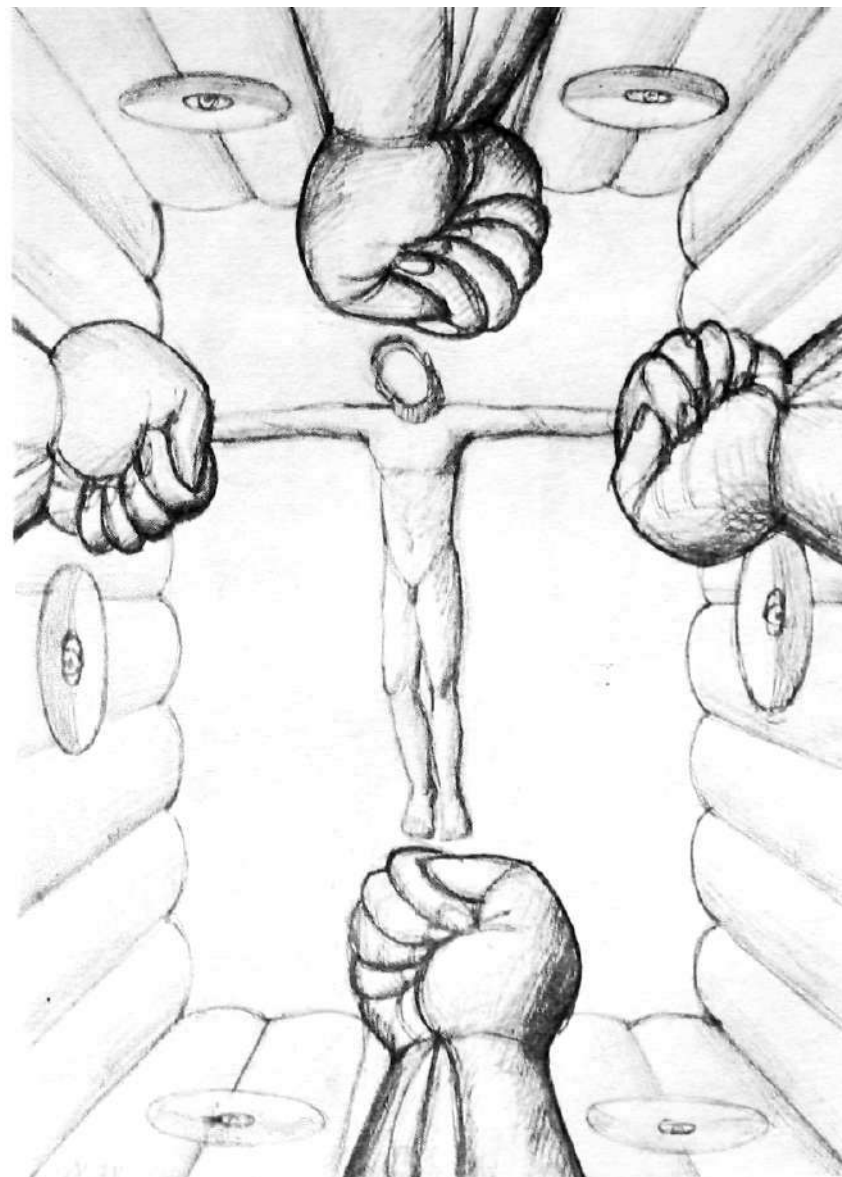
Лист из "Бутырского альбома"

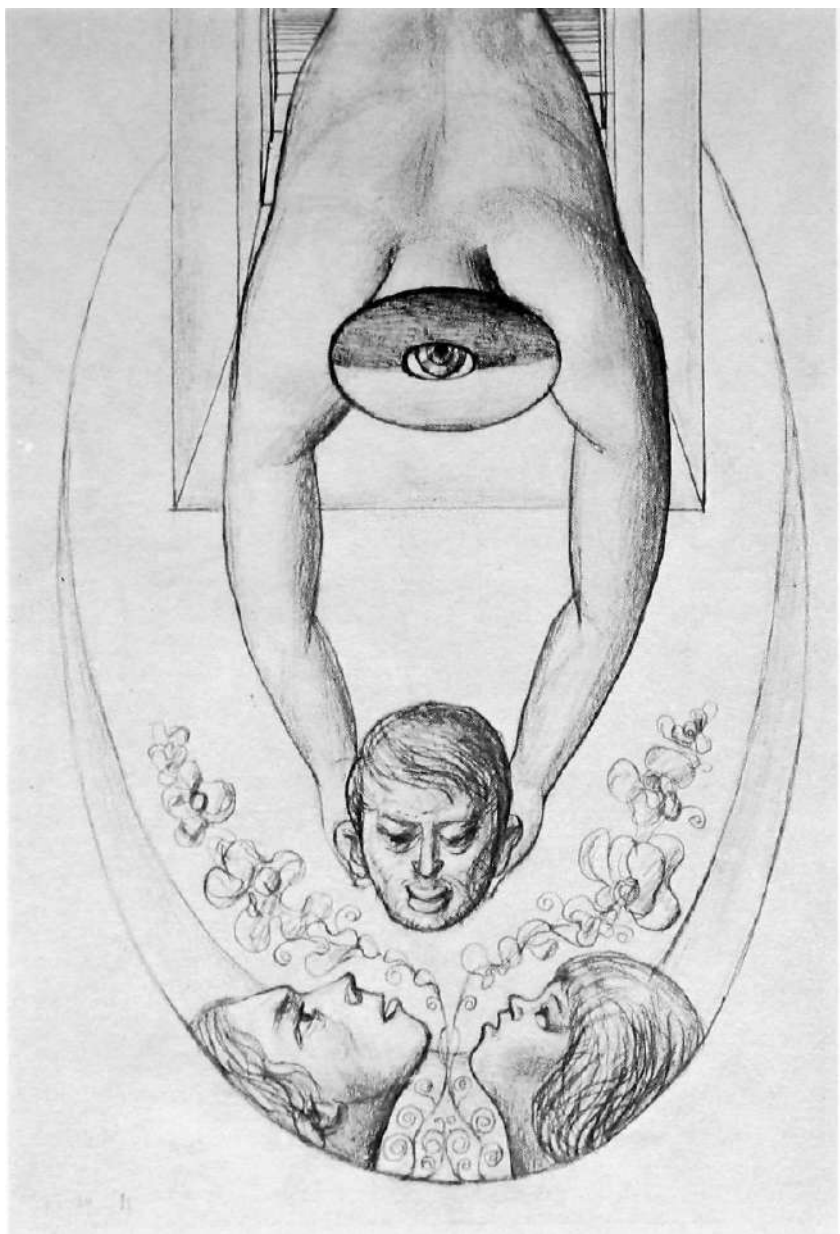
Госпиталь. Серия "Записки из Мертвого дома"

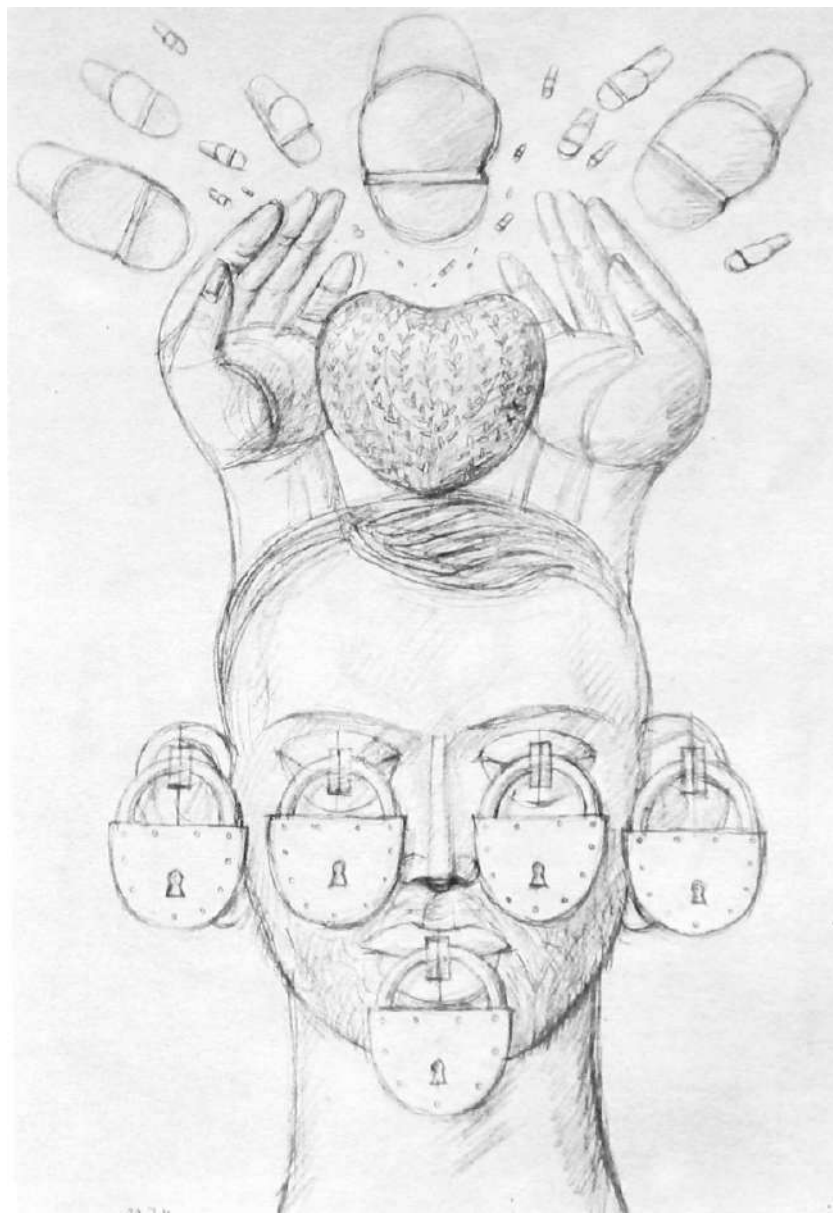
"Мой дом, я все равно там"

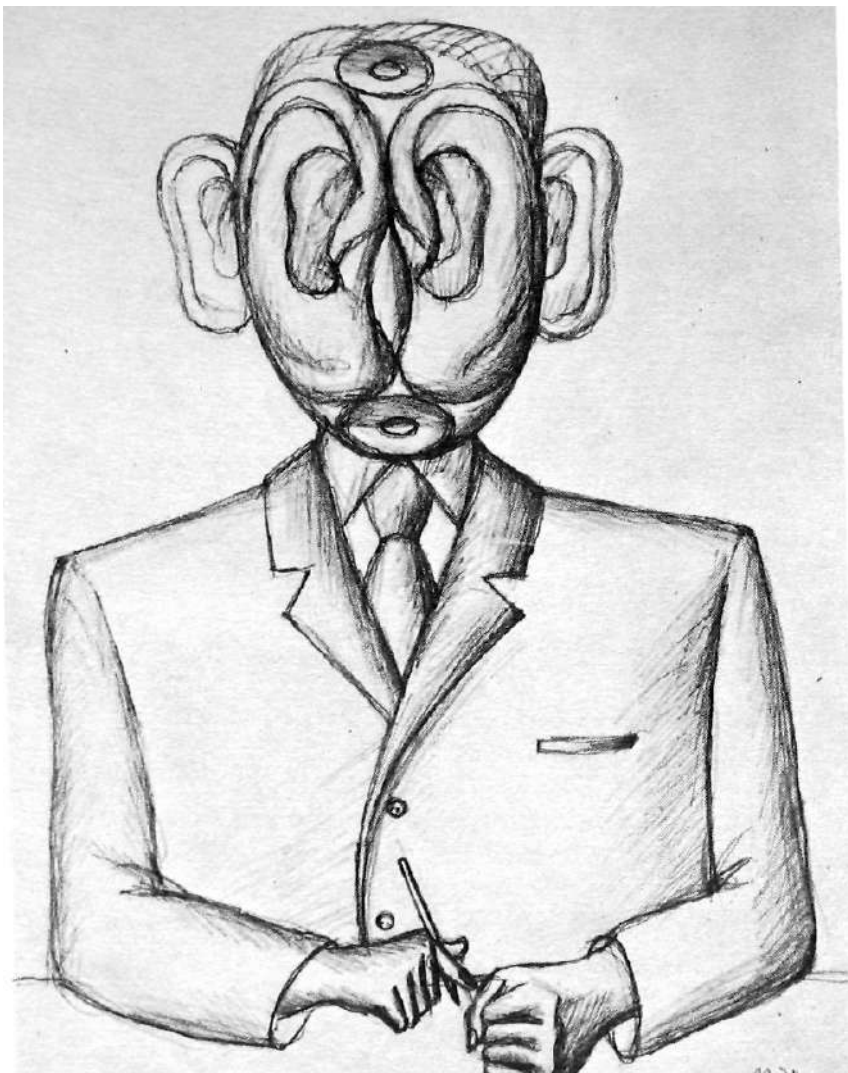
"Распятие". (Резиновая камера)

"Стремление"

"Молчание"

"Призумции невиновности нет!" (Следователь)

"Кальвинист-абсолютист" (Начальник Бутырки полковник Подрез)

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Милан КУНДЕРА — родился в Брно, в Чехословакии. После второй мировой войны вступил в коммунистическую партию, и в 1948 г., еще в студенческие годы, был из нее исключен. После университета, перед тем как стать профессиональным писателем, Кундера сменил несколько профессий: от рабочего и музыканта в джазе до профессора в Пражском институте кинематографии. После вторжения советских войск в Чехословакию был уволен с работы и эмигрировал на Запад. В 1975 г. поселился во Франции. Произведения Милана Кундеры переведены на многие языки.

Фридрих ГОРЕНШТЕЙН — родился в 1932 г. в Киеве. Окончил сценарные курсы. В 1962 г. опубликовал в журнале "Юность" рассказ "Дом с башней". В 1972 г. по сценарию Горенштейна Андрей Тарковский снял фильм "Солярис". По сценариям Горенштейна поставлено восемь фильмов, в том числе три телевизионных. Однако ни одного прозаического произведения после 1962 г. в России опубликовано не было. С 70-х годов Горенштейн начинает систематически публиковаться на Западе. В журнале "Время и мы" были напечатаны повесть "Искупление" (№ 42), пьесы "Бердичев" (№ 50) и "Волемир" (№ 67) и другие произведения. В настоящее время живет в Берлине.

Илья СУСЛОВ — родился в 1933 г. После окончания Московского полиграфического института в 1956 г. работал начальником цеха в типографии "Детская книга". Затем работал в журналах "Юность", "РТ". С 1967 по 1973 год был заместителем заведующего отделом сатиры и юмора "Литературной газеты", редактировал ее "Клуб 12 стульев". В 1974 г. эмигрировал в Америку. Был грузчиком, работал в типографии, продавцом, затем в "Голосе Америки". Сейчас — редактор в русском отделе журнала "Америка". Член редколлегии журнала "Время и мы".

Александр ЛАЙКО — родился в 1938 г. Автор нескольких книг для детей — оригинальных и переводных; был участником литературной студии "Факел" в Москве, где сотрудничал с такими впоследствии известными литераторами, как Ю.Карабчиевский, Г.Сапгир, М.Агурский. Лирические стихи, составляющие главное дело его жизни, в советской печати никогда не публиковались. Живет в Москве.

Даниил НАДЕЖДИН — родился в 1926 г. в небольшом селе под Киевом. В 1948 г. окончил Киевский политехнический институт. В Союзе работал как инженер на заводе и в НИИ. В 1977 г. эмигрировал на Запад. В настоящее время живет в Канаде и работает в Карлтонском

университете в Оттаве. Занимается научными исследованиями в области электрохимии. Стихи, рассказы и переводы печатались в периодической прессе в СССР и на Западе.

Игорь ДОЛИНЯК — родился в 1938 г., окончил Ленинградский инженерно-строительный институт. Работал проектировщиком, старшим инженером, начальником строительного участка. После того как некоторые стихи и проза Игоря Долиняка стали циркулировать в самиздате, его поэтический сборник был изъят из библиотек. В настоящий момент работает сторожем. Стихи публикуются без ведома автора.

Илья ЛЕВКОВ — родился в 1943 г. По профессии политолог. Был заведующим отделом при Американском национальном комитете по проблемам советских евреев. Публиковался в основном в американских научных изданиях. В журнале "Время и мы" была напечатана его статья "Советские неопиты в Западном Берлине" (№ 61).

Г.НИЛОВ — рукопись пришла по каналам самиздата.

Михаил ХЕЙФЕЦ — родился в 1934 г. в Ленинграде. Окончил Ленинградский педагогический институт им.Герцена. Автор нескольких повестей, очерков, статей, пьес и сценариев. Был членом Группы профессиональных литераторов при Ленинградском отделении Союза писателей. С 1974 по 1980 г. находился в заключении в Мордовских лагерях и в ссылке. В Израиле с 1980 г.

Лев РУДКЕВИЧ — родился в 1946 г. После окончания Ленинградского университета преподавал в ряде ленинградских вузов, написал диссертацию по психологии творчества. Автор ряда научных и научно-популярных работ, а также одного киносценария. В 1976 г. совместно с Т.Горичевой и В.Кривулиным начал издавать самиздатский журнал "37", в связи с чем через год под давлением органов госбезопасности должен был покинуть СССР. В эмиграции занимается научной и общественной работой, в том числе политической журналистикой. Печатается в русскоязычных журналах. Член редколлегии издаваемой в Австрии газеты "Вестник Восточной Европы". Живет в Вене.

Виталий МИЛЬМАН — родился в 1939 г. Окончил Харьковский университет, физико-математический факультет в 1960 г. В 1970 г. защитил докторскую диссертацию. Эмигрировал в Израиль в 1973 г. Профессор Тель-авивского университета. В последние два года был председателем математического департамента этого университета.

Александр ОРЛОВ — см. № 67.

УСТАНОВЛЕННЫ СЛЕДУЮЩИЕ УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Стоимость годовой подписки в США — 43 доллара; для библиотек — 48 долларов; с целью экономической поддержки журнала — 50 долларов. Заказы и чеки высылать по адресу главной редакции:

475 Fifth Ave, suite 511a, New York, N.Y. 10017

Стоимость подписки в Израиле — 1200 шекелей; для библиотек — 1300; с целью экономической поддержки журнала — 1250 шекелей. Заказы и чеки высылать по адресу израильского отделения журнала "Время и мы": Иерусалим, Талпиот мизрах, 422/6 (зав.отделением Дора Штурман-Тиктина).

Подписка из Франции, Германии и других стран мира может осуществляться как через главную редакцию в Нью-Йорке, так и через представителей журнала.

При подписке в главной редакции чеки высылаются только в американских долларах (т.е. это должны быть чеки американских банков или иностранных банков, имеющих в Нью-Йорке отделения).

При подписке через представителей журнала (или его отделения) стоимость подписки:

- во Франции — 350 франков; для библиотек — 400; с целью экономической поддержки журнала 450 франков;
- в Германии — 115 немецких марок; для библиотек — 125; с целью экономической поддержки журнала — 140 марок.

Подписка авиапочтой — 86 долларов.

"ВРЕМЯ И МЫ" — 1983 ГОД**ПОДПИСНОЙ ТАЛОН**

Фамилия

Имя

Адрес

Подписной период

Прошу оформить подписку на журнал "Время и мы" на год. Высылать с номера

Журнал высылать обычной /авиа/ почтой по адресу

Подпись

Примечание редакции: чек выписывается по-английски на имя журнала "Время и мы" /Time and We/.

Из Германии, Англии, Франции и других стран чеки могут высылаться либо непосредственно по адресу главной редакции, либо в адрес представителей журнала.

Подписка оплачивается в американских долларах чеками американских банков и иностранных банков, имеющих отделения в США. и высылается по адресу "Time and We"

475 FIFTH AVENUE, SUITE 511-A, NEW YORK.
NEW YORK 10017. Tel. (212) 684-3014

ОБРАЩЕНИЕ

13-15 апреля 1983 г. в Лиссабоне (Португалия) состоится 4-я сессия Международных Сахаровских Слушаний.

В повестке дня два вопроса.

1. Социально-экономические права трудящихся в СССР.

2. Свобода интеллектуального творчества в СССР.

На Слушаниях компетентному жюри будут представлены свидетельства лиц, покинувших Советский Союз не ранее чем 5 лет назад и имеющих личный опыт в указанных выше вопросах.

Исполнительный Комитет Слушаний обращается ко всем лицам, которые могли бы дать свидетельские показания о несоблюдении или соблюдении основных прав человека в названных областях. Слушания интересуют среди прочих следующие темы.

1. Условия труда рабочих и служащих: техника безопасности, оплата труда и др.

2. Прием на работу и увольнение с нее: наличие или отсутствие дискриминации по национальному, религиозному, политическому или иному признаку.

3. Принудительный труд, преследование за "тунеядство".

4. Помощь, оказываемая профсоюзами в защите основных прав трудящихся, или отсутствие такой помощи.

5. Условия труда женщин.

6. Условия труда инвалидов.

7. Особенности труда колхозников, свобода выхода из колхоза.

8. Наличие или отсутствие дискриминации по какому-либо признаку в сфере интеллектуального творчества: литература, искусство, наука.

9. Цензура.

10. Преследования авторов за неортодоксальное интеллектуальное творчество.

Приведенный перечень, разумеется, не является исчерпывающим, а лишь примерным. Обращаем еще раз внимание на то, что показания должны быть основаны на личном опыте, либо на том, чему данное лицо было прямым свидетелем.

Исполнительный Комитет просит прислать показания (в развернутой или тезисной форме) не позднее 31 января 1983 г. по адресу:

Dr. Cronid Lubarsky
International Sakharov Hearings
Wolfratshauser str. 68
D-8000 Munchen 70

Представитель Исполнительного Комитета Слушаний будет рад вступить с Вами в контакт и обсудить вопрос о возможности Вашего приглашения в Лиссабон для личного выступления на Слушаниях.

АРДИС/ARDIS

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ. Остров Крым. 12.50.

ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ. Николай Николаевич. 4.50.

АННА АХМАТОВА. Четки. 3.50.

АНДРЕЙ БИТОВ. Пушкинский дом. 8.00.

ИОСИФ БРОДСКИЙ. Часть речи. 4.50.

МИХАИЛ БУЛГАКОВ. Мастер и Маргарита. 5.50.

МИХАИЛ БУЛГАКОВ. Собрание сочинений в 10-ти тт.

Том 1. Ранняя проза. 25.00.

ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ. Иванкиада. 5.00.

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ. К синей звезде. 300.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ. Записки из подполья. 3.50.

НИКОЛАЙ ЕВРЕЙНОВ. Фотобиография. 8.50.

ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР. Кролики и удавы. 7.95.

ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР. Новые главы. Сандро. 10.00.

ЛЕВ КОПЕЛЕВ. Держава и народ. 6.95.

ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ. Избранное. 6.00.

СЕМЕН ЛИПКИН. Воля. 5.00.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. Воронежские тетради. 3.50.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ. Тристия. 2.50.

ВЛАДИМИР НАБОКОВ. Аня в стране чудес. 6.00.

ВЛАДИМИР НАБОКОВ. Дар. 9.00.

ВЛАДИМИР НАБОКОВ. Лолита. 8.00.

БУЛАТ ОКУДЖАВА. 65 песен. 2-ое изд. 11.00.

БОРИС ПАСТЕРНАК. Воздушные пути. 4.50.

САША СОКОЛОВ. Между собакой и волком. 5.00.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Версты. 3.00.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА: ФОТОБИОГРАФИЯ. 10.00.

Книги издательства "Ардис" можно приобрести в любом русском книжном магазине или непосредственно в издательстве:

ARDIS PUBLISHERS

2901 Heatherway, Ann Arbor, Michigan 48104 USA

ALEXANDER SHTROMAS POLITICAL CHANGE & SOCIAL
DEVELOPMENT: THE CASE OF THE SOVIET UNION,
PETER LANG. FRANKFURT a.M/BERN, 1981

В книге недавнего эмигранта из СССР, ныне профессора Солфордского университета (Англия)

АЛЕКСАНДРА ШТРОМАСА

исследуются отношения между советским политическим режимом и разными слоями населения СССР.

На основании тщательного историко-социологического исследования этих отношений автор строит прогнозы дальнейшего развития страны, рассматривает возможные модели и сценарии смены существующего в ней ныне политического строя. В этой связи автор, в частности, касается политической стратегии Запада по отношению к СССР и ряда других не менее актуальных проблем.

ИЗ ОГЛАВЛЕНИЯ КНИГИ

Проблема политической оппозиции в СССР;

Советский режим и советский народ: исторический обзор;

Проблема политической оппозиции в СССР;

Советский режим и советский народ: исторический обзор;

Советский народ и советский режим: современное "диссидентское согласие";

Внутриструктурное и внеструктурное диссидентство;

Смена политического режима: вопросы теории;

Сценарии и исторические модели смены: плавный переход от партократии к технократии, военный переворот, внутриструктурный и внеструктурный гражданский переворот;

Последствия смены политического режима в СССР: чего следует ожидать и что следует предпринять.

Книга снабжена богатым справочным аппаратом.

Цена с пересылкой и 5-процентной скидкой 38 швейцарских франков.

Заказы на книгу направлять в издательство в Швейцарии:

Verlag Peter Lang, Postfach 277, CH-3000 Bern 15

БИБЛИОТЕКА ИЗБРАННОЙ ПРОЗЫ ЖУРНАЛА
"ВРЕМЯ И МЫ"

Редакция журнала "Время и мы" предлагает читателям "Библиотеку избранной прозы", куда входит ряд лучших произведений, опубликованных в журнале, начиная с 1975 года

Большая серия

Борис Хазанов "Я, Воскресение и Жизнь", Василий Аксенов "Гибель Помпеи", Юрий Карабчиевский "Жизнь Александра Зильбера", Виктор Некрасов "Из дальних странствий возвратись", Владимир Рыбаков "Желтое и красное", Фридрих Горенштейн "Искупление и "Бердичев", Аркадий Львов "Бизнесмен" и "Отель "Амбассадор", Леонид Гершович "Царственный миг", Надежда Улановская "В России и за границей", Макс Брод "Жизнь и смерть Франца Кафки", Василий Яновский "Поля Елисейские", Владимир Марамзин "Человек, который верил в свое особое назначение" — всего 19 журналов.

Стоимость большой серии 57 долларов, включая пересылку.

Малая серия

Борис Хазанов "Я, Воскресение и Жизнь", Фридрих Горенштейн "Искупление", Виктор Некрасов "Из дальних странствий возвратись", Аркадий Львов "Бизнесмен", Василий Аксенов "Гибель Помпеи", Владимир Рыбаков "Желтое и красное", Юрий Карабчиевский "Жизнь Александра Зильбера" — всего 9 журналов.

Стоимость малой серии 27 долларов, включая пересылку.

Заказы и чеки присылать по адресу редакции журнала "Время и мы" с указанием серии.

Опечатки

В № 67 в части тиража допущены две опечатки.

В воспоминаниях А.Орлова, с.203 следует читать: "в январе 1937 г."

В рассказе А.Фрадиса следует читать: "Лев Давидович Троцкий".

Do you desire help in SPEAKING ENGLISH?

**NEW CLASSES ARE
FORMING for international
students, business persons
and government personnel.**

Conversation Classes meet Monday through Thursday—four days each week, beginning at 9:00 a.m., 10:30 a.m., 12:00 noon, 1:30 p.m., 4:00 p.m. and 5:30 p.m.

Grammar Classes meet Fridays at 12:00 noon — and are open to daily conversation students.

Idiom Classes meet Fridays at 10:30 a.m.

A Modern Language Laboratory with 'Self-Teaching' tapes is open to our students from 9:00 a.m. to 7:00 p.m. daily.

For Many Years, Hundreds of Students have benefitted from our Spoken English Classes. Daily readings and conversation utilize an easy-to-understand Bible in a program that is absolutely nonsectarian!

TUITION IS FREE! Students buy their own books and pay a small registration fee.

**CLASSES ARE
SMALL AND FRIENDLY.**

Phone now— (212) 432-1088

REGISTRATION — NOW

CLASSES BEGIN SOON

INTERNATIONAL MISSION

One World Trade Center. Suite 1425
New York. New York 10048

*ПРОДАЕТСЯ ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ РУССКОЙ
КНИГИ:*

Феликс Розинер

НЕКТО ФИНКЕЛЬМАЙЕР

Роман

Парижская литературная премия им. Вл. Даля
за 1980 год

В России писатель Феликс Розинер / р. 1936/ публиковал беллетризованные биографии музыкантов и художников /Григ, Прокофьев, Чурленис/, но его художественные произведения — проза, поэзия, пьесы — оставались неизданными и стали широко публиковаться после отъезда писателя в Израиль/1978/.

"Это прежде всего роман о творчестве, о творческой личности, о художнике, устами которого говорит нечто высшее и более властное, чем является он сам — бренный человек, ветхий адам. Конфликт художника и действительности — это вечный трагический конфликт и это вечная, может быть, самая болезненная тема мирового искусства. Разумеется, гримасы любой социальной реальности накладывают свою печать на жизнь художника. Но эта трагедия носит всеобщий характер, и об этом еще долго будут писать, прежде чем люди перестанут "пожирать неразумных детей своих"— своих гениев, своих художников и поэтов, не умеющих приспособиться к этому прагматическому миру."

Феликс Розинер

Издательство "Overseas Publications Interchange, London

В книге 600 стр.

Цена: в мягкой обложке — 6 фунтов стерлингов
в твердом переплете — 7.50

Отвергнутые рукописи не возвращаются и по их
поводу редакция в переписку не вступает.

MAIN OFFICE: 475 FIFTH AVENUE, SUITE 511-A.
NEWYORK 10017, Tel. (212) 684-3014

Printed in Israel

OCR и вычитка — Давид Титиевский, январь 2011 г.
Библиотека Александра Белоусенко

**На четвертой странице обложки: Леонид Ламм. Баня. Серия "Записки
из Мертвого дома"**

